

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 10
2018-2019

Учредители:
Российская Ассоциация международного права
Министерство юстиции РТ
Верховный суд РТ
Уполномоченный по правам человека в РТ
Университет управления «ТИСБИ»
Редакционная коллегия журнала

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Д.ю.н., проф. кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета **Г.И.Курдюков** (Председатель), заведующий кафедрой международного права Томского государственного университета д.ю.н., проф., **А.М.Барнашов** (Томск), заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета, д.ю.н., проф. **С.В.Бахин** (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета д.ю.н., проф. **П.Н.Бирюков** (Воронеж), д.ю.н., профессор кафедры международного права Южного федерального университета **Л.И.Волова** (Ростов), заведующий кафедрой международного права Дальневосточного федерального университета д.ю.н., проф. **В.В.Гаврилов** (Владивосток), к.ю.н., доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета **А.М.Ибрагимов** (Махачкала), д.ю.н., старший научный сотрудник НИЦ Краснодарского высшего военного училища **Н.И.Костенко** (Краснодар), Заведующий кафедрой международного права Саратовской государственной юридической академии к.ю.н., доц. **Д.В.Красиков** (Саратов), заведующий кафедрой международного права Уральской юридической академии д.ю.н., проф. **Л.А.Лазутин** (Екатеринбург), директор Института государства и права Тюменского государственного университета д.ю.н., проф. **С.Ю.Марочкин** (Тюмень), д.ю.н., профессор Российского государственного университета правосудия (Казанский ф-л) **Ю.В.Самович**; заведующий кафедрой международного права Сибирского федерального университета д.ю.н., проф. **Т.Ю.Сидорова** (Красноярск), заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета д.ю.н., проф. **В.Л.Толстых** (Новосибирск), заведующий кафедрой мировой политики и международного права Нижегородского государственного университета д.и.н., к.ю.н., проф. **О.О.Хохлышева** (Нижний Новгород), профессор кафедры международного права Белгородского государственного университета д.ю.н., проф. **Е.В. Сафронова** (Белгород).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ», профессор А.Б. Мезяев
Ответственный секретарь – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Университета управления «ТИСБИ» Е.Ю. Мотрохин

Члены редколлегии: доктор юридических наук, профессор Р.М. Валеев; доктор юридических наук, профессор Г.Р. Шайхутдинова; доктор юридических наук, профессор Л.Х.Мингазов; доктор юридических наук, профессор А.Г.Гатауллин, кандидат юридических наук, доцент Е.Ю.Мотрохин; доктор юридических наук, доцент Н.Е. Тюрина; кандидат юридических наук, доцент Р.Ш. Гарипов; кандидат юридических наук, доцент Н.Г.Нугаева; кандидат юридических наук Р.А.Шарифуллин.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

*Почтовый адрес:

420012, г. Казань, ул. Муштары, 13. Университет управления «ТИСБИ». Юридический факультет. Кафедра международного права. Заведующему кафедрой д.ю.н., проф. Мезяеву А.Б.

*Адрес электронной почты: alexmezyaev@gmail.com

*Факс: 8 – (843) – 294-83-23

*Телефон: +7 999-156-91-32 (Мезяев А.Б.)

*Интернет-сайт: www.kjil.ru

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редакции или учредителей журнала.

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 10 (2018-2019)

ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права» (20 декабря 2018 г.)	5
*Доклад Генерального секретаря ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права (9 октября 2018 г.)	10
*О лекциях российских юристов-международников в аудио-видео библиотеке международного права Организации Объединенных Наций	20
* <i>Мелешников А.В.</i> О содержании учебного курса дисциплины «Актуальные проблемы международного права». К вопросу о соотношении теории, практики и методов преподавания международного права	22
* <i>Мезяев А.Б.</i> Учебники международного права для магистров	27

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

* <i>Amarasinghe P.</i> The Gentle Mask for the Oppressor: Examining the Colonial Roots of International Law and its Eurocentric Hegemony	32
* <i>Suhfree C.</i> Is The International Criminal Court Biased Against Africa? Justifying the African Narrative of ICC Bias	43
* <i>Dro D.</i> The Question of Participatory Democracy Principle and Environmental Law in Africa	53
* <i>Смирных С.Е.</i> Роль Детского Фонда ООН в защите прав детей в цифровом мире	55
* <i>Васякина Е.В.</i> Роль Всеобщей Декларации прав человека в деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии	60
* <i>Толстых В.Л.</i> Тематическая структура российской доктрины международного права	66

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

* <i>Бирюков П.Н.</i> О конфискации имущества в Испании	74
* <i>Евсеев А.П.</i> Выборы судейского корпуса как специфическая особенность политической системы США	79

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

* <i>М.В.Майоров, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР и РФ</i>	85
--	----

ПРЕСТУПНЫЕ КНИГИ

* <i>Мезяев А.Б.</i> И вновь о книге Ф.Хартманн «Мир и наказание»	91
---	----

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

*Федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» от 4 июня 2018 г.....	99
*Федеральный закон «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности» от 3 июля 2019 года.....	102

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

1. О российской инициативе по международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма	104
2. О российском проекте резолюции «Целостность судебной системы» в Совете ООН по правам человека	105
3. О российском проекте резолюции «Поддержка Международного комитета по контролю над наркотиками в деле выполнения его роли, закрепленной в международных договорах» 2019 г.	106
4. О принятии российском проекте резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по противодействию информационной преступности	108

КАЗАНСКАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Казанские студенты – победители Модели Международного уголовного суда 2017 года.....	112
--	-----

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ

Р.А.Колодкин – член Международного трибунала по морскому праву	116
Е.Т.Загайнов – член Комиссии ООН по международному праву	119

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

Поэтическое наследие Мао Цзедунa	122
--	-----

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

№ 10 (2018-2019)

TEACHING OF INTERNATIONAL LAW

*Resolution of the UN General Assembly “The UN Assistance Program in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Recognition of International Law” (December 20, 2018)	5
*Report of the UN Secretary-General “The UN Assistance Program in the Teaching, Study, Dissemination and Wider Appreciation of International Law (October 9, 2018).....	10
*On the lectures of Russian international lawyers in the United Nations Audio-Video Library of International Law	20
* <i>Meleshnikov A.V.</i> On the content of the training course of the discipline “Actual problems of international law.” To the question of the correlation of theory, practice and teaching methods of international law	22
* <i>Mezyaev A.B.</i> Textbooks of international law for masters students	27

ISSUES OF THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL LAW

* <i>Amarasinghe P.</i> The Gentle Mask for the Oppressor: Examining the Colonial Roots of International Law and its Eurocentric Hegemony.....	32
* <i>Suhfree C.</i> Is The International Criminal Court Biased Against Africa? Justifying the African Narrative of ICC Bias	43
* <i>Dro D.</i> The Question of Participatory Democracy Principle and Environmental Law in Africa...53	
* <i>Smirnykh S.E.</i> The role of the UN Children’s Fund in protecting the rights of children in the digital world.....	55
* <i>Vasyakina E.V.</i> The role of the Universal Declaration of Human Rights in the activities of the International Tribunal for the Former Yugoslavia	60
* <i>Tolstykh V.L.</i> Thematic Structure of the Russian Doctrine of International Law	66

PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW

* <i>Biryukov P.N.</i> On the confiscation of property in Spain	74
* <i>Evseev A.P.</i> Election of the judiciary as a specific feature of the US political system.....	79

PAGES OF DIPLOMATIC HISTORY

* <i>Mikhail Mayorov, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR and the Russian Federation</i>	85
---	----

“CRIMINAL” BOOKS

* <i>Mezyaev A.B.</i> And again about the book of F.Hartmann “Paix et Chatiment” (Peace and Punishment)	91
---	----

OUR RESPONSE TO CHAMBERLAINE

*Federal Law “On Measures of Impact (Counteraction) on Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States” of June 4, 2018.....	99
*Federal Law “On the Suspension by the Russian Federation of the Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America on the Elimination of Their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles” of July 3, 2019.....	102

RUSSIAN INTERNATIONAL LEGAL INITIATIVES

1. Russian initiative under the international convention for the suppression of acts of chemical and biological terrorism	104
2. Russian draft resolution “The integrity of the judiciary” in the UN Human Rights Council ..	105
3. Russian draft resolution “Support to the International Narcotics Control Board in fulfilling its role enshrined in international treaties” 2019	106
4. Russian draft resolution of the UN General Assembly on countering cyber crimes.....	108

KAZAN SCHOOL OF INTERNATIONAL LAW

Kazan students are winners of the 2017 International Criminal Moot Court	112
--	-----

INTERNATIONAL LEGAL APPOINTMENTS

Roman Kolodkin - member of the International Tribunal for the Law of the Sea.....	116
Evgeny Zagainov - member of the UN International Law Commission	119

INTERNATIONAL LEGAL POETRY

The poetic legacy of Mao Zedong.....	122
--------------------------------------	-----

ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права» (20 декабря 2018 г.)	5
*Доклад Генерального секретаря ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права (9 октября 2018 г.)	10
*О лекциях российских юристов-международников в аудио-видео библиотеке международного права Организации Объединённых Наций.....	20
* <i>Мелешиков А.В.</i> О содержании учебного курса дисциплины «Актуальные проблемы международного права». К вопросу о соотношении теории, практики и методов преподавания международного права	22
* <i>Мезяев А.Б.</i> Учебники международного права для магистров.....	27

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН

Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права»

№ 73/201 от 20 декабря 2018 года

Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на свою резолюцию 2099 (XX) от 20 декабря 1965 года, в которой Генеральная Ассамблея учредила Программу помощи Организации Объединённых Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права для улучшения знания международного права как средства укрепления международного мира и безопасности и содействия развитию дружественных отношений и сотрудничества между государствами,

подтверждая, что осуществление Программы помощи является одним из основных видов деятельности Организации Объединённых Наций и что на протяжении более полувека она обеспечивает фундамент для предпринимаемых Организацией Объединённых Наций усилий, направленных на углубление знания международного права,

признавая значительный вклад, который Программа помощи вносит на протяжении более полувека в преподавание и распространение международного права в интересах юристов во всех странах, правовых системах и регионах мира, а также важное значение обеспечения дальнейшего успешного осуществления этой программы в интересах нынешнего и будущих поколений юристов,

подчеркивая важный вклад Программы помощи, в частности региональных курсов Организации Объединённых Наций по международному праву и Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединённых Наций по международному праву, в осуществление программ и мероприятий Организации

Объединенных Наций в области верховенства права,

подтверждая, что в результате повышения спроса на подготовку по вопросам международного права и деятельность по его распространению перед Программой помощи встают новые задачи,

признавая важность того, чтобы Программа помощи эффективно охватывала своих бенефициаров, в том числе в лингвистическом отношении, с учетом ограниченности имеющихся ресурсов,

с признательностью принимая к сведению доклад Генерального секретаря об осуществлении Программы помощи и мнения Консультативного комитета по Программе помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права, изложенные в этом докладе,

с удовлетворением отмечая, что в бюджете по программам были предусмотрены ресурсы на организацию региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву на ежегодной основе и дальнейшее развитие Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву,

приветствуя организацию третий раз в истории Программы помощи всех трех региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки, для Азии и Тихого океана и для Латинской Америки и Карибского бассейна в пределах одного календарного года,

с удовлетворением отмечая, что в 2018 году была присуждена мемориальная стипендия им. Г.Ш.Амерасингхе в области морского права,

считая, что международное право должно занять надлежащее место в системе преподавания правовых дисциплин во всех университетах,

будучи убеждена в том, что следует побуждать государства, международные и региональные организации, университеты и учреждения к оказанию дальнейшей поддержки Программе помощи и расширению их деятельности по содействию преподаванию, изучению, распространению и более широкому признанию международного права, в частности тех видов деятельности, которые приносят особую пользу для лиц из развивающихся стран,

вновь подтверждая, что при осуществлении Программы помощи желательно в максимально возможной степени использовать ресурсы и возможности, предоставляемые государствами-членами, международными и региональными организациями, университетами, учреждениями и другими донорами,

вновь подтверждая также надежду на то, что при назначении высококвалифицированных лекторов для семинаров в рамках программ стипендий в области международного права будет приниматься во внимание необходимость обеспечения представительства основных правовых систем и сбалансированности представительства различных географических регионов,

1. *напоминает* о том, что она одобрила руководящие принципы и рекомендации, содержащиеся в разделе III докладов Генерального секретаря, в частности те из них, которые направлены на усиление и активизацию Программы помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права с учетом возрастающего спроса на подготовку в области международного права и деятельность по его распространению;

2. *уполномочивает* Генерального секретаря осуществить в 2019 году виды деятельности, указанные в его докладе, включая следующие виды деятельности, которые будут финансироваться за счет ассигнований из регулярного бюджета:

а) осуществление Программы стипендий в области международного права с предоставлением минимум 20 стипендий;

б) проведение региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки, для Азии и Тихого океана и для Латинской Америки и Карибского бассейна с предоставлением минимум 20 стипендий для каждого курса;

с) обеспечение функционирования Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, включая продолжение ее поддержки и дальнейшее расширение;

д) распространение юридических изданий и материалов лекций Библиотеки аудиовизуальных материалов среди развивающихся стран при наличии достаточных ресурсов;

3. *уполномочивает также* Генерального секретаря расширять далее виды деятельности, которые упомянуты в пункте 2 настоящей резолюции и будут финансироваться за счет добровольных взносов, полученных в соответствии с пунктами 16, 25 и 26 ниже;

4. *выражает признательность* Отделу кодификации Управления по правовым вопросам Секретариата за меры по экономии ресурсов, принятые в отношении Программы стипендий в области международного права и региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву в целях увеличения количества стипендий для учебных курсов, которые будут финансироваться за счет ассигнований из регулярного бюджета, с учетом количества заявок на эти курсы;

5. *уполномочивает* Генерального секретаря предоставить дополнительные стипендии для учебных курсов за счет имеющихся ресурсов в бюджете по программам для Программы помощи и за счет добровольных взносов, полученных в соответствии с пунктом 26 ниже;

6. *просит* Генерального секретаря рассмотреть возможность допуска к участию в различных учебных курсах обучающихся на основе самофинансирования кандидатов в стране пребывания или из стран, которые готовы нести все расходы, связанные с их участием;

7. *уполномочивает* Генерального секретаря предоставить в 2019 году по меньшей мере одну стипендию в рамках программы мемориальных стипендий им. Г.Ш.Амерасингхе в области морского права при условии наличия средств из добровольных взносов;

8. *просит* Генерального секретаря продолжать предусматривать ресурсы в рамках предлагаемого бюджета по программам на 2020 год для организации Программы стипендий в области международного права, региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки, Азии и Тихого океана и Латинской Америки и Карибского бассейна и для обеспечения непрерывного функционирования и дальнейшего развития Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву;

9. *выражает признательность* Генеральному секретарю за деятельность, осуществляемую в рамках Программы помощи, и, в частности, за его усилия по укреплению, расширению и усилению подготовки по вопросам международного права и деятельности по его распространению в рамках Программы в 2018 году;

10. *рекомендует* Генеральному секретарю поддержать создание ассоциаций выпускников учебных курсов, организуемых в рамках Программы помощи;

11. *выражает признательность* Генеральному секретарю за то, что он

продолжает поддерживать и расширять Библиотеку аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву в качестве существенного вклада в преподавание и распространение международного права во всем мире, и с признательностью отмечает усилия Отдела кодификации по повышению доступности Библиотеки аудиовизуальных материалов посредством преобразования всех лекций в разделе «Курс лекций» в подкасты;

12. *признает* важность юридических изданий Организации Объединенных Наций, которые подготавливает Управление по правовым вопросам, и вновь просит Генерального секретаря публиковать издания, указанные в его предыдущем докладе, в различных форматах, включая публикацию печатных изданий, которые принципиально важны для развивающихся стран;

13. *выражает свою признательность* за усилия, которые были предприняты Отделом кодификации в целях обновления юридических изданий Организации Объединенных Наций, что в значительной мере способствовало своевременному выпуску этих юридических изданий и позволило осуществить подготовку учебных материалов по вопросам права, и предлагает Отделу продолжать изучать пути поддержки таких усилий в следующем двухгодичном периоде при условии наличия ресурсов;

14. *с удовлетворением отмечает* выпуск тома XXXI издания *Reports of International Arbitral Awards* («Сборник международных арбитражных решений»);

15. *выражает удовлетворение* по поводу выпуска на английском языке публикации *International Law Handbook: Collection of Instruments* («Справочник по международному праву: сборник документов») в качестве ценного пособия для сферы международно-правового образования по широкому кругу основных тем международного права на учебных курсах и для научных учреждений в развивающихся странах для поощрения международно-правового образования в этих странах;

16. *выражает удовлетворение также* по поводу выпуска публикации *Recueil de droit international: Collection d'instruments* — версии справочника *International Law Handbook* на французском языке и просит государства-члены предоставить добровольные взносы, необходимые для обеспечения завершения подготовки этого издания на других официальных языках Организации Объединенных Наций, а также его распространения в развивающихся странах;

17. *просит* Отдел кодификации продолжать поддерживать и расширять свои веб-сайты, перечисленные в приложении к докладу Генерального секретаря, в качестве важного средства для распространения материалов по международному праву, а также проведения углубленных юридических исследований;

18. *предлагает* привлекать стажеров и научных ассистентов к подготовке материалов для Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву;

19. *приветствует* усилия Отдела кодификации по активизации и проведению региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву в качестве одного из важных видов учебной деятельности;

20. *выражает признательность* Эфиопии, Чили и Таиланду за проведение у себя региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки, для Латинской Америки и Карибского бассейна и для Азии и Тихого океана в 2018 году;

21. *выражает признательность* Африканскому союзу за ценный вклад, который он продолжает вносить в организацию регионального курса Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки;

22. *вновь призывает* Отдел кодификации сотрудничать с Африканским

институтом международного права, позволяющим получать высшее образование и проводить исследования в области международного права, необходимые для развития Африки, в осуществлении соответствующих мероприятий в рамках Программы помощи;

23. *выражает признательность* Гаагской академии международного права за тот ценный вклад, который она продолжает вносить в осуществление Программы помощи, обеспечивая кандидатам в рамках Программы стипендий в области международного права возможность посещать мероприятия Программы стипендий и участвовать в них параллельно с курсами Академии;

24. *с признательностью отмечает* вклад Гаагской академии в преподавание, изучение, распространение и более широкое признание международного права и призывает государства-члены и заинтересованные организации положительно откликнуться на призыв Академии продолжать поддержку и, по возможности, увеличивать их финансовые взносы, чтобы позволить ей осуществлять свою деятельность, в частности мероприятия, касающиеся летних и зимних курсов, региональных курсов и программ Научно-исследовательского центра по вопросам международного права и международных отношений;

25. *просит* Генерального секретаря продолжать пропагандировать Программу помощи и периодически предлагать государствам-членам, университетам, благотворительным фондам и другим заинтересованным национальным и международным учреждениям и организациям, а также частным лицам делать добровольные взносы для финансирования Программы или каким-либо иным образом оказывать помощь в ее осуществлении и возможном расширении;

26. *вновь обращается с просьбой* к государствам-членам и заинтересованным организациям, учреждениям и частным лицам делать добровольные взносы для финансирования Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву и организуемых Отделом кодификации региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву в качестве важного дополнения к Программе стипендий в области международного права;

27. *выражает признательность* тем государствам-членам, которые сделали добровольные взносы в поддержку Программы помощи;

28. *просит* Генерального секретаря представить Генеральной Ассамблее на ее семьдесят четвертой сессии доклад об осуществлении Программы помощи в 2019 году и после консультаций с Консультативным комитетом по Программе помощи представить рекомендации относительно Программы в последующие годы;

29. постановляет включить в предварительную повестку дня своей семьдесят четвертой сессии пункт, озаглавленный «Программа помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права».

Доклад Генерального секретаря ООН «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права»

(9 октября 2018 г.)

I. Введение

1. В своей резолюции 72/115 Генеральная Ассамблея уполномочила Генерального секретаря осуществить в 2018 и 2019 годах виды деятельности, указанные в его докладе о Программе помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права, который был представлен Ассамблее на ее семьдесят второй сессии. В пункте 27 этой резолюции Ассамблея просила Генерального секретаря представить ей на ее семьдесят третьей сессии доклад об осуществлении Программы в 2018 году и после консультаций с Консультативным комитетом по Программе помощи представить рекомендации относительно Программы в последующие годы.

2. В настоящем докладе содержится информация, касающаяся осуществления Программы помощи в 2018 году, а также мероприятий, запланированных на 2019 год, и связанных с ними административных и финансовых последствий.

II. Осуществление Программы помощи в 2018 году

3. За осуществление Программы помощи отвечает Отдел кодификации Управления по правовым вопросам Секретариата. В связи с осуществлением Программы Отдел выполняет различные функции: организует и проводит мероприятия Программы стипендий в области международного права и региональные курсы Организации Объединенных Наций по международному праву, готовит и выпускает публикации, пополняет и обслуживает Библиотеку аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву и веб-сайт Программы помощи, готовит доклады Генерального секретаря и оказывает поддержку Консультативному комитету и Шестому комитету в их работе по соответствующему пункту повестки дня.

A. Программа стипендий в области международного права

4. Программа стипендий в области международного права обеспечивает всестороннюю подготовку специалистов из развивающихся стран и стран с формирующейся экономикой, привлекая для этого в рамках Программы помощи высококвалифицированных ученых и специалистов-практиков в области международного права из разных регионов и правовых систем. Стипендиаты участвуют в организуемых Отделом кодификации семинарах по многим основным темам международного права и проходят летний курс по международному публичному праву в Гаагской академии международного права. Для стипендиатов организуются также учебные поездки.

5. Мероприятия Программы стипендий в области международного права прошли в Гааге с 25 июня по 3 августа 2018 года. Было получено более 260 заявлений от кандидатов из 46 стран (в том числе 191 из Африки, 15 из Азиатско-Тихоокеанского региона, 8 из Восточной Европы, 43 из Латинской Америки и Карибского бассейна и 4 из Западной Европы и других стран). Всего для участия в Программе был отобран 21 стипендиат (10 мужчин и 11 женщин). Занятия проводились на французском языке.

6. Стипендиаты были из следующих стран: Албания, Алжир, Беларусь, Бенин, Бразилия, Буркина-Фасо, Бурунди, Габон, Гаити, Гвинея, Джибути, Иран (Исламская Республика), Камерун, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Мавритания, Мексика, Перу, Республика Молдова, Сенегал, Того и Турция.

7. Отдел кодификации организовал семинары по следующим темам (в хронологическом порядке): «Введение в международное право» (М. Коэн, Институт высших исследований по международным проблемам и проблемам развития, Женева); «Мирное урегулирование международных споров» (П. Галван Телиш, Автономный университет Лиссабона, Комиссия международного права); «Международно-правовые исследования» (Отдел кодификации, Управление по правовым вопросам); «Морское право» (Я. Сиссе, Университет им. А. Уаттара, Комиссия международного права); «Источники международного права» и «Международное договорное право» (С. Вильяльпандо, Договорная секция, Управление по правовым вопросам); «Ответственность государств» (М. Форто, Университет Париж-Нантер, Комиссия международного права (бывший член)); «Международное право прав человека» (Э. Тигруджа, Университет Экс-Марсель, Комитет по правам человека (избранный член)); «Международный мир и безопасность» (Д. Момтаз, Тегеранский университет, Комиссия международного права (бывший член)); «Международный Суд» (М. Беннуна, Международный Суд); «Международное гуманитарное право» и «Международное уголовное право» (А. Лагервалль, профессор, Брюссельский свободный университет); «Международное экологическое право» и «Международные организации» (Л. Буассон де Шазурн, Женевский университет); «Право международной торговли» и «Международное инвестиционное право» (М.М. Мбенге, Женевский университет).

8. В Гаагской академии были прочитаны следующие лекции (в хронологическом порядке): «Международно-правовая практика» (вступительная лекция) (Р. Банди, компания «Эвершедс Хэрри Элиас», Сингапур); «Международное публичное право с практической точки зрения – в защиту теории реальности» (общий курс) (А. Пелле, Университет Париж-Нантер, Комиссия международного права (бывший член)); «Международное право и технологии» (К. Эспозито, Автономный университет Мадрида); «Возвращение перемещенных культурных ценностей в страны их происхождения» (К. Ли, Сеульский национальный университет); «Защита прав индивидов в африканском международном праве» (Ф. Угергуз, Комиссия Организации Объединенных Наций по расследованию событий в Бурунди); «Возмещение в ущерб в практике международных судов» (П. Пазарцис, Афинский национальный университет им. Каподистрии); «Международное право и изменение климата» (Л. Раджамани, Центр стратегических исследований, Нью-Дели); и «Иммунитеты государств и международных организаций во внутренних правовых системах» (Д. Саруши, Оксфордский университет).

9. Для стипендиатов были организованы ознакомительные поездки в Международный Суд, Международный уголовный суд и Постоянную палату третейского суда и информационные встречи с представителями этих органов. Кроме того, стипендиаты имели возможность присутствовать на слушаниях в Международном Суде.

В. Региональные курсы ООН по международному праву

10. Региональные курсы Организации Объединенных Наций по международному праву для трех регионов – Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки и Карибского бассейна – служат важным средством расширения возможностей в области учебной подготовки по международному праву для участников из развивающихся стран, учитывая ограничения по количеству участников, которых способна принять Программа стипендий в области международного права¹. Занятия на курсах проводятся высококвалифицированными учеными и специалистами-практиками в области международного права и охватывают многие основные темы международного права. Слушателям предоставляется также возможность

¹ С 2011 года организацией обучения на региональных курсах ООН по международному праву занимается Отдел кодификации, что обусловлено необходимостью экономии средств в целях увеличения количества стипендий и более эффективного удовлетворения растущего спроса на подготовку в области международного права. Ранее всеми административными, финансовыми и практическими вопросами, включая организацию поездок и размещение, заведовал Учебный и научно-исследовательский институт ООН, в связи с чем возникала потребность в финансировании для его сотрудников категории специалистов и сотрудников категории общего обслуживания, которые обеспечивали соответствующее обслуживание каждого регионального курса в течение приблизительно шести месяцев.

сосредоточить внимание на современных проблемах международного права, актуальных для соответствующего региона, что должно способствовать укреплению взаимопонимания и сотрудничества по таким проблемам.

1. Африка

1. Региональный курс по международному праву для Африки был проведен в помещениях Экономической комиссии для Африки (ЭКА) в Аддис-Абебе с 5 февраля по 2 марта 2018 года. Занятия проходили на английском языке. Было получено 329 заявок от кандидатов из 40 стран. Курс прослушали в общей сложности 29 участников (14 мужчин и 15 женщин), включая 20 человек, получивших стипендии, и 9 человек, оплативших свое обучение самостоятельно.

12. Участники были из следующих стран: Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Гамбия, Гана, Египет, Замбия, Зимбабве, Камерун, Кения, Мадагаскар, Малави, Мали, Намибия, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Сьерра-Леоне, Того, Уганда, Эритрея, Эфиопия и Южный Судан.

13. Программа регионального курса включала семинары по следующим темам (в хронологическом порядке): «Введение в международное право» (Х. Виньюалес, Кембриджский университет); «Право международных договоров» и «Ответственность государств» (С. Вильяльпандо, Договорная секция, Управление по правовым вопросам); «Международное экологическое право» (Э. Хей, Университет Эразма, Роттердам); «Право международной торговли» и «Международное инвестиционное право» (М.М. Мбенге, Женевский университет); «Право и институты Африканского союза и Комиссия Африканского союза по международному праву» (М. Бен Диаб, Комиссия Африканского союза); «Международное право прав человека» (О. Окафор, Школа права Осгуд-Холл, Йоркский университет); «Морское право» (Н. Орал, юридический факультет Стамбульского университета Билги, Комиссия международного права); «Международно-правовые исследования» (Отдел кодификации, Управление по правовым вопросам); «Международный мир и безопасность» (Д. Тлади, Университет Претории, Комиссия международного права); «Международное уголовное право» и «Международное гуманитарное право» (Ч. Джалло, Международный университет Флориды, Комиссия международного права); «Мирное урегулирование споров» (П. Галван Телиш, Автономный университет Лиссабона, Комиссия международного права); и «Международные организации» (Н. Блоккер, Лейденский университет). Слушатели приняли участие также в информационной встрече, организованной в штаб-квартире Африканского союза и посвященной работе Канцелярии юрисконсульта этой организации.

2. Азиатско-Тихоокеанский регион

14. Региональный курс по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского региона был проведен в Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) в Бангкоке с 20 ноября по 15 декабря 2017 года. Занятия проходили на английском языке. Было получено 109 заявок от кандидатов из 43 стран. Курс прослушали в общей сложности 29 участников (13 мужчин и 16 женщин), из которых 20 получили стипендии, а 9 оплатили обучение самостоятельно.

15. Участники были из следующих стран: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Йемен, Индия, Индонезия, Иран (Исламская Республика), Катар, Кыргызстан, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Мальдивские Острова, Мьянма, Непал, Оман, Пакистан, Самоа, Таиланд, Тимор-Лешти, Фиджи, Филиппины и Шри-Ланка.

16. Программа регионального курса включала семинары по следующим темам (в хронологическом порядке): «Введение в международное право» (А. Пелле, Университет Париж-Нантер, Комиссия международного права (бывший член)); «Международный мир и безопасность» и «Работа Комиссии международного права» (Д. Тлади, Университет Претории, Комиссия международного права); «Международное право и Азиатско-Тихоокеанский регион»

(С. Честерман, Национальный университет Сингапура); «Международное право прав человека» (Э. Галлахер, «Doughty Street Chambers»); «Мирное урегулирование международных споров» (М. Вуд, Кембриджский университет, Комиссия международного права); «Международное гуманитарное право» и «Международное уголовное право» (К. Риордан, Военный трибунал Новой Зеландии, Вооруженные силы Новой Зеландии, Университет Королевы Виктории в Веллингтоне); «Право международных договоров» и «Ответственность государств» (С. Вильяльпандо, Договорная секция, Управление по правовым вопросам); «Международное экологическое право» (Х. Десаи, Университет им. Джавахарлала Неру); «Международно-правовые исследования» (Отдел кодификации, Управление по правовым вопросам); «Право международной торговли» и «Международное инвестиционное право» (М.М. Мбенге, Женевский университет); и «Морское право» (Н. Орал, Стамбульский университет Билги, Комиссия международного права).

3. Латинская Америка и Карибский бассейн

17. Региональный курс по международному праву для региона Латинской Америки и Карибского бассейна был проведен в Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) в Сантьяго с 23 апреля по 18 мая 2018 года. Занятия проходили на английском языке. Было получено 102 заявки от кандидатов из 27 стран. Курс прослушали в общей сложности 25 участников (11 мужчин и 14 женщин), включая 20 человек, получивших стипендии, и 5 человек, оплативших обучение самостоятельно.

18. Участники были из следующих стран: Аргентина, Багамские Острова, Белиз, Боливия (Многонациональное Государство), Бразилия, Венесуэла (Боливарианская Республика), Гаити, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Сент-Люсия, Тринидад и Тобаго, Чили, Эквадор и Ямайка.

19. Программа регионального курса включала семинары по следующим темам (в хронологическом порядке): «Введение в международное право» (П. Галван Телиш, Автономный университет Лиссабона, Комиссия международного права); «Морское право» (С. Мерфи, Школа права Университета им. Джорджа Вашингтона, Комиссия международного права); «Работа Комиссии международного права» и «Международные организации» (К. Гроссман, Юридический колледж Американского университета в Вашингтоне, Комиссия международного права); «Право и институты региона ЭКЛАК» (Г. Акунья, ЭКЛАК); «Региональное соглашение о доступе к информации, участии и правосудии по экологическим вопросам в Латинской Америке и Карибском бассейне: Эскасуанское соглашение» (К. де Мигель, ЭКЛАК); «Международно-правовые исследования» (Отдел кодификации, Управление по правовым вопросам); «Право международных договоров» и «Ответственность государств» (С. Вильяльпандо, Договорная секция, Управление по правовым вопросам); «Международный мир и безопасность» (Д. Аканде, Оксфордский университет); «Международное право прав человека» (М. Пинто, Школа права, Буэнос-Айресский университет); «Международное гуманитарное право» и «Международное уголовное право» (Э. Салмон, Папский католический университет Перу); «Международное экологическое право» и «Право международной торговли» (М.М. Мбенге, Женевский университет); «Международное инвестиционное право» и «Мирное урегулирование международных споров» (К. Джорджетти, Школа права Ричмондского университета).

С. Аудиовидео-библиотека ООН по международному праву

21. Традиционные учебные курсы предоставляют уникальные возможности с точки зрения содействия всесторонним обсуждениям, взаимодействию и сотрудничеству между участниками. С учетом повышения спроса на учебную подготовку в области международного права, который нельзя было удовлетворить только в рамках его традиционных учебных курсов, в 2008 году Отдел кодификации создал Библиотеку аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву. Библиотека позволяет Организации Объединенных Наций относительно недорого обеспечивать высококачественную бесплатную под-

готовку неограниченного числа физических лиц и организаций в разных странах мира через интернет.

22. Библиотека аудиовизуальных материалов – это виртуальный учебный и научно-исследовательский центр, в работе которого участвуют более 400 ведущих ученых, судей и специалистов-практиков в области международного права из разных стран и правовых систем, предоставляющих свои материалы для ее трех основных разделов – «Курс лекций», «Исторические архивы» и «Научно-исследовательская библиотека». Раздел «Курс лекций» насчитывает свыше 500 лекций, сопровождаемых библиографическими перечнями со ссылками на источники, доступные в онлайн-режиме. Раздел содержит как отдельные лекции по широкому кругу конкретных тем международного права, так и несколько циклов лекций, посвященных основным темам международного права. Эти курсы лекций и связанные с ними юридические материалы призваны служить обширным образовательным ресурсом для высших учебных заведений и правительственных учебных центров в развивающихся странах. В отчетный период для раздела «Курс лекций» было записано дополнительно 50 лекций. В целях расширения географического и языкового разнообразия курса¹ и чтобы записать выступления лекторов, которые не находятся постоянно в Нью-Йорке, в отчетный период Отдел кодификации организовал выездные записи лекций, включая цикл лекций о Совете Европы и несколько лекций о Международной организации труда. В разделе «Исторические архивы» представлены вступительные замечания ведущих специалистов к более чем 100 юридическим документам, а также материалы по истории их принятия, связанные с ними документы и архивные аудиовизуальные материалы, подготовленные Отделом. В рассматриваемый период Отдел добавил в этот раздел несколько новых документов и одну историческую справку. Научно-исследовательская библиотека содержит обширное онлайн-собрание текстов международных договоров, материалов судебной практики, публикаций, документов, научных трудов и учебных материалов, включая четырехтомное издание Отдела «Справочник по международному праву: сборник документов». ... Кроме того, в отчетный период Отдел кодификации подготовил и включил в состав Научно-исследовательской библиотеки новый раздел об учебных судебных разбирательствах, проводимых в учебных заведениях. В этом разделе будут размещаться соответствующие лекции и юридические материалы аудиовизуальной библиотеки в помощь участникам учебных судебных разбирательств для подготовки к конкурсам. В этом году были добавлены соответствующие лекции и материалы Библиотеки аудиовизуальных материалов для участников конкурса учебных судебных процессов им. Ш.Руссо 2018 года.

23. Со времени открытия Библиотеки аудиовизуальных материалов в 2008 году ею воспользовались более 1,6 млн человек в 193 государствах-членах и государствах, не являющихся членами Организации. Изначально Библиотека создавалась в первую очередь в помощь пользователям из развивающихся стран², но основная доля ее пользователей по-прежнему приходится на развитые страны. Отдел кодификации прилагает значительные усилия для облегчения доступа к лекциям для пользователей, не имеющих надежного высокоскоростного интернета: в предыдущем двухгодичном периоде стартовал проект по изготовлению подкастов для компьютеров и мобильных устройств. С этой целью все имеющиеся лекции были преобразованы в звуковые файлы, работать с которыми гораздо легче, чем с видеофайлами. В отчетный период Отдел кодификации завершил работу над проектом по созданию подкастов для Библиотеки аудиовизуальных материалов. Все лекции (более 500) в настоящее время имеются также в виде аудиофайлов, доступных как для стриминга, так и для скачивания. Аудиофайлы можно получить бесплатно на веб-сайте Библиотеки аудиовизуальных материалов или через приложение для прослушивания подкастов. Кроме того, информация о новых поступлениях

¹ Обратим внимание на ряд лекций российских юристов-международников в этой библиотеке (Подробнее см. материал после данного доклада – Прим. Ред.).

² По данным на май 2018 года к ресурсам Библиотеки аудиовизуальных материалов обратились приблизительно 115 000 пользователей в Африке, 383 000 пользователей в Азиатско-Тихоокеанском регионе и 88 000 пользователей в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна.

ях Библиотеки аудиовизуальных материалов продолжает регулярно появляться на страницах Журнала ООН, в социальных сетях и специализированных блогах по международному праву.

D. Учебные материалы по международному праву

24. Для своих учебных курсов по международному праву Отдел кодификации в консультации с лекторами осуществляет поиск и сбор материалов по правовой тематике и их подготовку в печатной форме. Помимо этого, чтобы облегчить электронный поиск для участников из развивающихся стран с ограниченным доступом к интернету, им были предоставлены компакт-диски и флэш-накопители USB с учебными материалами и публикациями по правовой тематике Отдела, а также другими материалами по международному праву. Учебные материалы также можно получить бесплатно для использования в учебных целях на веб-сайтах соответствующих учебных курсов и Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву.

25. Как отмечено в пункте 22, в 2018 году Отдел кодификации завершил подготовку издания «Recueil de droit international: Collection d'instruments», четырёхтомная версия «Справочника по международному праву» на французском языке, используя настольную редакционно-издательскую систему. Подготовка «Справочника по международному праву» на других официальных языках будет зависеть от наличия добровольных взносов для этой цели.

26. Справочник по международному праву (теперь имеющийся и на английском, и на французском языке) не только используется Отделом в качестве учебного материала на его учебных курсах, организуемых в рамках Программы помощи, но и предлагается к распространению среди высших учебных заведений и правительственных учебных центров в развивающихся странах в целях содействия преподаванию, изучению, распространению и более широкому признанию международного права в разных частях мира. Справочник находится в свободном доступе на веб-сайте Библиотеки аудиовизуальных материалов ООН по международному праву и может воспроизводиться в учебных целях для поощрения преподавания и распространения международного права. Справочник по международному праву предназначен для использования в качестве общего информационного ресурса. В него входят четыре тома: первый том содержит Устав ООН и Статут Международного Суда, а также документы, касающиеся права международных договоров, субъектов международного права, дипломатических и консульских сношений, международной ответственности, мирного урегулирования международных споров, международного мира и безопасности, международных норм и стандартов в области прав человека, а также перемещения физических лиц и международного миграционного права; второй том включает документы, касающиеся права вооруженных конфликтов, международного уголовного права, а также разоружения и нераспространения; в третий том входят документы, касающиеся морского права, международного права окружающей среды и права международных водотоков; а четвертый том содержит документы, касающиеся международного трудового права, правовых норм, регулирующих отношения в сфере культуры, а также международного торгового и инвестиционного права.

E. Подготовка публикаций с использованием настольных издательских систем

27. В 2003 году Отдел кодификации начал на добровольной основе и при наличии ресурсов использовать настольные издательские системы для ускорения выпуска некоторых из его юридических публикаций и обеспечения своевременного доступа к ним для международного правового сообщества. К 2013 году Отдел успешно ликвидировал отставание с выпуском некоторых из его публикаций, составлявшее до пяти лет. В 2014 году он прекратил выпуск документов с использованием настольных издательских средств из-за нехватки ресурсов (необходимых материалов и персонала) после упразднения в том же году одной должности категории общего обслуживания. В результате в период 2014–2016 годов ни одна из публикаций, перечисленных в пункте 41 документа A/68/521, не была издана. В 2018 году Отдел продолжил возобновленную в 2017 году работу над подготовкой публикаций с использованием настоль-

ных издательских систем и до конца года планирует издать «Юридический ежегодник ООН» (2014), сборник “Reports of International Arbitral Awards” (vol. XXXI) и новый том «Краткого изложения решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда» (2013–2017). Отдел будет и впредь изучать пути продолжения этой работы в 2019 году и в последующий период при условии наличия ресурсов.

Ф. Распространение

28. Распространение юридических изданий и информации через интернет и другие электронные средства информации осуществляется для дополнения ограниченных тиражей печатных публикаций без ущерба для уникальной ценности печатных материалов для целей юридических исследований и образования, особенно для пользователей в развивающихся странах с ограниченным доступом к интернету. Эти материалы предоставляются бесплатно через интернет для содействия преподаванию, изучению, распространению и более широкому признанию международного права (см. приложение).

Г. Мемориальная стипендия им. Гамильтона Амерасингхе в области морского права

29. В 2018 году Мемориальная стипендия им. Гамильтона Ширли Амерасингхе в области морского права была присуждена Ванессе Е. Арельяно из Эквадора, которая, как ожидается, завершит обучение по программе в декабре 2018 года. Стоимость каждой индивидуальной стипендии определяется рядом сильно меняющихся факторов, включая применимые ставки суточных в городах принимающих учреждений, обменные курсы валют, стоимость авиабилетов и продолжительность стипендиальной программы. Эти факторы приводят к тому, что в разные годы расходы по стипендии могут варьироваться в пределах от приблизительно 35 000 до 60 000 долл. США за вычетом 13 процентов расходов на вспомогательное обслуживание программ и 15-процентных отчислений в оперативный резерв (остаток средств см. в п. 31).

III. Руководящие указания и рекомендации по осуществлению Программы в 2019 году

30. В 2019 году Отдел кодификации планирует провести мероприятия в рамках Программы помощи в соответствии с руководящими указаниями и рекомендациями, содержащимися в докладе Генерального секретаря и утвержденными Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 72/115.

31. Что касается Мемориальной стипендии им. Г.Ш.Амерасингхе, то нынешний остаток средств фонда, предназначенных для произведения соответствующих выплат, с учетом расходов на вспомогательное обслуживание программ составляет приблизительно 40 700 долл. США, чего может быть недостаточно для присуждения стандартной стипендии в 2019 году, если только к ноябрю 2018 года не будут получены дополнительные добровольные взносы.

IV. Административные и финансовые последствия осуществления Программы помощи

А. В 2018 году

32. В своей резолюции 72/115 Генеральная Ассамблея уполномочила Генерального секретаря обеспечить в 2018 и 2019 годах проведение Программы стипендий в области международного права и региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Латинской Америки и Карибского бассейна и продолжить работу по дальнейшему расширению Библиотеки аудиовизуальных материалов по международному праву за счет ассигнований из регулярного бюджета, а также, в случае необходимости, за счет добровольных взносов.

33. Что касается финансирования Программы помощи, то в регулярном бюджете на двухгодичный период 2018–2019 годов по разделу 8 («Правовые вопросы»), подпрограмма 3 («Прогрессивное развитие и кодификация международного права»), для Программы стипендий в области международного права, региональных курсов Организации Объединенных

Наций по международному праву для Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Латинской Америки и Карибского бассейна и для Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву было предложено выделить средства на общую сумму в размере 2 200 600 долл. США.

34. В своей резолюции 72/115 Генеральная Ассамблея вновь обратилась с просьбой к Генеральному секретарю продолжать пропагандировать Программу помощи и периодически предлагать государствам-членам, учреждениям и частным лицам делать добровольные взносы для финансирования Программы или каким-либо иным образом оказывать помощь в ее осуществлении и возможном расширении. В этой связи 12 марта 2018 года государствам-членам была направлена вербальная нота с целью привлечь их внимание к резолюции 72/115.

35. Со времени представления предыдущего доклада добровольные взносы для мероприятий в рамках Программы помощи были получены: а) от Финляндии (9472 долл. США), Португалии (11 940 долл. США) и Катар (3000 долл. США); б) на Библиотеку аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву – от Чехии (2256 долл. США), Ирландии (5000 долл. США), Португалии (11 940 долл. США), Швейцарии (19 000 долл. США) и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (7062 долл. США); в) на Региональный курс Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки – от Китая (10 000 долл. США); d) на Региональный курс Организации Объединенных Наций по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского региона – от Китая (10 000 долл. США) и Филиппин (5000 долл. США); e) на Программу стипендий в области международного права – от Ирландии (5000 долл. США); и f) на выпуск Справочника по международному праву – от Великобритании (7062 долл. США).

36. Гагская академия международного права предоставила стипендиатам Программы стипендий в области международного права скидки на оплату обучения. Фонд Карнеги предоставил Программе помещение для проведения семинаров с необходимым техническим оснащением, и участники имели возможность также пользоваться материалами и аналитической поддержкой Библиотеки Дворца мира, находящейся в ведении Фонда. Секретариат Международного Суда предоставил служебные помещения и оборудование для сотрудников Отдела кодификации и оказал Программе необходимую административную и материально-техническую поддержку. Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов также предоставил Программе административную поддержку.

37. Африканский союз содействовал в распространении информации о Региональном курсе по международному праву для Африки и оказывал административную поддержку в ходе проведения занятий. ЭКА предоставила место для обучения, служебные помещения для сотрудников Отдела кодификации, столовые помещения, оборудование и административное и оперативное обслуживание.

38. Правительство Чили организовало для участников Регионального курса по международному праву для Латинской Америки и Карибского бассейна приветственный прием в помещениях ЭКЛАК, церемонию закрытия в Министерстве иностранных дел и культурную поездку. ЭКЛАК предоставила место для обучения, зал для проведения церемонии открытия, служебные помещения для сотрудников Отдела кодификации, столовые помещения, оборудование и административное и оперативное обслуживание.

39. Правительство Таиланда обеспечило размещение в гостинице с ужином для участников Регионального курса по международному праву для Азиатско-Тихоокеанского региона, предоставило слушателям и преподавателям услуги наземного транспорта в Бангкоке и организовало для них приветственный ужин и культурную программу. ЭСКАТО предоставила место для обучения, зал для проведения церемонии открытия, служебные помещения для сотрудников Отдела кодификации, столовые помещения, оборудование и административное и оперативное обслуживание.

40. Печатные экземпляры публикаций для распространения среди участников одного и более учебных курсов предоставили на безвозмездной основе следующие структуры: Мини-

стерство иностранных дел и торговли Новой Зеландии, Департамент общественной информации и Договорная секция Управления по правовым вопросам.

41. Со времени представления предыдущего доклада взносы для Мемориальной стипендии им. Г.Ш.Амерасингхе в области морского права были получены от следующих государств: Ирландии (5000 долл. США), Монако (24 636 долл. США) и Шри-Ланки (10 000 долл. США).

В. В 2019 году

42. Как отмечалось выше, на цели финансирования Программы стипендий в области международного права, региональных курсов по международному праву и Библиотеки аудиовизуальных материалов по международному праву в подпрограмме 3 («Прогрессивное развитие и кодификация международного права») раздела 8 («Правовые вопросы») бюджета по программам на двухгодичный период 2018–2019 годов предусмотрены ассигнования на общую сумму в 2 200 600 долл. США.

1. Программа стипендий в области международного права и региональные курсы ООН по международному праву

43. Ассигнования, предусмотренные в предлагаемом бюджете по программам, предназначены для финансирования Программы стипендий в области международного права и трех региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву для Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Латинской Америки и Карибского бассейна, которые должны быть проведены в 2019 году в соответствии с резолюцией 72/115 Генеральной Ассамблеи. За счет этих ресурсов будут предоставлены стипендии (покрывающие путевые расходы, жилье, медицинскую страховку, учебные материалы и пособие на проживание) для как минимум 20 специалистов из развивающихся стран и стран с формирующейся экономикой, с тем чтобы они прослушали все указанные учебные курсы.

44. Отдел кодификации будет продолжать делать все возможное для увеличения числа стипендий, предоставляемых за счет средств регулярного бюджета для Программы стипендий в области международного права и региональных курсов, в целях удовлетворения, по мере возможности, высокого спроса на подготовку в области международного права. Отдел кодификации будет также изыскивать добровольные взносы для присуждения полных или частичных стипендий и, по мере возможности, принимать ограниченное число слушателей на условиях самофинансирования.

2. Аудиовидео-библиотека ООН по международному праву

45. Ресурсы, предусматриваемые в бюджете по программам, предназначены для финансирования двух должностей с полной занятостью (одной должности специалиста по правовым вопросам (С-3) и одной должности специалиста по подготовке видеоматериалов (категория общего обслуживания (прочие разряды)) по линии временного персонала общего назначения, необходимых для обеспечения непрерывного функционирования и дальнейшего пополнения разделов «Курс лекций» и «Исторические архивы» Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву в 2019 году.

46. Средства бюджета по программам будут также использоваться для покрытия путевых расходов сотрудников, выезжающих в различные точки для записи лекций. Такие поездки имеют целью расширить географическое и языковое разнообразие записанных лекций и дают возможность записать выступления тех лекторов, которые не находятся постоянно в Нью-Йорке.

47. Кроме того, предусмотренные в бюджете ресурсы будут использоваться для приобретения необходимых технических предметов снабжения и материалов, а также для оцифровки некоторых исторических записей и фильмов.

48. Внебюджетные ресурсы будут использоваться для содействия расширению круга пользователей Библиотеки аудиовизуальных материалов в развивающихся странах и для по-

полнения «Исторических архивов» Библиотеки аудиовизуальных материалов (включая расходы на оплату труда сотрудников и продолжение работы по оцифровке аудиовизуальных материалов).

49. Генеральный секретарь продолжит обращаться с просьбой о предоставлении Программе помощи добровольных взносов и взносов натурой, в частности на цели увеличения числа стипендий для региональных курсов Организации Объединенных Наций по международному праву, подготовки Справочника по международному праву на других языках и обеспечения дальнейшего функционирования и пополнения Библиотеки аудиовизуальных материалов по международному праву.

V. Консультативный комитет по Программе помощи Организации Объединенных Наций в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права

A. Членский состав

50. В своей резолюции 70/116 Генеральная Ассамблея назначила членами Консультативного комитета на период с 1 января 2016 года по 31 декабря 2019 года следующие 25 государств-членов: Аргентина, Гана, Германия, Италия, Канада, Кения, Кипр, Ливан, Малайзия, Мексика, Нигерия, Объединенная Республика Танзания, Пакистан, Португалия, Российская Федерация, Сингапур, Словакия, Соединенные Штаты Америки, Судан, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Франция, Чехия, Чили и Эфиопия.

V. Рассмотрение доклада Генерального секретаря Консультативным комитетом на его пятьдесят третьей сессии

51. Пятьдесят третья сессия Консультативного комитета состоялась 4 октября 2018 года под председательством Постоянного представителя Ганы при ООН.

52. Обязанности секретаря Консультативного комитета выполняла старший сотрудник по правовым вопросам Отдела кодификации Джессика Эльбаз.

53. На заседании, состоявшемся 4 октября, присутствовали следующие члены Консультативного комитета: Аргентина, Канада, Чехия, Франция, Германия, Гана, Кения, Ливан, Мексика, Нигерия, Португалия, Российская Федерация, Сингапур, Словакия, Судан, Объединенная Республика Танзания, Соединенные Штаты Америки и Уругвай. В качестве наблюдателя от страны, в которой устраиваются региональные курсы по международному праву для Азии и Тихого океана, присутствовал Таиланд.

54. Секретарь Консультативного комитета выступила с заявлением, в котором она обновила информацию, содержащуюся в проекте доклада, и привлекла внимание к продолжающимся усилиям по укреплению деятельности в рамках Программы помощи. Она подчеркнула, что, благодаря финансированию, предоставленному для Программы в рамках регулярного бюджета на двухгодичный период 2018–2019 годов, Отдел кодификации смог организовать в 2018 году региональные курсы по международному праву во всех трех регионах: Африке, Латинской Америке и Карибском бассейне и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, Отдел смог существенно увеличить количество и расширить тематику лекций, имеющих на веб-сайте Библиотеки аудиовизуальных материалов Организации Объединенных Наций по международному праву, к которому обратилось значительное число новых пользователей. Далее секретарь привлекла внимание к публикации в 2018 году «Recueil de droit international», французской версии публикации «International Law Handbook» («Справочник по международному праву»), которая вышла в прошлом году; обе версии будут использоваться на учебных курсах в рамках Программы и распространяться среди высших учебных заведений и государственных учебных центров в развивающихся странах. Она также проинформировала членов Консультативного комитета о завершении работы по выпуску подкастов всех лекций, имеющих на веб-сайте Библиотеки аудиовизуальных материалов по международному праву, с тем

чтобы сделать их более доступными в тех регионах мира, где отсутствует высокоскоростной Интернет или надежный доступ к нему.

55. Консультативный комитет высоко оценил усилия Отдела кодификации по осуществлению и дальнейшему укреплению деятельности в рамках Программы помощи и выразил удовлетворение по поводу того, что средства, выделенные из регулярного бюджета, позволили осуществить все предусмотренные мандатом мероприятия в рамках Программы, запланированные на 2018 год. Консультативный комитет также выразил свою признательность за подготовку публикации «Recueil de droit international». Комитет далее рекомендовал предпринять усилия для дальнейшего распространения информации о Библиотеке аудиовизуальных материалов по международному праву, а также расширения ее доступности, в том числе путем совершенствования ее веб-сайта.

О ЛЕКЦИЯХ РОССИЙСКИХ ЮРИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ В АУДИО-ВИДЕО БИБЛИОТЕКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

К опубликованному выше докладу Генерального секретаря ООН говорится о развитии весьма интересного проекта ООН, касающегося преподавания и изучения международного права, известного как Аудио-видео библиотека международного права ООН и, в частности, ее разделе «Лекции по международному праву» (*Lecture Series*).

В библиотеке представлено шесть лекций российских юристов-международников:

Две лекции профессора Л.Н.Галенской – «Категория принципов как правовых регуляторов международных отношений» и «Разрешение споров в международном публичном и частном праве»

Лекция профессора А.Я.Капустина – «В поисках системного понимания международного права: взгляд из России»

Лекция профессора А.Х.Абашидзе – «Международное право и право на развитие»

Лекция профессора В.С.Верещетина – «Международное космическое право и общее правовое пространство»

Лекция профессора Т.Н.Нешатаевой – «Международное право: эволюция прецедента под воздействием прав человека»

Список видеолекций постоянно обновляется. Особо хотелось бы обратить внимание на то, что в последнее время появился синхронный перевод на русский язык многих лекций, который доселе были доступны лишь на английском, французском и испанском языках.

**О СОДЕРЖАНИИ УЧЕБНОГО КУРСА ДИСЦИПЛИНЫ
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»:**

**К вопросу о соотношении теории, практики и методов преподавания
международного права**

Мелешников А.В.¹

«Актуальные проблемы международного права» – термин, который становится традиционным в обозначении курса соответствующей дисциплины на уровне магистратуры. Однако перечни тем и проблем, подлежащих изучению в юридических вузах России, не отличаются единообразием. Например, в содержании учебной программы юридического факультета Государственного Университета-Высшая школа экономики включено 18 тем. Среди них: «Правовая оценка предложений о включении в систему международного права транснационального права» (тема 1); «Проблема предотвращения незаконной иммиграции» (тема 2); «Мнения относительно международной правосубъектности индивидов» (тема 3) и др.²

По мнению автора настоящей статьи, аксиомой в организации учебных тем и проблем является уяснение семантики слова «актуальный». Академическое издание словаря русского языка определяет это понятие следующим образом: «Очень важный для настоящего времени, злободневный»³. Какие же темы и проблемы международного права являются «очень важными и злободневными» для Отечества? Ответ на этот вопрос – в утвержденных на государственном уровне Концепции внешней политики, Военной доктрине, Концепции национальной безопасности России.

В соответствии с Концепцией внешней политики и мотивацией других правовых актов директивного характера, приоритетной задачей является обеспечение верховенства международного права в межгосударственных отношениях. Если это так, то в качестве организующего фактора видится блок проблем, который возможно терминологически обозначить «Понятие и система международного права: актуальные проблемы».

В социально-политическом смысле международное право – это такая особая правовая система, которой нормативным образом обобщен совокупный опыт человечества. Игнорирование такого опыта – посягательство на нормальное функционирование и международных отношений, и, в ряде случаев, на правопорядки конкретных государств. С точки зрения иерархии норм, международное право должно иметь высшую юридическую силу по отношению к национальным правопорядкам.

Среди имеющихся взглядов о проблеме соотношения международного и внутригосударственного права следует выделить следующие аспекты: специфика субъектного состава, структурный признак, особенности источников, степень взаимодействия.⁴

В рамках проблемы периодизации развития международного права предлагается понимание, что общеправовой подход, основанный на формационном признаке вряд ли применим к международному праву. Более плодотворна систематизация, основанная на учете особенностей отношения системы международных норм к фундаментальным принципам неприменения силы либо угрозы силой, и мирного решения международных споров.

¹ *Алевтин Васильевич Мелешников* – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.

² Программа дисциплины «Актуальные проблемы международного права» для специальности 021100 – Юриспруденция (третья ступень высшего профессионального образования) Автор: доцент Ганюшкина Е.Б. // <http://pandia.ru/445395/>

³ Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 3. Том 1. – М. Русский язык, 1985. – С.31

⁴ Подробно см.: Мелешников А.В. Понятие и система международного права: Учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2013. – 55 с.

Таким образом, международное право может быть представлено в виде трех исторических систем: Доверсальская система (до 1919 года); Версальская система (1919-1945 годы) и система современного международного права (с 1945 года).

Доверсальская система. В наиболее общем плане эта историческая система может быть охарактеризована как право на войну и право во время войны. Версальская система, впервые ограничила право государств использовать вооруженную силу в качестве средства решения международных споров. Система современного международного права полностью запрещает использование вооруженной силы как средства решения международных разногласий.

Следующая тема в логическом плане – «Актуальные проблемы международного конституционного права». Важнейшие проблемы: гуманитарная интервенция, политическое самоопределение народов.

«Гуманитарная интервенция», чаще всего, понимается как вооруженное вмешательство во внутренние дела государств ввиду необходимости предотвращения или ликвидации ситуации, при которой правительство утрачивает способность обеспечивать защиту жизни населения на национальной территории.

Директивная база изучения проблемы: две последние редакции Концепции внешней политики России; положения, сформулированные в Проекте статей Комиссии международного права ООН об ответственности государств за международные правонарушения; докладах Института международного права¹, Международной Комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета².

Проблема политического самоопределения народа – воистину «кричащая» по своей актуальности. Под предлогом событий на востоке Украины против России по инициативе США введены международные санкции. Полагаем, что при обсуждении этой проблемы нужно сосредоточить внимание на отсутствующей в международном праве нормативной дефиниции понятия «народ».

Специфика международной правосубъектности народа – право на политическое самоопределение, включая право на образование нового, независимого государства. Право на самоопределение настолько важно, что поставлено на первое место в фундаменте основных прав человека, признанных на юридически-обязывающем уровне. Принцип равноправия и самоопределения народов признан Декларацией Генеральной Ассамблеи ООН 1970 года о принципах международного права в качестве нормы, имеющей конституционное значение в системе современного международного права.

Однако отсутствие нормативного определения понятия «народ», при безусловном признании важности права на политическое самоопределение, неоднократно создавало и создает кризисные явления в международном правопорядке. Ключевое значение в решении проблемы имеет рассмотрение случаев территориальных изменений в системе современного международного права.

В новейшей истории после деколонизации Британской Индии в 1947 году, самоопределение было осуществлено по признаку компактного проживания, но в основном по признакам политических и религиозных убеждений населения Индии и Пакистана. В 1971 году по признакам компактного проживания, политическому и языковому осуществлено самоопределение населения нынешней Республики Бангладеш, отделившейся от Пакистана. В 1993 году произошел распад Чехословакии. Население политически самоопределилось по признакам компактного проживания, национальному и языковому.

Начиная с 1992 года идет процесс самоопределения на территориальном пространстве бывшего СССР. Самоопределение осуществляется по признаку компактного проживания и политический общности, а также дополнительным критериям: либо по национальному (главным образом), либо языковому, либо общности в религиозных убеждениях.

¹ См.: *Annuaire de l'Institut de Droit international*, vol. 63-II, 1990, p. 338

² См.: Документ ООН A/57/303

Это означает, что устойчивыми признаками для квалификации понятия «народ» являются: компактность проживания, единство в убежденности населения соответствующей территории относительно формы политического существования. Сопутствующими признаками понятия народ могут быть религиозная или языковая общность.

Соответственно, международно-правовая дефиниция понятия «народ» могла бы быть сформулирована следующим образом: «народ – это население территории, которое без какого-либо вмешательства извне, проявило волю к политическому самоопределению». С этой точки зрения санкции в отношении России являются беспредметными.¹

В контексте решения внешнеполитических задач России одной из важнейших тем являются актуальные проблемы права международной ответственности, поскольку соответствующий правовой институт в любой правовой системе расценивается как основной инструмент поддержания и восстановления правопорядка.

Основная проблема данной темы – соответствующая дефиниция. Теоретический парадокс: внутригосударственный законодатель счел возможным и необходимым включить в тексты правовых актов множество дефиниций частного характера (правоспособность, дееспособность, несовершеннолетний, малолетний, безвестно отсутствующий и т.д., и т.п.); международный «законодатель» традиционно включает в большинство многосторонних договоров специальную статью, содержащую определения основных терминов, а институту правовой ответственности, занимающему центральное место в любой из правовых систем, нормативная дефиниция не сопутствует.

Начиная с диссертации, защищенной в 1985 году, автор настоящей статьи с разных методологических позиций пытался доказать, что, если ответственность – это наиболее эффективный способ обеспечения и восстановления правопорядка (а в этом единодушны все исследователи), то проблема ее понимания может быть решена только в рамках концепции санкций: существуют традиционные (наказательные санкции) и позитивные (поощрительные) санкции. В функциональном плане правовая ответственность – это система средств стимулирования к правомерному поведению². Ответственность за поощряемые деяния должна представлять собой комплекс мер гарантированного вознаграждения.

Среди актуальных проблем международного права прав человека можно выделить, прежде всего, понимание термина «права человека». Важно обратить внимание, что в мировоззренческом плане правопонимания возможны две дефиниции прав человека. Во-первых, права человека – это сбалансированные стандарты демократии, без осуществления которых невозможно бескризисное развитие конкретного государства и всего международного сообщества в целом. С этой точки зрения осуществление прав человека в конкретном государстве равнозначно созданию основы его национальной безопасности. Создание глобальной культуры прав человека равнозначно созданию основы стабильного функционирования международного правопорядка.

Другая дефиниция проясняет формально-юридическую суть прав человека: это наиболее разумный баланс между личной свободой и общественной необходимостью. Из этого следует, что права человека не тождественны неограниченной свободе. Каждое право следует трактовать в конкретных условиях места, времени и обстоятельств.³

¹ Подробно см.: Мелешников А.В. Дефиниции – актуальная проблема практики и науки международного права. В сб.: Актуальные проблемы международного права: Материалы междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (Владимир, 4-5 декабря 2014 г.). М-во образования и науки РФ, Владимирский гос. ун-т им. имени А.Г. и Н.Г.Столетовых, Юрид. ин-т; [редкол.: И. Д. Борисова и др.]. – Владимир: ВИТ-Принт, 2015. – С.33-40

² Подробнее см.: Мелешников А.В. Понятие «правовая ответственность» (в контексте завершения работы Комиссии международного права ООН над Проектом статей об ответственности государств за международные правонарушения) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, № 6 (3), с. 111-114

³ См. подробнее: Мелешников, А. В. О правовой и социальной значимости нормативного определения понятия «права человека». – В сб.: Законодательная дефиниция. – Нижний Новгород. Юридическая техника, 2007. – С. 498 – 507

Основная проблема стандартного раздела «Международное право вооруженных конфликтов» – запрещение оружия массового уничтожения. Полагаем, что данная проблема может быть специальной темой учебного курса «Актуальные проблемы международного права». Такая тема в плане актуальности не нуждается в обстоятельных комментариях. Достаточно заметить, что в арсеналах государств накоплено такое количество ядерного оружия, которого достаточно для многократного уничтожения всего человечества.

В рамках преподавания и обсуждения этой темы обращается внимание, что 4 ноября 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 1653 (XVI) «Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия»¹. В ней, в частности, было объявлено: «любое государство, применяющее ядерное или термоядерное оружие, должно рассматриваться как нарушившее Устав Организации Объединенных Наций, действующее вопреки законам человечности и совершающее преступление против человечества и цивилизации».

И, тем не менее, 15 декабря 1994 г. Генеральная Ассамблея запросила Международный Суд ООН в срочном порядке вынести консультативное заключение по вопросу: «Допускает ли международное право при каких-либо обстоятельствах угрозу ядерным оружием или его применение?». Международный Суд заключил, что «с учетом нынешнего состояния международного права и тех материалов дела, которыми располагает Суд, он не может сделать окончательный вывод о том, будут ли угроза ядерным оружием или его применение законными или незаконными в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование государства»². Тем самым Международный Суд создал стимул к дальнейшему накоплению и распространению самого смертоносного вида оружия массового уничтожения.

Авторская позиция по данному вопросу заключается в следующем. Все виды оружия массового поражения были запрещены уже в Доверсальской системе международного права. Тогда под прямой запрет были поставлены наиболее варварские для того времени средства ведения войны – взрывчатые и зажигательные пули; пули, разворачивающиеся или сплюсцивающиеся в теле; снаряды, выделяющие «удушающие или вредоносные газы»...

Оговорка Ф.Ф.Мартенса была сконструирована с ориентацией на перспективу развития научно-технического прогресса. Она была сформулирована таким образом, что запрещала и другие, еще более смертоносные средства и способы ведения военных действий, которые могли бы быть изобретены в будущем³.

На основе интересов обеспечения национальной безопасности и с учетом решения задач в сфере внешней политики Российского государства, необходимы решительные, последовательные, сопровождающиеся ширококвотельным информационным сопровождением, политические акции, направленные на запрещение разработки, производства ядерного оружия и на уничтожение его запасов.

Наконец, в тематическом плане актуальных проблем международного права обязательно должна присутствовать проблема возрождения «международного уголовного права Нюрнберга».

Право Нюрнберга состоит из двух частей: а) нормативной части в виде Лондонского соглашения от 8 августа 1945 года «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников стран Оси» в единстве с его неотъемлемой частью Уставом Международного военного трибунала и б) правоприменительной части в виде приговора Международного военного трибунала.

Последующие правовые акты – Декларация ГА ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом и Приговором международного Нюрнбергского трибунала» от 11 декабря 1946 года и документ Комиссии международного права ООН, подготовленный по поручению ГА ООН в 1950 году «Формулирование принципов и норм, признанных Уставом и Приговором Нюрнбергского трибунала – акты официального толкования права Нюрнберга.

¹ Док. ООН A/RES/1653 (XVI)

² Текст Консультативного заключения Международного Суда ООН см.: Док. ООН A/51/218. 19 July 1996.

³ См. подробнее: Мелешников А.В. К вопросу о допустимости применения ядерного оружия (по материалам Консультативного заключения Международного Суда ООН) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, № 4 (1). – С. 265–268

Лондонским соглашением сконструированы составы трёх групп преступлений: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности.

Современный мир и система современных правоотношений создавались на волне противоречивых тенденций: убеждённости народов в недопустимости очередной всемирной катастрофы и эгоистическими интересами государств.

24 октября 1945 вступил в силу Устав ООН, основавший систему современного международного права и учредивший всемирную организацию универсального сотрудничества государств. Но накануне этого события, в августе того же года, США осуществили ядерную бомбардировку Японии.

1 октября 1946 года вынесен приговор Нюрнбергского трибунала, но накануне этого события, 5 марта 1946 г., произнесена фултонская речь бывшего лидера Великобритании У.Черчилля. С этим событием историки связывают начало «холодной» войны между союзниками по антигитлеровской коалиции.

11 декабря 1946 года на фоне всепланетарного воодушевления Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию № 95 «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом и Приговором Нюрнбергского трибунала», но 4 апреля 1949 года учреждается блок НАТО. В результате «право Нюрнберга» оказалось в существенной степени обесценено заключением международных договоров специального характера.¹

Таков примерный перечень тем и проблем, которые, по убеждению автора, являются самыми актуальными для России как многонационального государства, самой крупной территориальной реальности, Постоянного члена Совета Безопасности ООН. Конечно, существуют и другие проблемы (например, проблема незаконной иммиграции), но вряд ли они должны присутствовать в тематических планах «Актуальных проблем международного права».

¹ Подробно см.: Мелешников А.В., Баранова М.В. Право Нюрнберга в историческом опыте человечества. – В сб.: Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности: материалы междунар. науч. – практ. конф. преподавателей и студентов (Владимир, 3-4 декабря 2015 г.). – Владимир. 2016. – С.69-77

**УЧЕБНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
ДЛЯ МАГИСТРОВ**

Мезяев А.Б.

В последние годы вышло несколько интересных учебников по международному праву для квалификации магистра. Однако большинство из них выходит как учебники «для бакалавриата и магистратуры». Среди них можно назвать учебник по праву международных организаций и учебник по международному уголовному праву. Кроме того, практически все эти учебники посвящены отдельным отраслям международного права. До сих пор не было учебника по полному курсу международного публичного права для магистрантов. И вот данный пробел, наконец, восполнен.

В начале с.г. вышел в свет учебник, написанный профессором К.А.Бекяшевым «Международное публичное право», подготовленный в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (степень – «магистр»).

Камиль Абдулович Бекяшев – один из самых известных российских юристов-международников. Он родился 26 августа 1943 г. В 1968 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова и был направлен на работу в Минрыбхоз СССР. Вел преподавательскую работу на юридическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова, возглавлял кафедру международного права МГЮА им. О.Е.Кутафина в течение 28 лет. К.А.Бекяшев – крупнейший в Российской Федерации специалист в области международного морского права. Он впервые в СССР разработал программу и учебник «Морское рыболовное право» для вузов и сузов; опубликовал 15 монографий по проблемам международного сотрудничества в области рыболовства, деятельности региональных морских и рыболовных организаций, обеспечения безопасности плавания морских судов, охраны рыбных ресурсов, противодействия незаконному, несообщаемому и нерегулируемому промыслу, ответственности за повреждения орудий промысла, разрешения морских споров.

Новый учебник международного публичного права для магистров, в целом, построен по уже хорошо известной и получившей успешную апробацию, системе учебника, изданного для бакалавров. Это оправданное решение. Как правило, программы обучения магистров вклю-

чают в себя все основные вопросы современного международного права, но на новом, более высоком уровне.

Как же достигается этот новый уровень в учебнике проф. Бекашева?

Во-первых, это целенаправленное, написанное именно для магистерского уровня, введение. Несмотря на его краткость, это введение коренным образом отличается от введения в бакалаврский учебник и ставит перед обучающимся задачи совершенно иного уровня.

Во-вторых, это структура глав. Она очень подробная и, в основном, типичная для разных глав, что ценно именно для учебника. Кроме того, имеются сквозные разделы, главным среди которых является раздел «Практика Российской Федерации». Учебник особо внимательно относится к практике Российской Федерации по всем темам. С одной стороны, это делается не впервые. Такое внимание к практике РФ было уделено ещё в первом издании бакалаврского учебника, вышедшем в 2000 году. (этот учебник написан коллективом авторов под редакцией Камиля Абдуловича). Нельзя сказать, что другие учебники игнорируют практику России, но в учебниках проф. Бекашева (магистерском и бакалаврском) этот вопрос всегда выделяется в отдельные разделы. Если для монографии это обстоятельство носило бы, скорее, технический вопрос, для учебника – это вопрос особой важности.

В-третьих, краткое изложение историографии учебной и научной литературы по соответствующим вопросам международного права. Следует подчеркнуть – историография краткая – такая, какая нужна именно в учебнике, а не в монографическом исследовании. В то же время, историография широкая, охватывающая российскую дореволюционную науку, крупнейшие имена советской школы международного права, современные исследования в Российской Федерации и зарубежную науку. Вот так: кратко, но при этом широко. Глубоко – это уже для самостоятельного обучения. При этом, хотя основное внимание, конечно, уделяется именно науке международного права, стоит отметить и активное обращение к работам теоретиков права. Это обстоятельство лишний раз напоминает, что учебник – для магистрантов, в учебную программу которых входят и т.н. «межотраслевые» и «межсистемные» компетенции.

Наконец, в-четвёртых, это предложение студентам материала для активного и творческого исследования. Автором представляются не железобетонные постулаты (которые, в целом, оправданы в отношении основных положений международного права в бакалаврском учебнике), а материал для размышления и поиска ответов. Так, в качестве примера стоит привести главу «Право международных договоров», в которой упоминается концепция, выдвинутая известным российским учёным В.С.Иваненко о том, что в настоящее время сформировалось «право международного сотрудничества России». В то же время, сам В.С.Иваненко признаёт, что это право не вписывается в классические каноны отраслевой и институтной дифференциации международного права и является нетрадиционным правовым комплексом со своими специфическими сферой и целями, субъектами и объектами, предметом и методами правового регулирования. Таким образом, учебник К.А.Бекашева приглашает студентов к размышлениям по поводу новых терминов и понятий, в частности, такого, как «нетрадиционный правовой комплекс». Учебник ставит вопрос: «Если такой комплекс не вписывается в международное и российское право, то в какую правовую систему его отнести? Каково его содержание и смысл?»

Как известно, особую значимость имеет первая лекция. В своё время наш журнал посвятил первой лекции специальный раздел. Далеко не все учебники едины в понимании того, какой должна быть первая тема (глава) и, соответственно, первая лекция. Ряд учебников ставят на первое место историю международного права и другие темы. Однако представляется, что, всё-таки, первой темой должно стать понятие международного права и его особенности в сравнении с тем, что обучающийся уже знает – то есть с национальным правом. Такой подход логичен и методически более правильный. Однако в учебнике для магистрантов повторение уже сказанного на уровне бакалавриата вряд ли оправдано. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в рассматриваемом учебнике профессора Бекашева понятие международного права даётся сначала во введении, а затем – ещё раз в первой главе. Во введении международ-

ное право рассматривается в системе смежных общественных наук. В первой главе студентам предлагается значительное число различных определений международного права и только затем даётся авторское определение. Такой подход позволяет подойти к пониманию сущности международного права не формально (когда даётся всего одно определение), а творчески, попытавшись понять, почему авторы выделяют одни признаки, а другие авторы – иные. В дальнейшем такой методический подход просматривается и в последующих главах.

Во многом по-новому построена глава по истории развития международного права. Особо радует выделение специального раздела о периодизации, который присутствует далеко не в каждом учебнике. Как показала практика вопрос о периодизации и её обосновании является немаловажным, опять-таки, не для простого заучивания тех или иных периодов как «данности», а для понимания сущности развития истории. На новый уровень данную тему выводят два раздела по анализу вклада выдающихся представителей отечественной и зарубежной науки в развитие международного права.

Глава о международной правосубъектности представляет несомненный интерес по целому ряду оснований. Во-первых, она содержит добротное изложение основного теоретического и практического материала. Во-вторых, она не обходит вниманием имеющуюся отечественную литературу по данному вопросу и даёт студентам навыки критического международно-правового мышления. Пожалуй, трудно согласиться с позицией автора учебника по вопросу международной правосубъектности индивидов. Впрочем, авторская позиция даёт основания для глубокого исследования. Магистранты могут соотнести положения раздела о правосубъектности индивидов с положениями как общей теории права, так и с положениями о право – и дееспособности, приводимыми в первом разделе данной главы. Они также могут соотнести эти положения с подраздела о судебной практике (в частности, цитированием консультативного заключения Международного Суда ООН от 11 апреля 1949 г., в котором Суд отметил, что «субъекты права в юридической системе не обязательно идентичны по характеру и объёму прав»). Иными словами – это как раз тот самый материал, в котором магистранты и должны отрабатывать свои «критико-аналитические» компетенции.

Несколько необычно вынесение темы «Международно-правовые средства разрешения споров» (глава 5) на столь ранний этап учебника. Впрочем, это помогает решать некоторые задачи методического характера. Так, например, традиционное оставление темы в самый конец общей части, а то и всего учебника вообще, значительно ослабляло бы учебно-методический эффект от начинающегося с первой главы сквозного подраздела о судебной практике.

Особо важным представляется раздел «Российская Федерация и мирное разрешение споров», в котором систематизированы все основные факты по данному вопросу.

На этом фоне представляется несколько необоснованным отброс почти в самый в конец учебника темы «Территория и международное право». Вероятно, по некоторым моментам такое перемещение несколько усложняет восприятие некоторых вопросов. Впрочем, возможно, что для магистерского учебника это влияние не столь существенно. Ведь предполагается, что студенты магистратуры уже усвоили материал общего курса международного публичного права бакалаврского уровня.

Глава «Принципы международного права» излагает соответствующие вопросы, в целом, в традиционном плане. Ознакомление со списком разделов, в которых рассматриваются отдельные принципы, сразу выявляет отсутствие в нём принципа мирного сосуществования государств. Впрочем, ответ на это находится в самом учебнике. В своё время появилось утверждение о том, что в 1993 г. Григорий Иванович Тункин, который и был «создателем» принципа мирного сосуществования, предложил отказаться от термина «мирное сосуществование». И хотя автор рецензируемого учебника профессор К.А.Бекяшев в «Советском журнале международного права» годом ранее высказывал идею о пересмотре многих устоявшихся понятий и принципов международного права, в частности принципа мирного сосуществования, Камиль Абдулович не считает возможным отказываться от «мирного сосуществования», прежде всего, как термина и как цели. С этой позицией трудно не согласиться. В настоящем учебнике от-

мечается, что после «известных событий, произошедших в начале 90-х гг. XX в., соотношение сил в мире изменилось коренным образом, закончилась эра противостояния двух систем и, следовательно, отпала необходимость в принципе мирного сосуществования как подразумевающего противоборствующее состояние двух систем». Однако проф. Бекашев добавляет, что цель принципа – обязательность поддержания мирных добрососедских отношений – актуальна и в настоящее время. Вывод понятный и логичный, хотя он не исключает и других подходов и интерпретаций.

Особое внимание привлекает глава «Правотворчество в международном праве», которая обычно в учебной литературе называется «Источники международного права». Новое название представляется более точным для текущего периода. Название «источники» отражает результат, в то время как название «правотворчество» отражает не только результат, но и сам процесс. В настоящее время происходят активные попытки ввести «явочным порядком» новые источники международного права, продавать те или иные акты в качестве «источников». В этой связи подробные анализ международного правотворческого процесса имеет особое значение.

Глава построена по стройной, логичной схеме: признанные источники международного права и «иные способы создания норм международного права». Несмотря на всю проблемность иных способов создания норм международного права, они реально существуют. Интересен раздел «Промежуточные положения норм международного права» – вновь, как материал для отработки «аналитических» компетенций магистра.

Очень подробно излагается тема «Право внешних сношений». Одним из частых «слабых мест» общих учебников международного права является рассмотрение темы «консульское право» как бы «мимоходом». Если дипломатическому праву традиционного уделяется основное внимание, то консульское право, как правило, излагается в одном параграфе. В настоящем учебнике консульскому праву уделяется достаточное внимание (пять параграфов). При этом стоит отметить, что отдельно выделяется раздел «Россия и консульское право».

Глава «Право международных организаций» отличается своей детальностью и логикой построения. Здесь рассматриваются не только традиционные вопросы (история возникновения международных организаций, правосубъектность, членства и т.д.), но и вопросы правопреемства, и не мимоходом, а подробнейшим образом (этому вопросу посвящён целый раздел). Кроме того, автор предлагает методику рассмотрения специализированных международных организаций не в рамках соответствующих отраслей международного права, а именно в рамках темы о международных организациях вообще. В главе подробно представлен материал о правотворчестве международных организаций. Материал настолько важен, что, пожалуй, стоило выделить под этот вопрос отдельный параграф.

Богатый материал представлен в разделе «Российская Федерация и международные организации».

В то же время совершенно логично выглядит выделение «Права Организации Объединённых Наций и её специализированных учреждений» в качестве отдельной главы.

На фоне весьма редкого «признания» в отечественной учебной литературе по международному праву международного процессуального права, радует включение соответствующей главы в рецензируемый учебник. Несмотря на то, что наличие процессуальных норм в международном праве отмечалось еще в трудах ведущих отечественных юристов-международников конца XIX века (П.Б.Казанский, Л.А.Камаровский), в настоящее время главы о международном процессуальном праве – это всё ещё, пока редкость.

В учебнике проф. Бекашева отмечается, что в начале XX в. в своем учебнике Е.А.Коровин под международным процессуальным правом понимал процесс разрешения и урегулирования межгосударственных споров, однако в главах «Средства разрешения международных споров» и «Международное процессуальное право» он показывает, что такое понятие международного процессуального права в учебнике 1924 года в настоящее время не соответствует тенденциям развития международного права.

В «процессуальной» главе рассматриваются понятие международного процессуального права и его принципы, процессуальные нормы в международных договорах, деятельность международных судебных учреждений с точки зрения процессуальных норм и, наконец – ещё одна редкость (и не только для учебника) – рассмотрение проблем действия международных процессуальных норм в Российской Федерации.

Глава «Международное уголовное право» включает в себя не только традиционные вопросы, но и специальный раздел о будущем развитии международного уголовного права.

В составе главы помещён раздел «Международный уголовный процесс». К сожалению, в отечественной учебной литературе процессуальным вопросам международного права уделяется немного внимания. В некоторых учебниках стали появляться главы о международном процессе в целом, но о международном уголовном процессе пока почти ничего специально не говорится. В то же время, полагаем, было бы точнее назвать главу «Международное уголовное право и процесс». В нынешней структуре получается, что уголовный процесс является частью уголовного права.

Рассмотрение международного уголовного процесса в рамках главы «Международное уголовное право» объясняется определением международного процессуального права как «совокупности принципов и норм, регулирующих порядок осуществления прав и обязанностей субъектов международного публичного права». Такое объяснение, в целом, приемлемое, хотя и не без некоторых проблемных аспектов (закрепление международной правосубъектности Международного уголовного суда).

В определённой степени «компенсацию» получила тема «Международное экологическое право», в которой выделяется пятнадцать разделов, где отдельно рассматривается международно-правовая защита животного и растительного мира, биологического разнообразия, атмосферного воздуха, международное сотрудничество государств в области защиты от радиоактивного заражения и изменения климата.

Вполне ожидаемо, что большое внимание и тщательное изложение материала представлено в главе «Международное морское право». Кому, как не Камиллю Абдуловичу, уделить этой теме особое внимание! В главе излагаются как традиционные, так и новые (в смысле уделения им особого внимания и выделения в особые разделы) темы. Такие, например, как права внутриконтинентальных государств на доступ к морю и от него и на свободу транзита. Данный вопрос имеет намного большее значение, нежели ему традиционно уделяется внимания в учебной литературе. Это, кстати, было недавно подтверждено в решении Международного Суда ООН по делу «Об обязательстве проводить переговоры с целью получения доступа к Тихому океану» (Боливия против Чили) от 1 октября 2018 года...

Учебник активно использует «точечные» возвраты отдельных вопросов в новых главах. Так, например, происходит в отношении отдельных международных организаций, вопросов, связанных с морским правом и т.д. Такой подход абсолютно оправдан методически и будет служить пониманию отдельных вопросов на новом уровне.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что перед нами давно ожидаемый учебник, который эти ожидания оправдал. Учебник, действительно, не «для бакалавриата и магистратуры», а именно для магистратуры. Те, кто сегодня преподаёт в магистратуре, увидят это сразу через такую постановку вопросов, которые обеспечивают отработку специфических магистерских компетенций. Безусловно, учебник станет «экспериментальной площадкой» в силу того, что он первопроходец. В этой связи, по прошествии некоторого времени и апробации данного учебника в учебный процесс, приглашаем читателей нашего журнала к продолжению профессиональной дискуссии по особенностям внедрения данного учебника в учебный процесс различных вузов страны.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

<i>*Amarasinghe P.</i> The Gentle Mask for the Oppressor: Examining the Colonial Roots of International Law and its Eurocentric Hegemony.....	32
<i>*Suhfree C.</i> Is The International Criminal Court Biased Against Africa? Justifying the African Narrative of ICC Bias	43
<i>*Dro D.</i> The Question of Participatory Democracy Principle and Environmental Law in Africa..	53
<i>*Смирных С.Е.</i> Роль Детского Фонда ООН в защите прав детей в цифровом мире	55
<i>*Васякина Е.В.</i> Роль Всеобщей Декларации прав человека в деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии	60
<i>*Толстых В.Л.</i> Тематическая структура российской доктрины международного права	66

THE GENTLE MASK FOR THE OPPRESSOR: Examining the Colonial Roots of International Law and its Eurocentric Hegemony

Amarasinghe P.¹

Introduction. In the legal academic discourse, the modern history of international law has been mainly written through European narratives and the culmination of Thirty Years War by Westphalia Treaty is regarded as a jubilant moment for the scholars who have written on the history of international law as a European coined story to civilize the nations. The names of scholars such as Grotius, Francisco Vitoria, Francisco Suarez have been apotheosized as founders of the modern international law, but the concern on the pre – existing norms and customs on international legal principles in Non-European world have been received a less concern in legal academia. Moreover, the traditional understanding of international law as a system that would uphold the comity of nations and peace among the states would get disrupted by tracing the origin of international law itself. An eminent jurist and former ICJ judge C.G.Weeramanthry had aptly described international law as cloak of legality thrown over the subjugation of colonized people by the imperial powers and the substantiality of that statement can be ascertained in examining the some current mechanisms in international law in its practical sphere.² This Article seeks to identify the colonial roots in international law and how those colonial roots have carved the modern pillars of the subject in Eurocentric ground.

Colonial Origin of International Law. The so called acceptance of universalization of international law was mainly attributed to the long serious of colonial expansion by Western nations over the peripheral societies in Africa, Asia and Latin American regions. It is important to understand the creation of sovereign equality was emerged as a result of territorial and internal political turmoil in European system. Although England, France and Spain, Portugal had emerged as first nation states in Europe in the 16th century while rest of the nation states in Europe arose rather a violent bloodshed occurred in thirty years' war, which terminated the domination of Roman Catholic Church and the authority of Holy Roman Emperor. Westphalia Treaty signed in 1648 resulted the emergence of other princely states across Europe and their sovereignty was accepted by Holy Roman Emperor through the conditions of Westphalia Treaty. Nevertheless the attempt of Western legal historians to portray the Westphalian model nation states as the paramount factor on the development of modern

¹ *Punsara Amarasinghe* – PhD candidate Faculty of Law Higher School of Economics Moscow, Russia.

² Weeramanthry C., *Universalising International Law*, Leiden University Press, 2004, p.04.

international law is based on a myth. Martti Koskenniemi argues that considering an historic event which took place in 1648 as the dawn of international law is purely a myth since many other factors led the European political trajectory to disrupt the old order and distinguish state from church.¹

On the other hand the Western understanding of sovereignty and territorial rights were not applicable to Non Western societies, especially when the colonial expansion begun under Spanish and Portuguese Empires in 16th Century sets of principles relating to negotiating with Non-European people were developed and those treaties can be taken as the early instances of international legal practices developed by Modern European states. Spanish Jesuit theologian Francisco Vitoria played a crucial role in the early scholarship sprang from European intellectuals to formulate the principles in dealing with Non-European societies. In the backdrop of Spanish expansion in America, Vitoria completed his publication "On the Indians lately discovered" which mainly addressed the issues on Spanish claim for New World discovered by Columbus.² Initially Pope Alexander VI had affirmed from the Treaty of Tordesillas that conquered territories are simply divided between Portuguese and Spanish Empires. Vitoria denied such a claim and adhered to the principle of natural law in his newly proposed approach. It may be a surprising factor to observe Vitoria quite willing admitted the agency of native Indians as a people who can make laws and enter into treaties regardless their faith and applied the concept of natural law to understand their legal status. He concludes: "Unbelief does not destroy either natural law or human law; but ownership and dominion are based either on natural law or human law; therefore, they are not destroyed by want of faith".

Ostensibly Vitoria's claim seemed to be more just in its external nature because when his own Catholic Church was discarding native Indians that they possess no legal rights as heathens to claim lands Vitoria adhered to a more just approach by embracing principles of natural law and went one step further by claiming that Pope's authority is not applicable beyond Christendom. But in reality the inner motives of Vitoria's approach to native Indians denote the fact that applicability of natural law was intended to be a mere pretext to legitimize Spanish imperial polity in colonies. As an example Vitoria's real motive to defend Spanish colonialism is revealed in studying his position on how should native Indians treat Spaniards. Vitoria has clearly stated that native Indians should always give a fair hearing to Spanish.

"To keep certain people out of city or province as being enemies or expel them when already there, are acts of war" (Vitoria, para.322, p.151)

In the given analogy Vitoria has denied that native Indians have right to wage just war and such a right only lies in Spanish as it is ascended upon them by God, moreover his emphasis indicates that Indians do understand the "*jus gentium*" yet, their barbaric, heathen manner impede them from abiding the universal standards.³ Especially in the encounter between native Indians and Spanish, the legitimacy for the land was depended on the sovereignty whereas naïve Indians lacked it. The interesting question arising from this situation is what was the yard stick used by Vitoria to decide how native Indians were non sovereign in the first place. Ironically though Vitoria relied on the natural law on dealing with Indians, he was reluctant to admit that Indians are sovereigns because they are heathens.

Vitoria's illustration on Spanish colonial interest in America aptly shows the European mind set on understanding the non-European norms and earliest colonial origin of international law as a grand imperial strategy. Today the accepted notion of universalization in international law was mainly generated as an offshoot of European quest to expand colonies towards the end of 19th Century. As Marxist historian Eric Hobsbawm pointed out 19th century was marked by European lust for colonial expansion in non-European societies as an "Age of Empires" and this was bolstered by imposing European oriented laws upon colonized nations in Asia, Africa and Latin America and this new legal ideology stood as an alien concept as it was primarily set up in Europe through European ideological

¹ Koskenniemi M., Dealing with Eurocentrism in International Law, Utrecht University, 2011.09.16.

² De Vitoria F., De Indis Et De Ivre Belli Reflections. (Ernest Nys ed.& J.P bates trans., Carnegie Institute of Washington 1917).

³ Anghie A., Francisco de Vitoria and the Colonial Origin of International Law, Social, Legal Studies, 1996; 5; 321, p.324.

standards.¹ The uptake on sovereignty in European psyche was totally governed by the interpretation they received at Westphalia in 1648 on the sovereignty which stipulated that all sovereigns are equals and that sovereign states have absolute power over their own territory. Under this logic European powers were hesitant to include non-European territories they acquired or conquered under the so called sovereign equal category. Indeed when European powers reached Asian, African or American territories the governing bodies of those territories had different hierarchy of rule albeit it was different from European understanding. But this system was disdained by European powers and in many occasions colonized was forced by colonial forces to come into unequal treaties as colonized societies were deprived of sovereignty under Western standards.

Unequal Treaties in Colonization Process. The notion of “unequal treaties” is heavily attributed to the rise of European colonialism in Asia, Africa and Latin America. Nevertheless, the conceptual origin of the term has derived from the so called father of modern international law Hugo Grotius and Grotius distinguished equal treaties with unequal treaties based on balancing the advantages obtained by contracting parties. In a situation where a superior party has much indispensable power to cull the roots of treaty wherein the inferior party is left no option except embracing the conditions imposed upon them. Such unequal treaties became a common feature during 19th century colonial expansion as the European colonial powers sought the native governing systems to be primitive or they could not comprehend them under their Westphalian idea of a sovereign equal. This mental trajectory created the path to formulate different kaleidoscope on colonies. The history of British and French colonial activities in Asia indicate the unjust methods used by both colonial powers in reaching their objectives and in order to establish their political hegemony, much humiliating, bias form of unequal treaties were executed. As an example, the treaties concluded after defeating China by Western powers in 1842 such as Treaty of Nanking (1842) and the Treaty of Tientsin (1858) arose as entirely unequal grounds whereas Western powers had had the complete authority to decide the terms and conditions in favour of them.²

Promise of protection for the subjects was another treacherous method adhered by the colonial powers in their colonial enterprise and the phrase “protection” eventually became an apt tool of justifying the acquisition of the colony. In “Rage for order: The British Empire and Origin of International Law 1800-1850” authors Loren Benton and Lisa Ford state

“‘Protection’ came to mean both the protection of the Crown, as extended to especially vulnerable groups of subjects or to all subjects, and protection from the exercise of arbitrary power—even by those authorized to act for the Crown”.³

The situation in Kandyan kingdom in Ceylon before the British power depicts how British used phase protection. After the occupation of maritime provinces from Dutch in 1796, British regarded the existence of Kandyan kingdom as an independent sovereignty as a considerable threat for them and British governor Thomas Maitland appealed to London to increase the executive power of the governor’s position, which he regarded as an inevitable necessity, because according to Maitland’s assessment the code of customary laws prevailed in Kandyan territories would underpin the extension of British authority throughout the island.⁴ However Maitland’s intended project of annexing Kandy to British rule was finally carried out by his successor Sir Robert Brownrigg. The vulnerable political situation existed in Kandyan kingdom as an offshoot of king’s conflict with Sinhalese local chieftains provided the ideal *casus belli* for Brownrigg to wage war against Kandy and at outset of the expedition he promised the former status of the local chieftains and also to preserve the Sinhalese religion and the customs. The convention signed between British and Kandyan Sinhalese chieftains in 1815 illustrated as a form of treaty focused on the protection of the native people who sought assistance from British against the oppressive King. The first three articles of the convention have verified that Malabar king Sri Wickrama Rajasinghe or his relatives have any claim for the throne

¹ Hobsbawm E., *The Age of Empire*, Weidenfeld & Nicolson, 1987, p.156.

² Anghie A., *Imperialism, Sovereignty and Making of International Law*, Cambridge University Press, 2004.

³ Benton L., Ford L., *Rage for Order: The British Empire and the Origins of International Law*, Harvard University Press, 2016, p.67.

⁴ *Ibid.*, p.119.

in Kandy. These three Articles emphasized the invalidity of King and his dynasty over the throne, but the fourth article has explicitly mentioned British claim over the whole island of Ceylon. This content of the convention exposes how cleverly British managed to reach their colonial interests in kingdom of Kandy through using a tactful phase "Protection". People in Kandy lost its territorial sovereignty as it fell into British hands by the convention for the sake of ensuring their protection. The fall of Kandyan kingdom in Ceylon is a one historical illustration that shows the bogusness of colonial international law in 19th century.

In the case of Ceylon, the kingdom of Kandy was at stake after going through a three centuries of European colonial invasions and the convention that occurred in 1815 under evasive terms of the British was just an investable result, but it would be rather a surprise to observe that even a powerful and independent state like Japan could not stand before Western powers equally in 19th Century.¹ Japan had opted for a secluded policy in its international affairs since 1630 and which was challenged, when American fleet appeared at the mouth of the Bay of Tokyo in 1853 and 1854 after this incidents Japanese were forced to enter into diplomatic relations with the United States. Interestingly the treaty signed between Japan and the USA in 1857 disillusioned the Japanese as a treaty signed between two sovereign equals, but in its substance, they were grounded on unequal terms.

In studying the history of international law in age of colonialism, invading nations had always wanted to exclude other European forces in their territories as matter of principle in their negotiations with natives.² When European entered into treaties with the native chieftains or rulers, a specific clause was included in the treaty that would impede locals from having any relationship with foreign powers. As an example the elimination of Portuguese rule from Ceylon in 17th century by the support of Dutch shows how strongly Dutch East India Company wanted to impede the king Rajasinghe II of kingdom of Kandy in Ceylon from entering into any negotiation with other European powers. The treaty concluded in 1638 between Dutch and Rajasinghe II explicitly states King should not maintain any relationship with other European powers. According to the treaty Dutch India Company was promised the delivery of all the cinnamon to the exclusion of all other nations in return for our help and protection. In understating the nature of this treaty it is visible that Dutch had attempted to make equal terms with the native ruler in Ceylon. Dutch governor J. Simons wrote in his memorials and instructions: The chief points that demand attention is the following viz.: (1) Friendly relations with the king of Kandy (2) prevention of the intrusion of all other European nations into Ceylon (3) strict observance and watchful guard over the entire navigation of Ceylon.³ However, the status adopted by Dutch to deal with the Kandyan kingdom in Ceylon began to change in the later part of 18th century as it took up a more dominating position over Ceylon. In 1766 after defeating king of Kandy, Dutch East Company compelled him enter into another treaty which was consisted of many discriminatory clauses. The sovereignty of the island was mutually defined but king was cut off from controlling the harbours and other waterways of the island and it further isolated the king from having foreign relations with other nations. According to article X of the treaty the Company undertook to pay for the goods acquired in Ceylon, i.e. ivory, pepper, coffee, etc., and its purchases were to take place to the exclusion of all other nations. This clause was followed by the more specific provision in article XXI which forbade the King and the Officers of the Court to maintain any correspondence with other European nations or to conclude treaties with them, a clause which frequently appeared in treaties between the English East India Company and Indian rulers. The King and the Court undertook to deliver to the Company all Europeans (foreigners) who would enter the country unlawfully and not to entertain with Indian Princes any connections to the prejudice of the Company. On the other hand, the Company undertook according to article XXII not to conclude any treaty with a foreign power against the king of Kandy. Mutual relations were to be maintained according to article XXIII by the exchange of Ambassadors. Dutch rule in Ceylon lasted until the end of the eighteenth century when it

¹ Craven.M, What Happened to Unequal Treaties? The Continuities of Informal Empire, 2005, Nordic Journal of International Law 74: 335–382.

² Gathii J., Imperialism, Colonialism and International Law (University of London, 2004).

³ Goonewardena K., The Foundation of Dutch Power in Ceylon 1638-1658, Netherlands Institute for International Cultural Relations, 1958, p.134.

was ousted by the English East India Company in 1796.¹ However, 18th century international lawyer Vattel considered such treaties just treaties that could be manifested in Non-Christian societies, above all his argument further explained a treaty like 1766 between Kandyan kingdom and Dutch would be not violating the law of nature. In Vattel's own words "The Dutch by a treaty with the King of Ceylon have wholly engrossed the cinnamon trade; yet, whilst they keep their profits within just limits, other nations have no right to complain".² But when the necessities of life were involved, other nations could react against the oppressor. As to the validity of treaties concluded with non – Christians, Vattel observed that "the law of nature (nations) alone regulates the treaties of nations: the difference of religion is a thing absolutely foreign to them. Different people treat with each other in quality of men and not under the character of Christians, or of Mohammedans".³ In depth Vattel's justification for such unequal treaties become an evasive factor since he did not state anything about which authority empowered a foreign nation to compel a ruler of a sovereign state to limit his foreign relations. On the other hand the notion of "law of nature" used by European forces to make treaties with Non-European was always focused on emphasizing their interests of themselves.

Scramble for Africa. European quest to acquire territorial powers in African continent was another illustration to comprehend the despicable nature of 19th century international law. When the decision on African continent was made out in Berlin Conference in 1885, an interesting article was formulated as Article 34. It states that "any power which takes position of territory on the coast of the African continent or establishes a protectorate there must notify the other signatory parties ". But in this whole conference European powers had ignored existing sovereigns such as tribal kingdoms in the mainland of Africa. At the conference British wanted to extend the authority of given article to the interior of the African continent, but it was denied by the European powers as many of the African territories remained as uncovered territories.⁴ Historians called the period of sudden changes in the political map of Africa in the last two decades of the nineteenth century the period of 'the scramble for African territory', characterized, as it was, by a rapidity of transfer of power of dimensions unprecedented in the history of mankind. Prima facie, it might seem that such a kaleidoscopic change would be effected by the most rapid ways and means which international law had at its disposal for transfer of sovereignty, i.e., unilateral action followed by occupation or conquest. As a matter of fact, the process of treaty making or negotiations with African tribal kingdoms was much harder task for European powers than how they envisaged the negotiation process in Indian sub-continent where the rulers followed a code of interstate conduct which had first been conceived in a systematic way by ancient Indian lawgiver Kautilya and embodied in the *Arthashastra*, a Hindu classic of the fourth century B.C. The Kautilyan tradition prevailed, subject to changes, for centuries in the Indian sub – continent and in further India: The European agencies which arrived there in the sixteenth century had to face Hindu or Islamic negotiators acting either on Hindu or Koranic tradition or on a combination of both. In the light of this tradition the conduct of interstate relations in the East Indies was to some extent homogeneous and even predictable in its effects. But the inter-state negotiation system used by African societies was ambiguous and Portuguese being the first modern European nation who entered Africa in 16th century went on to carve the treaties under their own preferences. The treaty signed between king of Congo and Portugal was mainly based on how Congo should allow Portuguese missionaries to conduct their religious activities in the territory of Congo without any hindrance, in addition to that, it insisted Portuguese can utilize the harbours of Congo for military purposes.⁵ In 19th century the term "protectorate" was introduced by European nation to justify the expansion in Africa. Many territories were assimilated into European hegemony and local

¹ Alexandrowicz C.H., *The Law of Nations in Global History* (Eds.: D.Armitage, J.Pitts), Oxford University Press, First Edition, 2017, p.65, 144.

² Ibid., p.149.

³ Ibid., p.150.

⁴ Gassama.I, *International law, Colonialism and the African*, The Palgrave Handbook of African Colonial and Postcolonial History, 2018, p.557.

⁵ Camaroff J., *Law and Disorder in the Postcolony: An Introduction in Law and Disorder in the Postcolony*, Chicago University Press, 2006. P.93.

rulers were given the promise of protection from external powers. But in the treaties compiled by Westerners included many discriminatory provisions such as those local rulers were thwarted from having any other foreign relation. The treaties created by National African Company which happened to be a mercantile company chartered by British government in 19th century to establish trade in Africa always urged the local rulers to seek protection only from the British. The preamble of each treaty signed by National African Company with any African kingdom was consisted of following clause: "We bind ourselves not to have any intercourse with any strangers or foreigners except through the said National African Company and we give ... the company full power to exclude all other strangers or foreigners from territory at their discretion"¹

French, Belgian and other European powers opted for the same method as British did in their treaty making with the local African rulers. In some circumstances discriminatory provisions were excluded and treaty was drafted as an equal one, if the other counterpart was a powerful kingdom in Africa. For instance, the Fulani ruler of Fouta Djallon (Guinea region) made treaties of protection with the French (1881, 1888) which did not impose any restrictions on the sovereignty of the ruler's confederation.

The concept of "protectorate" was transformed into a defense of acquiring African territories in late 19th century. After the conclusion of Berlin Conference in 1885, European international lawyers often relied on the term "protectorate" for the legal justification of the expansion.²

Question of Civility and Backwardness. The quest for acquiring territories in Africa, Latin America and far corners of Asia reached its culmination by the end of 20th century as new nation states began to emerge in Europe such as Italy and Germany, which decisively changed the political map of Europe. After having established the internal political stability both Germany and Italy stumbled upon the race for colonial expansion and in fact there were nothing left for them in the beginning of 20th century except some territories in Africa. The gradual growth of rivalry among the European states eventually bolstered the path for Great War in 1914 and large number of soldiers from European colonies in Africa and Asia fought for their masters albeit the war they involved was not originally their war. As an example India was given a sanguine hope of self-rule like other British dominion states in order to obtain its man power to the war and 74,187 Indian soldiers died in the Western Front, but British promise on self-rule in India remained unfulfilled as British grip over Indian sub-continent was tightened by the end of Great War. British justified their reluctance to grant self-rule to India and other Eastern colonies based on their backwardness and they believed those colonies would get better benefits under colonial rule. This attitude was manifested in 1919 Paris peace conference where imperial powers such as Great Britain and France vehemently opposed to the participation of the delegates from their colonies and their access to the conference negotiations was denied. Nevertheless, some delegates from African and Asian colonies managed to barge into Paris conference with some expectations to raise their voices on right to self-determination. As an example a delegation headed by African lawyers Elizer Cadet and Du Bois marked some significant upheavals against all odds and their concern over self-determination.³ The main protagonist of Paris peace accord Woodrow Wilson included self-determination into his highly idealistic resolutions of the conference and Du Bois was in a strong position that right to self-determination should be extended to the people of Africa since the historical claim of the land is vested with them. Moreover, Du Bois gave a special emphasis for the consent of the governed people in respect of choosing their political future. He states

"The international peace Congress that is to decide whether or not peoples shall have the right to dispose of themselves will find in its midst delegates from a nation which champions the principles

¹ Alexandrowicz C.H. The Law of Nations in Global History (Edited: David Armitage, Jennifer Pitts), Oxford University Press, First Edition, 201. P.292.

² Ibid., p.293.

³ Anghie A., Colonialism and the Birth of International Institutions; Sovereignty, Economy and the Mandate System of the League of Nations, 2001, NYU Journal of International Law and Politics, Vol, P 45.

of the 'consent of the governed' ... that nation ... includes in itself more than twelve million souls whose consent to be governed is never asked".¹

One of the major contentions raised by imperial powers happened to be concentrating on the civilizational standards of colonies, that whether they would seriously have potentials to govern themselves. As it was stated earlier in this article the state of governance practiced by the African and Asian people was strange for European Westphalian mind to comprehend, which enabled them to scorn and trample the those systems of governances as uncivilized. This was frequently pointed out by pro imperial British international law scholars in 19th century and early 20th century, especially after the taming the Indian *Sepoy* mutiny in an unimaginable brutal way in 1857, British applied a harsh policy on Indian demands despite there was a rise of liberal democratic values in Victorian England. Marti Koskenniemi's magisterial work "The Gentle Civilizer of Nations" (2001) gives a vivid description on the emergence of 19th century liberal international legal sensibility all underpinned by practicality of the age and political will of the empire. Koskenniemi states "The founding conception of 19th century international law, was not sovereignty but a collective European conscience-understood always as ambivalently either consciousness or conscience, that is in alternatively rationalistic or ethical ways. Even in the absence of a common sovereign, Europe was a political society and international law an inextricable part of its organization".² The Austinian notion on sovereignty appeared to be an indispensable factor in Victorian age among British international lawyers that mainly neglected the naturalism from their legal views and as the sovereignty of the colonies was vested with British empire, they considered the utter validity of British laws upon the colonial administration to be just regardless how unfit they would be to the subjects. In fact 19th century international law became the beneficent gift of the civilized Europe. However the antipathy of colonized people for being scorned as uncivilized to be treated equally before international law sprang severely at Paris conference as many Asian delegates began to unveil the rich political and cultural unity they had in the past before the European powers arrived. For instance, the missive sent by Korean delegation to Clemenceau of France clearly indicates the following sentence

"The Korean people forms today a homogeneous nation, having their own civilization and culture, and having constituted one of the historical states in the Far East for more than four thousand and two hundred years. During those forty-two centuries Korea has always enjoyed national independence".³

Lala Lajpath Rai was another Indian lawyer who played a pivotal role in striking European understanding of Asian and African countries as barbaric at Paris conference. He opposed to British unwillingness for granting self-determination rights to Indian people due to the backwardness. He states "India is not an infant nation, not a primitive people, but the eldest brother in the family of man, noted for her philosophy and for being the home of religions that console half of mankind".⁴

The predilection of colonized people to be recognized in international legal order of 1919 Paris conference did not reach its expected end, because the delegates from India, Africa and other Asian colonies were thwarted from attending the conference activities, even being the champion for European idealism, Woodrow Wilson paid no concern for the rights of suppressed colonies and his believe was firmly confined to a position that Western states should assist backward states to govern themselves.

Post-Colonial Dilemmas in International Law. Identifying the "post coloniality" in international law lies in an ambiguous zone as the modern form of international law itself is postcolonial, because many of international organs and the current mechanisms in international law had emerged in post-world war period parallel to the decolonization. International Lawyers from Third World, especially

¹ Senaratne K., Internal Self Determination in International Law: A Critical Third World Perspective, 2013, Asia Journal of International Law, Vol 3, 02, p.321.

² Koskenniemi M., Histories of International Law: Significance and Problems for a Critical View, Temple University, 2013.04.12.

³ Senaratne K., Internal Self Determination in International Law: A Critical Third World Perspective, 2013, Asia Journal of International Law, Vol 3, 02, p.325.

⁴ Ibid., p.325.

the scholars who are engaging with TWAIL movement (Third World Approach to International Law) had found many real paradoxes in international law, which they found to be Eurocentric and created from the perspective of West. Mainly the modern idea of human rights has become subjected to many criticisms from the point of view of international legal scholars from third world countries as a pertinent issue in post-colonial international law. In questioning the so-called universality of international law, it is rather ironic to look at the status of universality defined by Western human rights and international law scholars. Universality illustrated in Western Orientation towards human right has taken more individualist approach and the deep rotted influence of Christianity in West seemed to have provided its foundation. In questioning this approach TWAIL scholars like RP Annand and CJ Weeramanthry have always pointed out the existed values in the East that preserved human dignity.¹ Especially being a champion of propagating TWAIL ideas in ICJ, Weeramanthry had a knack on quoting teachings of Buddha in his opinions and judgments at ICJ.² For instance in his dissenting opinion in *Hungary v Slovakia* case, judge Weeramanthry elucidated the purity given by ancient Indians on Water and his opinion in the judgment was a palpable reflection of the Asian values and beliefs over human rights that always went beyond mere individual consuming scope.³

Apart from the narratives on human rights, the “postcoloniality” of international law can be traced in many ways in present context. Mainly the phases such as “Third World” emerged in post-colonial period in order to marginalize the “Other” from Western perspectives. In looking at the tools and mechanisms used to continue the otherness in international law, it becomes evident that the notion of “Otherness” was imbued with the phases such as Backwardness, Trusteeship, International Monetary Fund, World Bank etc. Introduction of such mechanism in post-colonial era by West simply demonstrated the fact that underdeveloped peoples of the world were re-constituted as “other” to the West. As a matter of fact the universalization of international law after the de colonization process and many more approaches have proven impossibility of post-colonial dilemmas to comprehend in modern international law. The following paragraph by critical international legal theorist Sundhya Pahuja reflects the ambiguity of post-colonial dilemmas in modern international law.

“The “post” in postcolonial designates a state neither clearly beyond nor after the colonial. Instead it denotes a “continuation of colonialism in the consciousness of the formerly colonized people, and in the institutions which were imposed in the process of colonization. Key amongst those institutions is international law, which in some senses was formed out of the exigencies of imperialism. But if international law was the child of imperialism “it is not only . . . a dutiful child but also . . . a child with oedipal inclinations”.”⁴

Unseen Legacy of the Practice of International Law in Oriental Antiquity. This paper has unveiled the exact routines which nourished the modern foundation of international law from the perspectives of European nations. The customs and practices existed Among Asian African nations on international legal systems have been given a least concern in the legal academia today. For the curriculum of public international law at universities including the higher educational institutes located in Asia and Africa, the tendency always has been to venerating figures like Grotius and Vattel as modern pioneers of international law. It is really pathetic that they have forgotten the legacy they had in past on international law. It was thousands of years ago that India adopted natural law as the very basis of international law. Ancient Hindu jurisprudential texts such as Law of Manu, *Dharmasastras* admitted the principles of morality as the basis of international legal rules.⁵ Chankaya or commonly known as Kautilya who happened to be the prime minister of the court of Indian Emperor Chandragupta Maurya had written some various treaties on the international legal practices.

¹ Anand R.P, Attitude of Asian-African States toward Certain Problems of International Law, 1966, The International and Comparative Law Quarterly, Vol 05, No 1, p.55.

² Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J Reports 1996, p.226.

³ 1997 I.C.J, 37 I.L.M, 1998.

⁴ Pahuja Sundhya, The Post Coloniality of International Law, 2005, Harvard International Law Journal, Vol 46, No 2, P 469.

⁵ Davis, Donald Jr, Dharma in Practice: Acara and Authority in Medieval Dharmashastra, Journal of Indian Philosophy, 32:5, 2004, p.84.

More interestingly his innovative idea called “Circle of States” or *Mandala* was practiced in Mauryan court in India around 3rd Century BC as an accepted norm to deal with neighbouring states. Apart from that, prime minister Chankya’s master work called *Arthashastras* is a palpable illustration on the Asiatic wisdom on international law. Rules of international law drawn from principles of expediency broad based upon “political considerations” find their suitable place in the *Arthashastras*. Almost the same rules relating to the circle of states, intercourse between them and rules relating to the six-fold policy, sandhi (peace), *vigraha* (war), *asana* (Observance of Neutrality), *yana* (Marching), *samsraya* (Alliance) and *dvaiddhibhava* (making peace with one and waging war with other).¹ In the idea of state responsibility and statehood the practice prevailed in Ancient India. It is an interesting fact that unlike European monarch in the time of the nation states in 16th Century, state in Ancient India was not identified with the king. In fact, an Indian monarch could not like Louis XIV exclaim “*L’etat c’est moi*” (I am the State). From the earliest time monarchs in India looked at himself merely as a custodian of the interests of people. Which has been clearly mentioned in one of oldest Indian epics called *Mahabaratha*. It describes king as the highest servant of the community. Moreover, Indian king was expected to maintain the same level of humanity towards the fellow sovereign states. Indeed the idea of family of nations was a strange phase for the Western Civilization as the hostility among neighbouring states was a feature of the political geography of Europe. Greeks, the most polished nation in antiquity that left a hallmark legacy on the modern foundations of European Civilization looked upon all Non-Hellenes as mere Barbarians beyond the frontiers of Greece. Greek idea of Asia was finally reversed when Alexander led his campaign beyond Persia and his presence in India eventually convinced a message to Greeks about the political, legal and philosophical grandeur in Ancient India. The fragments left behind by Megasthenes who served as the Greek envoy in Maurya Chandragupta court vividly points out the customs adopted by Indians regarding treating the diplomats.² The given statements from Kaushalya’s *Arthashastra* portrays the basis etiquettes that diplomats were expected to follow. In ancient Greece and Rome right to send ambassadors were not regarded as absolute right. It rested either on treaty stipulations or on an express permission obtained from the state which the ambassador was to be sent. Likewise in ancient India ambassadors always represented the might of the state. Besides the legacy of Indian in international law in the antiquity, it is important to examine how ancient Chinese dealt with international law in their statecraft. China’s first contact with contemporary international law came through William Martin’s 1865 translation of Henry Wheaton’s book *Elements of International Law*, 30 years after the book was first published. Some years later Martin wrote another book called *Traces of International Law in Ancient China*, this is a portrayal of the Chinese notion on how they perceived and practiced international law.³ In his writing Martin argued that two conditions are required to prove the existence of international law. Firstly it is mandatory to have the existence of independent states. Secondly, that those states should be so related as to conduct their intercourse on a basis of equality. Martin has pointed out the historical period lasted from approximately 771 BC until 476 BC fulfilled the given condition with the hundreds of states. Under contemporary international law, a state can be regarded as a ‘legal person’ only if it possesses the four following qualifications: 1) a permanent population; 2) a defined territory; 3) a government; and 4) a capacity to enter into relations with other states. Zhou dynasty which was one of powerful dynasties in ancient China envisaged a period of decline between 349BC to 229 BC, that inevitably caused to the creation of newly independent small states. Those newly independent states had a functioning government, could control a territory as well as a population, and could exercise their sovereignty effectively both domestically and internationally. The Prince of each fiefdom became de facto King and the fiefdoms became actual Princedoms. As a consequence of the increasing powers of the Princes, a new political situation emerged, in which “the ritual, music and military campaigns [were] initiated by the Princes. In terms of organizing the external affairs

¹ Pramathanath Bandyopadhyay, *International Law and Custom in Ancient India*, Calcutta University Press, 1920, p.89.

² John W. McCrindle, *Ancient India as described by Megasthenes and Arrian*, Oxford University Press, 2006.

³ Ji Yuannzhen, *The Generation and Development of International Law Ideology in China*, 2018, Chinese Studies Review, Scientific Research Publishing, P.116.

those newly established small states in ancient China, it was regarded a normal practice for those states to hold summit meetings and international conferences to exchange ambassadors and envoys to conclude treaties and agreements, to discuss the common norms of society and to establish rules of war with a humanitarian perspective. The ancient sources such as *Chunqiu* reveal that this period nearly 500 hundred international conferences were held. Princes from each state regularly met in order to ensure their mutual protection against any foreign force. More than 140 treaties are recorded in *Chunqiu*, including both bilateral and multilateral agreements, mainly for good relationships between states, joint defence, international trade and marriage alliances. This shows that the states dealt with each other on an equal footing. Normally, those agreements included three parts: the statement of purpose, substantive contents and an oath invoking the wrath of the most important deities upon anyone who transgressed the agreements. As states were small in their geographical territories, their concern over security always stood at prime level. Especially creating a collective league system was adopted by all those independent states as an appropriate manner to uphold regional solidarity. Prince Qi who happened to be the ruler of his state had a wider recognition among the other states too as a power political figure. With this eminent recognition he formed a system of alliance which was essentially based on the idea of a collective security system-more or less this was akin to modern day North Atlantic Treaty Organization Structure.¹

The above mentioned historical sources from both ancient India and China provide a clear account on the historical structure on international law existed in great two Asian civilizations and it further demonstrates the conceptual routine of international legal system cannot be solely attributed to what took place in 1648 at Westphalia. The Westphalian notion of nation states system may have given emergence to the creation of modern Europe, but in tracing the Asiatic heritage, the idea of international law traces back to the antiquity. Moreover, it is really an important factor to consider how those ancient Indian and Chinese systems of international law conducted on the basis of civility and natural law in the antiquity whereas European nations were reluctant to accept Asians as civilized nations till 20th century.

Conclusion. Conventional approach to understanding the colonial origin of international law may accept that the story of colonialism as an imbued factor to international law ended with the decolonization, but the concluding remark of this article proposes that civilizing mission adopted by West through the veil of international law continues today as a post imperial project. The advent of newly independent states led the path to form strong alliance among themselves in the post-colonial period as the world was witnessing the cold war trauma. The Non Aligned Movement established by the leaders from Global South was initially intended to maintain neutrality without getting attached to either Soviet Union or United States in any time of crisis, but gradually its objectives were swindled and the apathy of newly independent states before the new imperial order was quite visible. Especially when newly independent states realized that their natural resources were exploited by their former colonial masters, their only available remedy was to nationalize those natural resources which were located in their own states but governed by few foreign companies. In the movement adopted by nationalist governments in the countries in Global South always envisaged setbacks in their efforts in dealing with foreign powers within their national sovereignty. It was clearly evident that European reluctance to accept the sovereign status of the newly independent states as their equal companions led them to undermine the nationalization projects in the Global South. The military actions taken by British-French forces aligned with Israel when Egyptian president Nasser took over Suez Canal and serious of international pressure faced by SWRD Bandaranayke's government in Ceylon after nationalizing British owned companies showed the gravity of Neo-Imperial outlook of the post-colonial international law. Especially in dealing with recovering their own national resources from the position of colonial powers, newly independent states had to grapple with the demanded compensation from those foreign investors or companies belonged to former colonial powers. In terms of assessing the compensation the contention brought by Western powers was based on the

¹ Teemu Ruskola, *Legal Orientalism; China and the United States and Modern Law*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2013, p.110.

what they preserved as compensation from international legal perspective. Anghie states: To further their argument, they asserted that it was a principle of customary international law that compensation was to be based on international law rather than national standard.¹

The pivotal question to concern is whether being oppressed colonized how would the states of Global South uphold those customs because they were not partners in creating such customs in international law. In examining the modern form of old civilizing mission of the colonial powers in the name of international law, it is yet remains in a different trajectory as the phases like Civilized and Uncivilized societies are replaced by the unending division between Developing Countries and Developed. As a matter of fact, the mechanism regarding the development assessment introduced by Bretton Wood system in post-world war period provided an institutionalized framework in imposing certain restriction over newly emerging economies. In terms of providing assistance for newly independent post-colonial countries, Bretton Wood institutes relied on certain yard sticks like human rights and good governance, when such expectations were likely to be fulfilled their next concern was to introduce Neo Liberal reforms to those states, which have often resulted in the further impoverishment in the poorest in the Global South. David Harvey in his classic work “A Brief History of Neo Liberalism” has aptly described the real intents of the US invasion of Iraq in 2003 was hidden behind American interest in oil and the Neo Liberal policies adopted by the interim government of Iraq in 2004 simply cleared the path to wealth accumulation.² However, the emergence of new world order from the Global South such as rapid economic growth in China and India have challenged the notion of “coloniality” in international law as it existed thus far. The central thesis carved by this article has demonstrated how international law was created on the basis of colonial interests of the West and the tactful way it was used for the colonial expansion in history. The given examples from the existed norms and practices among ancient Asiatic states provide a strong evidence on how differently international legal norms were followed and respected in antiquity albeit that narrative was not acknowledged by the West. Nevertheless, it is important to remember being critical on the colonial origin of international law does not mean that modern scholars should completely disband the existed norms and practices of international law. The answer provided by Indian legal scholar Upendra Baxi states: “Nationalization of learning is no answer to Eurocentrism. Nor does a reckless deification and exaltation of intellectual traditions serve the interests of the knowledge”.³

Having understood the colonial foundation of international law and how it has been always narrated from the point of view of Europe, scholars from Global South should continue to reconstruct the present day narratives of the international legal scholarship, because international law is not solely attributed to the states as its liveliness is very much affiliated with scholars, judges and practitioners as real stakeholders who give the meaning to international law.

¹ Anghie A., Towards a Postcolonial International Law, Prabhakar Singh and Benoit Mayer (Edited), Critical International Law, Oxford University Press, 2014, p. 140.

² David Harvey, A Brief History of Neo Liberalism, Oxford University Press, 1st edition, 2007, p.03.

³ Upendra Baxi, Some Remarks on Eurocentrism and the Law of Nation, in Asian States and the Development of Universal International Law, 3,5-6 (R.P. Anand ed., 1972).

**IS THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT
BIASED AGAINST AFRICA?**

Justifying the African Narrative of ICC Bias

Suhfree Cletus Suh¹

The International Criminal Court (ICC) is supposedly an independent tribunal established on July 17 1998 through a Rome Statute signed by a hundred and twenty countries. After sixty countries ratified the Court's Statute, it therefore became operational and termed, 'The Rome Statute' of 1 July, 2002. Ironically enough, 34 African countries constitute the biggest single bloc to have ratified the Rome Statute as well as their astute involvement in the negotiations that formed the ICC². At the foundation stages, it was a general norm for African states to support the Rome Statute, some perceived it as a unique institution they could make proper use of to seek solutions to the various pig-headed conflicts in their backyards and across the continent as a whole³. Such preliminary optimism has slowly debauched, alongside Africa's support and enthusiasm for the ICC because its main targets have been African presidents and political elite since the Court came into existence. The African Union (AU), African regional blocs, African scholars and civil society organisations across the continent have expressed dissatisfaction at the Court for focusing on grueling African perpetrators accused of human and war crimes⁴. The accusing fingers went ahead to point to the fact that the ICC has indirectly escalated ethnicity and factionalism in Africa through her selective justice style. Hence, the Court complicates traditional methods of reconciliation thereby inflaming further violence⁵. Similarly, others have argued that because the ICC has vehemently turned a blind eye on atrocities orchestrated by developed countries like the USA, France, Britain, Russia and China, she is therefore guilty of political manipulation⁶. Some critiques of the Rome Statute have gone further to question if the ICC is being used by the Western countries as 'regime change agents' in Africa⁷ or neo-colonialism agents. Similarly, the Court's Prosecutor has failed the African continent by directly undermining the original purpose of the ICC, treating it as last resort rather than as a preliminary subject⁸.

Part I of this article illustrates evidence of bias of the ICC through ten African cases handled by the Court despite its short life-span. Part II depicts the weaknesses of the ICC vis-à-vis a blind eye to human and war crimes in other parts of the world; Mexico, Columbia, Sri Lanka, and the European and American dominance of the world order. The article reminds us that North America, South America, Asia and European countries cannot escape the responsibility for being members of the ICC and for having created conditions that warrant the intervention of the Court. Part III demonstrates measures taken by the AU, the African Courts and African traditional systems to solve problems of conflict: the case of Hissene Habre of Chad, by the Extraordinary African Chambers backed by the AU and the International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR) established on 8 November 1994, by the UNSC. This is not to defend Africa's stance against the ICC or broadcast its nascent efforts to achieve justice per se, the article will nevertheless prove that the ICC in some instances still holds the power to hold African leaders guilty of human and war crimes to accountability. Part IV of the article presents a succinct conclusion.

¹ *Suhfree Cletus Suh* – PhD candidate, Faculty of Humanities, SARCHI African Diplomacy and Foreign Policy, Department of Politics and International Relations, University of Johannesburg, South Africa.

² Syenyonjo, The Institute for Justice and Reconciliation, Policy Brief No. 8, 2013 pg. 385 – 428.

³ Jalloh C., Coalition for the International Criminal Court, 2009.

⁴ Murithi T., The African Union and the *International Criminal Court*, 2013, pg. 8

⁵ Clark P., Peace, Justice and the International Criminal Court. 2011, pg. 521-545

⁶ Mwangi K., 'Can the International Criminal Court Play Fair in Africa? 2013, pg. 4 and D. Akande, ICC Jurisdiction Over Nationals of Non-Party States: An ultra vires abomination, or legitimate judicial conduct? 2003, pg. 618

⁷ Cashman R., 'The Geopolitics of International Criminal Justice' 2016 (2) pg. 1-2

⁸ Olugbuo O., 'From ICTR to ICC: Learning from the ICTR experience in bringing justice to Rwandans' 2011, pg. 3

**PART I: THE BIAS OF THE ICC AGAINST
THE AFRICAN CONTINENT**

The numerous allegations against the ICC falls in line with three main subjects: firstly, the style of handling cases by the Court particularly against African respondents; secondly, the probable political and social consequences of the different trials by the Court; and thirdly, the ICC's quilt and vulnerability of Western maneuvering on issues of the African continent. While African critiques including political elite and scholars like Mahmood Mamdani have offered viable alternatives on how the ICC should deal with egregious crimes the violations of the right of man like the empowering of the African Court of Justice and Human Rights, the ICC has remained stubborn and rather insist on its involvement in the continent despite her premature nature. In fact, at one time describes the ICC as an "International Court for Trying Africans"¹. On his part, Arch Bishop Desmond Tutu, South Africa's towering anti-apartheid clergyman declined to share a stage of dialogue with Tony Blair, the former British prime minister, protesting the ICC's bias towards black Africa. Tutu's actions were based on the Blair's pugnacious actions that led to him attacking Iraq and slaughtering thousands of women and children, hence making him guilty of war crimes and crimes against humanity. The ICC till this day has remained quiet on the matter and Blair has not been charged, alongside his accomplice, George Bush Jr. president of the United States of America². In the same vein, 2013 witnessed an address by Ethiopia's foreign affairs minister, Tedros Adhanom Ghebreyesus, lament on the subject in his capacity as chairperson of the Executive Council of the AU. He claimed that the ICC is "far from promoting justice and reconciliation and contributing to the advancement of peace and stability on our continent, the Court has transformed itself into a political instrument targeting Africa and Africans."³

At the pinnacle stage of the discomfort with the ICC is the fact that, the Rome Statute is strongly guilty of being a stooge of the West (Europe, USA) and China. This was described by the *Refugee Rights Initiative News* 4 of July 2008 as the 'ICC's act of transforming African political elite into "guinea pigs" and the African continent into "a laboratory for politically motivated persecutions"'. The Court has also been blamed for being behind a neo-colonial project scheme in Africa that has flamed changes in regimes across the continent vis-à-vis subjugating Pan-African, anti-West and anti-imperialist continental political bodies.⁴ These pursuit of anti-ICC agenda are rooted and not new because they originate from Africa's untold stories of white 'cannibalism' in the continent: from slave trade and slavery; colonial exploitation, and various imperialistic agendas.⁵

From the Pan-African perspective, this views are regarded as 'alien policy contingences' which indicates the *raison d'être* of the ICC is to grill and weaken more the underdeveloped states rather than developed ones. China's concerned revolved around the complementarity issues around the ICC and its jurisdiction on war crimes and armed conflicts, thereby intruding into the powers of the UNSC.⁶ On their part, the US went further to implore extravagant decision to protect its citizens from any ICC prosecution: numerous bilateral treaties have been signed by the US forbidding its citizens from arrest, prosecution and granting total them immunity worldwide against the ICC. The American Servicemen's Protection Act (ASPA) protects US nationals from them ICC.⁷ Moreover, with China and the US having permanent seats in the UNSC, it becomes inevitable for the ICC to hold them responsible for human and war crimes. More still, the Rome Statute is vulnerable to outside political influences, hence Africa suffers the bias of the Court since the continent has not even

¹ Mamdani, Darfur, ICC and the New Humanitarian Order. 2008.

² Du Plessis, 'Africa and the International Criminal Court' 2013. P. 563-570.

³ Maliti T. Pre-Trial Chamber II made a finding that Chad had failed to cooperate with the Court. March. 2013.

⁴ Achaleke T. International Politics and Policy Considerations for the International Criminal Court. 2016, pg. 338-350.

⁵ Imeodemhe, 'International Criminal Court: Judgment pursuant to article 74 of the Statute', 2015, pg. 74.

⁶ Jianping and Zhixing, 'ICC Decision following the Consultation held on 11 October, 2005. Pg. 608-620.

⁷ Akande D., Journal of International Criminal Justice, Volume 1, Issue 3, December 2003, Pg 618-650

a non-permanent seat at the UNSC¹. Since the UNSC refers cases to the Court, African is therefore left naked on the ICC firing line, at the mercy of the 'Western court'.²

To make matters worse, the ICC is muscled and highly Influenced by the United Nations Security Council (UNSC). The Court has courageously gone after only those people it has seen as being weak and unprotected by the UN Security Council. The ICC, for example, has turned a blind eye to self-evident human rights abuses in Iraq, Afghanistan and Gaza. It has instead chosen to indict 27 Africans³. Allowing the Court's jurisdiction to entrench into territory outside the member states, the ICC cooperates with the UN Security Council, as has been mentioned. Nonetheless, this "marriage" was also opened to criticism because of the fact that "three of the five permanent members are not even members of the ICC".⁴ Of these members, only France and the United Kingdom ratified the Rome Statute, (US, Russian Federation and China are yet to come to the party).

As if this is not enough, the powers of the ICC's seem curtailed when it comes to facing great ally states in which the governments of these three superpowers have particular interests. More so, the Court as an independent body cooperates with the UN Security Council (China, France, Russian Federation, the United Kingdom, and the United States – P5: powerful victors of World War II).⁵ Unfortunately for the ICC, under the Rome Statute, the UN Security Council may refer a situation to the Court, which empowers it to investigate all four crimes under the Rome Statute, including crimes of aggression, without any further conditions (*Article 15 ter Rome Statute; Article 13 (b) Rome Statute*). The Security Council's powers under the UN Charter are the legal basis upon which the ICC can investigate such crimes without any consent requirement by the States involved. Where the Security Council makes such a determination, the Prosecutor may then proceed with the investigation regarding a crime of aggression in the same manner as regarding the other three core crimes. If the Security Council makes no such determination within six months, the Prosecutor may only proceed if so authorised by the judges of the Court's Pre-Trial Division.⁶

Interestingly enough, since 2002, the UNSC has not only failed but have fanatically recuse itself from referring to the Court any Russian, Chinese, French, British, US and war criminals to the Court for investigations like former US president George Bush Jr., former British prime minister, Tony Blair and Russian president, Vladimir Putin. These western leaders have led wars that have seen the loss of lives of hundreds of thousands, yet the UNSC by this same period referred to the ICC the Ivorian leader, Laurent Gbagbo, Sudanese president, Omar Al Bashir, Libya's Muammar Gaddafi and Kenya's Uhuru Kenyatta, all African political elite. How unfair is this? For the numerous minds who have dedicated themselves to the subject of international justice, a critical examination of this and the history of the Court, inevitably depicts its one-sidedness. The ICC is attempts to override the sovereignty African state intends disregard its very own principle of complementarity. More so, the ICC applies Western legal processes and standards to an African context, and is thus insensitive to African voices and alternative methods of national post-conflict reconciliation such as traditional justice mechanisms.⁷

Within such climate, in 2009, the AU stepped in by warning the ICC to restrain itself from arresting a sitting African president; Sudanese Al-Bashir. This was a paramount challenge to the Rome Statute for attempting to unseat a head of state, risking a coup d'état in the set country which would have ultimately led to the loss of lives. In this light, the AU edged the ICC to refer the Sudanese case to the African Court of Justice and Human Rights, which the former refused and till date, the Omar Al-Bashir's warrant remains open, pending his arrest.⁸ In its defense on the subject, the ICC contend the views of the AU and claimed that Al-Bashir like many African politicians who are guilty

¹ Mwangi. S, Can the International Criminal Court Play Fair in Africa? (2013)

² Adelaide Changole. 'ICC Jails Congolese Former Vice President for War Crimes' 23 June 2016

³ Hoile D., The International Criminal Court and the African Union – ACCORD, 2012, pg. 22

⁴ Hoile, D. "Legal Justice: The International Criminal Court and Kenya", 2012: 23.

⁵ The ICC and the UNSC, Record, 2012.

⁶ The ICC and the UNSC, Record, 2012.

⁷ M. Deguzman, Is the ICC Targeting Africa Inappropriately? 2016, pg. 4.

⁸ Syenyonjo, 'Darfur, ICC and the New Humanitarian Order', 2013, pg. 388

of human and war crimes have either overlooked and disrespected the AU's Court as well as have abused their very own state's constitution that brought them into power. Therefore, the ICC insist only its Court can deliver justice to the victims of human and war crimes under the reign of Al-Bashir.¹

A similar case is that of Libya in 2011, wherein, the ICC was warned against the issuance of warrants of arrest against the Libyan leader, Muammar Gaddafi, his sons and his members of his cabinet for the war in Libya. The AU move was in order to make room for the process of reconciliation between supporters of Gaddafi and the opposition rebel groups. Unfortunately for the AU, the colonial stooge of the West (ICC) held onto its command and eventually, there was no room for reconciliation talks. President Gaddafi was eventually assassinated by Western backed rebel groups led by France and the USA, today, Libya is a failed state, ringed in political chaos and worse than under the leadership of Gaddafi.²

Correspondingly, Ainly further explains that in 2014, Uganda's president, Yoweri Museveni made the following categorical statement against the ICC "I will bring a motion to the African Union next session. I want all of us [African Member States] to get out of that Court of the West [ICC]. Let them [Westerners] stay with their Court." Africa is helped in this regard by Russia and China accordingly³. Cashman describes the Rome Statute as 'an instrument of regime change under the guise of the protection of human rights'⁴, while Hoile iterates that the latter terms it 'a nastier manifestation of globalisation.' As if this was not enough, the president of Kenya, Uhuru Kenyatta added his voice to criticise the ICC bias as he was dragged to the Court on human rights crimes.⁵ Following his statement in the AU summit meeting, 2015, he lambasted the Rome Statute in the following words, "we refuse to be carried along in a vehicle that has strayed off course to the detriment of our sovereignty, security and dignity as Africans" His statement came at a time when the ICC failed to prosecute him and some key members of his government. This coincided with numerous appeals and criticisms of the Court by African presidents like the Ivory Coast's former head of state, Laurent Mbagbo, who after awaiting trial at The Hague for more than a decade had his case thrown out for lack of evidence. He too was accused by the Court of committing crimes against humanity. These disgruntlements headed to the AU for further deliberations, hence the AU has begun drafting a road map for the withdrawal of African nations from the ICC.

The bias of the ICC in Africa takes center stage with an examination of the ten African cases the Court has opened investigations into since it began functioning on 1 July 2002. As of 2016, the Court has dealt with eleven situations worldwide of which ten are in Africa (Cashman, 2014). They include: (1) the Democratic Republic of the Congo; (2) Uganda; (3) the Central African Republic I; (4) Darfur, Sudan; (5) Kenya; (6) Libya; (7) Côte d'Ivoire; (8) Mali; (9) the Central African Republic II; and (10) among the latest cases on the Court's list is Burundi, October 2016.⁶ The ICC has publicly indicted 39 Africans and has issued arrest warrants for 31 individuals, handed summonses to eight others and seven persons are in detention as of January 2016. Proceedings against 22 are continuing: nine are at large as fugitives, four are under arrest but not in the Court's custody. One is in the pre-trial phase, seven are at trial, and one is appealing his conviction. Proceedings against 17 have been completed: three have been convicted, one has been acquitted, eight have had the charges against them dismissed, two have had the charges against them withdrawn, one has had his case declared inadmissible, and four have died before trial.⁷

Upon referrals by States Parties or by the UNSC, or on its own ingenuity and with the judges' authorisation, the Office of the Prosecutor (OTP) conducts investigations by gathering and scrutinising

¹ Ibid, pg. 385-428

² Ainly K. The responsibility to protect and the International Criminal Court suffered a significant setback. 2015. P. 37 – 54.

³ Ibid. P. 55.

⁴ Cashman. The Geopolitics of International Criminal Justice. 2014.

⁵ Hoile, David "Is the ICC Fit for Purpose?", 2010.

⁶ "Situations and cases". ICC. Retrieved 2016-04-01.

⁷ Ibid, 2016-04-01

evidence, questioning individuals under investigation and questioning victims and witnesses, for the purpose of finding evidence of a suspect's innocence or guilt. OTP duty is to investigate incriminating and absolving situations equally. It goes ahead to request collaboration and support from States and international organisations, and also sends detectives to areas where the alleged crimes happened to gather evidence. Detectives must be cautious not to constitute any risk to the victims and witnesses. (Situations under Investigation, 2005, 2011).

PART II: THE FAILURE OF THE ICC TO PROSECUTE CRIMES OUTSIDE OF AFRICA

From empirical evidence and accuracy, this article has a foot to stand on when making the argument that almost all the cases before the Court involve African countries. Naldi and Magliveras¹ noted with interest that it will not be cynical to say that, "the ICC has acted predominantly as a transitional criminal court for Africa." Firstly, from the month of June 2015, the Court investigated conditions in eight states, with three judgements issued (Human Rights Watch, 2011). In November the following year, the ICC had ten uncompleted cases; 'Preliminary Examinations', among them, five concerned Africa: Burundi, Gabon, the Comoros Islands, Guinea and Nigeria. Concurrently, ten situations were under investigation, Africa had nine out of the ten countries involved: Uganda, DRC, Sudan (Darfur), Kenya, CAR I, CAR II, Mali, Ivory Coast and Libya. The one exception was Georgia ('Situations under Investigations', ICC, 2017). Moreover, Africa alone preoccupied the ICC's desk with thirteen 'Pre-Trial' cases at apparently various stages of trial, including five closed ones.²

At the International level of which the ICC is, 'a global court formed to provide accurate justice to victims of genocide, war crimes and crimes against humanity', this article without doubt finds the Court battling with itself, only to be described as an inevitable public relations quark mire. One therefore wonders, looking at the figures above, if the ICC is not clearly practicing double standards and intentionally conspiring against weak African states. One should be worried to think that from the onset, the ICC has been dragging its 'legitimate feet' when it comes to investigating war, and human crimes committed by world superpowers like Russia, China and the USA. Though the Court has risen to its defense that its offices have investigations in Palestine, Ukraine, Colombia and Afghanistan, for instance, the cases are yet to be conclusive, despite the fact that these investigations began years before some of the African cases were on 'Pre-Trial' stages.³

Secondly, Ambos reiterates that the ICC have failed to do justice to Africa and simultaneously shoot itself in the foot when she decided to involve the members of the UNSC who declined ratifying the Rome Statute but is given the green light to effect referrals to the Court as well as influence its operations. This to say is not only bias to Africa but indeed, is bewildering to minds that have interest in global politics and treaties. The abnormality of the Court is perceived as well on matters where it empowers non-member states to administer important treaty responsibilities against standard state members and non-compliant parties. The fact that the UNSC make referrals against a sitting Council member of the ICC gives no rooms for doubts that the Court is unjustifiable against Africa. Therefore, Al-Bashir's indictment as well as Gaddafi's investigation overnight by the hand of the UNSC, waters down the argument of 'African states' willingness in ratifying the Rome Statute and their keenness to refer African cases to the Court like the DRC and Uganda.⁴

Moreover, since July 1 2002, of the 122 countries who ratified the Roman Statute, the United States, China and Russia, key members of the UNSC have till today not ratified it, thus are not

¹ Naldi and Magliveras, The International Criminal Court's involvement with Africa: evaluation of a fractious relationship 2013, pg. 417-446.

² Situations under Pre-Trial', ICC, 2017.

³ Ambos, 'Africa and the ICC' 2009, pg. 404-447.

⁴ Ignaz Stegmiller "The International Criminal Court and Mali: Towards More Transparency in International Criminal Law Investigations?", in Criminal Law Forum, 2013, vol. 24, no. 4, pg. 475-499

under the jurisdiction of the court, yet, they influence the ICC's daily decision.¹ Such unfairness and tricky political tactics of the super-powers is what the Africa states call bias, and for the ICC to be manipulated as such goes a long way to render it somehow a toothless bull dog. Why not Argentina? Why not Myanmar... Why not Iraq?

(The Chairman of the AU Commission, 2013)²

Under article 15 of the Statute the Prosecutor may initiate investigations *proprio motu* on the basis of information on crimes within the jurisdiction of the Court, subject to authorisation from the Pre-Trial Chamber. In order to proceed, the Court must be satisfied that the information available provides a reasonable basis to believe that a crime within the jurisdiction of the Court has been or is being committed (Article 53(1)(a) – (c), ICC Statute, 2010). Unfortunately, while these Cases has been brought forward in the Cases of Iraq, Venezuela, Palestine, Mexico, Colombia, Afghanistan and Syria, the OTP has decided not to open investigations into those situations or kept them under preliminary examination in order to make a determination on whether to proceed with an investigation.³ The OTP's focus on Africa has therefore been described as inappropriate, hence, accusations that the OTP is bias, becomes inevitable.

The ICC's Failure to Investigate the cases of Bush and Blair

The US and the UK are a state party to the Rome Statute and former President George Walker Bush Jr. and former British Prime Minister (PM), Tony Blair are citizens of these state parties of the ICC. Under the pretext of 'weapons of mass destruction in Iraq and terrorism, both leaders jointly invaded and attacked Iraq in March 2003 and Afghanistan months later killing hundreds of thousands of civilians and destroying the entire country and the livelihood of millions of others.⁴ How come these two leaders have not been prosecuted by the ICC up to date? Are these not considered international war crimes and crimes against humanity and the violation of international law? By so doing, both leaders faulted under The Rome Statute's Article 25, Section 2 that indicates, "a person who commits a crime within the jurisdiction of the Court shall be individually responsible and liable for punishment in accordance with this Statute." Section 3(a) crime, "whether [committed] as an individual, jointly with another or through another person." So, they are international (war) criminals guilty of Nuremberg crimes against peace; and they should be prosecuted by any state in the world that gets a hold of them. We will continue our efforts to bring Bush and Blair to justice and put them in jail.⁵

The ICC has so far given a blind eye to this case, therefore, it goes without saying that the ICC is bias in Africa as these crimes and incidences took place concurrently alongside situations in Africa, some cases of which have been concluded.

In the same vein, a local but non-international court; The Kuala Lumpur War Crimes Tribunal in Malaysia has found the former US President, Bush and British PM, Blair guilty of committing crimes against humanity during the Iraq war. They were tried in absentia by the court's seven-member panel chaired by former Malaysian Federal court judge, Abdul Kadir Sulaiman presided over the trial. A verdict described as a landmark decision by lawyers and human rights activists in Malaysia.⁶ During the hearing, the prosecutors ruled that the invasion of Iraq was a flagrant abuse of international law, and act of aggression which amounted to a mass murder of the Iraqi people. The judges in the verdict concluded that the United States, under the leadership of Bush, forged documents to claim that Iraq had weapons of mass destruction, of which none was ever found.⁷ The findings of the tribunal have been made available to members of the Rome Statute and the names of the two former officials be entered in the register of war criminals, for onward arrest and prosecution. The Malaysian court has

¹ CRS Report for Congress, 2011.

² Jang Ping, The Chairman of the African Union Commission in 2013 accused the ICC's OTP of African bias

³ M.C Bassiouni, The International Criminal Court: limits, potential and conditions for the promotion of justice and peace, 2013, pg.1)

⁴ Amnesty International Report, 2015.

⁵ Francis A. Boyle-International Criminal Court: The White Man's Court, 2016: 19).

⁶ Press TV and Global Research, 2011.

⁷ Ibid.

vowed to go a long way to lobby the International Criminal Court to charge the pair for war crimes, and have equally informed the universal jurisdiction to arrest Bush or Blair if they appear within their shores as an obligation on the international law. However, till date, the ICC has not made any moves in opening cases against these accused leaders, hence bias against Africa who has seen 9 of its countries and its leaders accused, investigated, charged and sentenced by the same 'international' court.

- **The ICC's Reluctance to pursue the cases of Colombia**

Colombia is a member of the ICC and ratified the Rome Statute on August 5, 2002 together with a declaration pursuant to article 124 excluding war crimes from the jurisdiction of the ICC for a seven-year period. The ICC therefore exercises jurisdiction over war crimes committed in the territory or by Colombian nationals as of November 1, 2009.¹ Till date, the ICC has not concluded on the situation of Colombia that it inherited since 2002. These cases sprung from war crimes, crimes against humanity and international crimes. Since 1 November 2002 acts constituting crimes against humanity have occurred within the situation in Colombia. In particular, the information available supports a finding in relation to: murder under article 7(1)(a); forcible transfer of population under article 7(1)(d); rape and other forms of sexual violence under article 7(1)(g); severe deprivation of physical liberty under article 7(1)(e); and enforced disappearance under article 7(1)(i) of the Statute. The attack must be widespread or systematic in nature contrary to isolated or random acts of violence.² In Colombia therefore, the adjective "widespread" refers to "the large-scale nature of the attack and the number of targeted persons," while the adjective "systematic" refers to the "organised nature of the acts of violence and the improbability of their random occurrence".³

- **War Crimes committed by State actors in Colombia**

Reports from Colombia by Amnesty International (AI), 2005 and OXFAM, Survey, 2008 and the UN OHCHR, in 2010, has given enough reason, provided substantial information and reasonable basis to believe the government of Colombia committed crimes great enough to have been prosecuted and concluded by the office of the OTP of the ICC in the period from 1 November 2009 to date. Through their findings, Colombia's government has been accused by these bodies on the following counts hence, Colombia's government leaders as well as rebels ought to have been prosecuted and charged for war and human crimes respectively.

- Murder pursuant to article 8(2) (c)(i) and attacking civilians pursuant to article 8(2) (e)(i);
- Torture and cruel treatment pursuant to article 8(2)(c)(i) and outrages upon personal dignity pursuant to article 8(2)(c)(ii);
- Rape and other norms of sexual violence pursuant to article 8(2)(e)(vi).
- Killings in 'false positive' cases may amount to a war crime under the Rome Statute if committed after 1 November 2009. An example is when on 15 August 2010, members of the Colombian Army (Mobile Brigade 23) charged on suspected civilians and allegedly murdered a young man in the municipality of El Tarra, Norte de Santander. Reportedly, Mobile Brigade 23 shot the victim and planted weapons next to him after his death was confirmed and he was reported as an insurgent. Mobile Brigade 23 reported the incident as a death in combat (CINEP, Informe—Falsos Positivos, 2009). In July 2016, one still expects the ICC's OTP to finalise just one case file among the dozens opened on the leaders of government of Colombia who indeed are signatories to the court. With Africa continuously topping the chart, critiques wonder if in fact the ICC is therefore not bias against the continent, with 9 countries under prosecution the court's 14 years of existence.

- **War Crimes committed by Non-State actors**

On their part, non-governmental sources estimate that approximately 6,040 civilians have been killed in the context of the armed conflict from 2003 until 2009 (CERAC, 2012). Besides, the Government of Colombia's Presidential Human Rights Programme has documented for decades the number of civilians killed over the period 2003-2010 amounts to 3,166, including killings of

¹ ICC Situations under investigations, 2002-2016.

² Statute of the ICC, 2009: 19.

³ ICC Situations under investigations, 2002-2016.

indigenous persons, trade unionists, teachers, local authorities and civilians killed in massacres.¹ A large number of murders related to the armed conflict have allegedly been committed against specific groups within the civilian population, including members of indigenous and Afro-Colombian communities. Between 2002 and 2010, at least 1,120 persons belonging to indigenous communities were allegedly killed while thousands were reportedly made victims of forced displacement as a result of the armed conflict. There are also credible allegations that trade unionists and members of local authorities have been the target of conflict-related killings based on actual or perceived political affiliation. According to official figures from the Colombian Government, at least 423 such persons were killed between 2003 and 2010.²

There is a reasonable basis to believe that each of the non-State actors under the analysis, the FARC, ELN and paramilitaries, have committed crimes against humanity. The rebel groups; FARC, and to a lesser extent the ELN, developed and focused their military operations on gaining control and exercising power over parts of Colombian territory which they could expropriate for political and financial gain.³ They both launched widespread and systematic attacks against the civilian population with the aim of expropriation of land and subsequently gaining political, economic and social control over the targeted territory.

- The FARC, the ELN and para-militaries have been held responsible for the commission of various forms of sexual violence, including: rape; torture and sexual mutilation; forced prostitution and sexual slavery; and other forms of sexual violence.⁴

- Amnesty International identified the following motives behind the commission of sexual violence by armed groups: to sow terror within communities to ease military control; to force people to flee to facilitate acquisition of territory; to wreak revenge on adversaries; to accumulate trophies of war; to exploit victims as sexual slaves; to injure the “enemy’s honour”.⁵ The First Survey on the Prevalence of sexual Violence against women in the context of the Colombian Armed Conflict 2001-2009, victims of some types of sexual violence were assaulted and victimised by the use of a weapon to threaten them, including knives and fire arms.⁶ In addition, the FARC and the ELN are responsible for the largest number of hostage-takings, constituting severe deprivation of liberty, for the purposes of economic extortion and political pressure.⁷

Where is then the ICC in all of these? What is taking it so long, or is the court basically focused and busy with African States only? These questions are yet to be answered to give the ICC credibility and justice in its day-to-day jurisdiction.

PART III: MEASURES TAKEN BY THE AU, THE AFRICAN COURTS AND AFRICAN TRADITIONAL SYSTEMS TO SOLVE PROBLEMS OF CONFLICT IN AFRICA

Perhaps the most disturbing flaw of the ICC is its insensitivity towards understanding Africa’s Traditional Political and Social Life-style. The Court has failed to realise that its influence on the African continent becomes redundant without consultation with local judicial system and authority. Such action completely puts the Court in a disadvantage position wherein, its prosecutors and investigators on the ground are challenged because evidence of cases are either hidden from them or tempered by parties for or against the ICC. Secondly, the safety and security of these prosecutors and investigators is compromised due to the fact that areas of their investigation are undergoing conflict and the individuals targeted for prosecution by the Court are often at large.

¹ Internacional Humanitario, Reports, 2003.

² Amnesty International, 2008.

³ International Crisis Group, 2012.

⁴ “UNSG Conflict-Related Sexual Violence Report, 2012, pg. 5.

⁵ Amnesty International, Scarred Bodies Report, 2005: 3-7.

⁶ OXFAM, Survey on Sexual Violence, Executive Summary, 2008: 27.

⁷ UN OHCHR Annual Report, 2005, pg27.

The Kenyan writer and a political analyst, Nyabola¹ raises the question; if an African court cannot replace the ICC in Africa. He strongly iterates that member states of the ICC have different views as well as vast ideas when handling issues of 'international justice'. He argues that it is difficult to set a goal for the Court when all member states have a different viewpoint of what type of situation the Court ought to tackle. She goes ahead to posit that various African supreme or high courts in smaller states, whose judiciaries are confirmed by confidence of their citizens, are ready to implement a universal jurisdiction permitting them to try continental perpetrators of grievous violations from a different country on the continent. In response to the perceived anti-African bias of the ICC, debates have emerged surrounding the potential for an African Court of Justice to find African solutions to African problems.²

Moreover, as the ICC cannot prosecute crimes prior to its establishment in 2002, the trial of former Chadian dictator, Hissene Habre, raised the possibility of an African trial of an international character. The case of Habre, accused of gross human rights abuses, is the first universal jurisdiction trial (national trial of an international crime) to take place in Africa (Senegal), and sentenced the accused to life imprisonment in 2016. This inevitably serves as a test-case for Africa and the AU's capability to perhaps withdraw from the ICC and establish its own continental court of justice.³ This judgment means Africa is ready enough to deal with the situation itself without the need of any 'foreign legal' intervention from western countries and this solution is the way to go for all African states as it is backed by the AU.⁴

Meanwhile in Rwanda, a justice and reconciliation system was set up to try accused of the crime of genocide that took place in 1994 resulting in the loss of lives of more than one million Rwandans and a separate two-hundred and fifty thousand women and girls raped. According to the UN sources and the Outreach Programme on the Rwandan Genocide, 2012, more than one hundred and twenty thousand accused were tried for their various roles in inciting the genocide in the country. They ranked from the most senior government official to the common criminal. The prime minister, Jean Kambanda was convicted to life in prison for orchestrating the genocide and crimes against humanity against the Tutsi minority group, the ex-mayor, Jean-Paul Akayesu was charged with nine counts of genocide and human crimes.⁵ The ICTR prosecuted individuals bearing heavy responsibility for the genocide as well as severe violations under the international humanitarian law committed in the country between January 1 to December 31, 1994.⁶ The ICTR's first trial held in January 1997 and by December, 2011, it had prosecuted 92 cases, with Appeals completed in 2014 including cases of 9 accused who were at large. Rwanda as well set up different courts that tried cases like the National Court System that tried almost ten-thousand cases by June 2006, the Gacaca Traditional Community court system; a series of local courts that tried cases at the local level, convicted accused, levied minor punishment of community service upon the show of remorse and reconciled the accused with the community they offended. From January 2005 to May 2012, around 12.000 community court systems tried more than 1.2 million cases across Rwanda.⁷

Lastly, The Rwandan government established the Tribunal to try 'Media Case' and prosecute journalists and politicians who used the media to incite the genocide and crimes against humanity, particularly the referrals of Tutsis as 'cockroaches' to be terminated, the Unity and Reconciliation Commission that was aimed at reconstructing the national image, balance justice, reignite peace, promote truth and restored security to the state. These commission included programmes like Ingando – 1999 (promotion of patriotism and anti-genocide ideology); the Itorero ry'Igihugu – 2007 (promote national values and build new leaders); Seminars – 1999 (training of leaders across the

¹ Nanjala, Nyabola 'Does the ICC have an Africa problem?', 2012, pg. 19-21.

² Ibid, 2012, pg. 22

³ The South African History Online, 2015.

⁴ AU Commission, 2016.

⁵ ICC Verdicts: Rwanda Charges, 2012.

⁶ United Nations Security Council (UNSC) Online information, 2012.

⁷ United Nations ((UN Achieves), 2012.

board); National Summits-2000 (Nationalism revivals); and Research – 1999 (encourage studies on the causes of genocide, prevention mechanism and greater national unity).¹

PART IV: CONCLUSION AND RECOMMENDATIONS

The popular anti-ICC position held by Africans scholars, political elites and the AU alike can be considered reasonable as well as sensibly defended. Together, they have proven that the Court is not beyond reproach neither should her actions go without checks and finger pointing. As Mamdani and others Pan-African scholars have noted, the legitimacy of the ICC not only lacks the teeth to enforce its warrants but compromises its legitimacy by avoiding to tackle Western powerful states who are in the ambits of international crimes and crimes against humanity.² By so doing, the Court losses confidence in its members, bruises her ability to validate compliance, unfortunately, to the majority poor African states who as one body ratified the Rome Statute with total guarantee of transparency and equality in the Court's work. The ICC in 2017 also shot itself in the foot by openly declaring that it had ran out of budget and manpower to conclude investigations in Ivory Coast.³ The Court again pleaded guilty of the shortcoming in her public relations and exigencies leaving her vulnerable to manipulation from developed nations and superpowers who filled this vacuum and therefore tweaked the Court's initial agenda to their own advantage; immunity to citizens and country.

This article has established that the states in Africa were instrumental in the Court's formation, as well as has underlined the strong advocacy of some states towards allegiance to the ICC, by the different referrals brought forward by governments in Africa. The article also brings to lime light the important role played by the ICC to bring to book perpetrators of war and human crimes in Africa like Liberia's Charles Taylor. Its role as a conflict resolution and peacebuilding body in African and elsewhere cannot be underestimated. Despite these attributes, the article finds the ICC guilty of gross bias on Africa on many counts. Besides being politicised, the United States, Russia and China have vehemently refused to join as well as support the Court and have gone a mile further to lobby against the ratification of the Rome Statute, that was initiated in the heart of Europe, in the West. More vexing is the fact that the Court's status as an 'International Criminal Court' hangs in the balance as it has been reduced to an 'African Criminal Court' with almost all of its cases from Africa. It is therefore not a premature standpoint for a clarion call for an immediate exit from the Court by the African states who are members. After all, it is bias, and if the world's greatest state, the USA stands against the ICC, while will any right thinking nation want to join or remain in the Court? The likes of Venezuela and the Philippines left, or are leaving the Court, so did Burundi and South Africa.

Therefore, if the ICC intends to retain any pride left, and to still boast of any African members in the Rome Statute by the end of the 21st century, the Court should invest in building workable mechanism in Africa to address important desecrations of international humanitarian law. The ICC should embark on the creation, restructuring, equipping and empowering independent continental judicial systems that will execute the prosecution of offenders of war and human atrocities, wherein the Court takes its original place as observer and protector and only comes in as last resort – as intended in the Rome Statute. The role of the ICC should be seen as care-takers who attune the regional and continental courts to their aboriginal sensibilities and pass justice as per the crimes committed in a manner consistent with the people's conception of justice. Until such a time, the ICC will perhaps remain a neo-colonial project in the eyes of Africa, hence, the anti-ICC campaigns and struggles to engineer to massive exits of African countries from the Rome Statute will continue. This will not be seen as "an elite conspiracy to escape being held accountable for human right violations" as described by Cannon, Pkalya and Maragia⁴ but simply as the ICC being basically, openly and blatantly bias towards Africa. Otherwise, if anything, Africa will go ahead and open its

¹ Ibid.

² Kantai, The International Criminal Court and Africa. Journal of International Criminal Justice 2016: 5

³ ICC Conversations, Foreign Affairs, 2017.

⁴ Cannon, Pkalya and Maragia, The International Criminal Court and Africa: Contextualizing the Anti-ICC Narrative African Journal of International Criminal Justice 2(1-2), 2016 (2017: 28)

own international court to try European and American perpetrators against genocide, war crimes and crimes against humanity as suggested by Robert Mugabe¹ in 2015.

THE QUESTION OF PARTICIPATORY DEMOCRACY PRINCIPLE AND ENVIRONMENTAL LAW IN AFRICA

*Diomande Hyacinthe Dro*²

Effective environmental protection requires rational self-management of natural resources by people. In this area, they are not satisfied with representative democracy, according to which citizens delegate their powers at regular intervals to governments for a more or less long term. They require a form of participation that is similar to direct democracy, in which grass-roots communities are called upon to decide on environmental policy choices concerning their areas of residence.

The close link between democratization and environmental protection is now evident in Africa through the number growing of political parties of and associations concerned with environmental protection, even though their activities in this field are few.³ In addition to national or transnational environmental NGOs, there has been the emergence of “Green Parties” in several African countries since the emergence of a multiparty system, particularly in the French-speaking States.⁴ Ecological democracy is therefore being built at all levels where environmental standards and decisions are made. In this case, it takes the form of the active participation of actors (I) – national parliaments (which are showing a growing interest in this subject), individuals and groups concerned or interested – in the elaboration of legal instruments for Environmental protection (II). It is one of the new principles established by the Rio Declaration. This means that women, youth, indigenous people and communities and other local communities must now be involved in environmental protection efforts. The Declaration on forests is in the same vein, and Agenda 21 (sections 24-32) includes trade unions, farmers and scientists. Similarly, the Programme stresses the need to recognize and strengthen the role of indigenous peoples and communities, and of NGOs as partners for sustainable development, as well as the initiatives of local communities. According to Agenda 21, the achievement of sustainable development is the responsibility of “all levels of society” and must involve as many social actors as possible. Chapter 27 entitled “strengthening the role of NGO partners for sustainable development is very explicit in this regard as to the responsibility for the future of the UN and States :” The United Nations system, including international financing institutions and development will be required, in link with NGOS, take measures to explore ways to strengthen the procedures and mechanisms by which NGOS contribute to policy design, decision-making, at execution [...] create mechanisms and procedures within each agency to draw on the knowledge and perspectives of NGOs [...] develop flexible and effective ways for NGOs to participate in the process of assessing the implementation of Agenda 21 “. Concerning Governments, they should take steps to involve NGOs in the national procedures for implementing the “Agenda” (chapter 27, paragraph 27). Of the two conventions adopted in Rio, on Climate Change and on Biological Diversity, it is the latter that integrates sub-state actors in its conservation Strategy. Thus, in its preamble, it recognizes the close and traditional dependence of “a large number of local communities and indigenous peoples” on the biological resources “ on which their traditions are based . The preamble insist also on “the vital role of women

¹ Robert Gabriel Mugabe is a Zimbabwean revolutionary and politician who served as Prime Minister of Zimbabwe from 1980 to 1987 and then as President from 1987 to 2017.

² *Diomande Hyacinthe Dro* – Researcher in Public Law, Université Jean Lorougnon Guédé, Cote d’Ivoire. Member of the International Union for conservation of nature.

³ Gaudin, Jean-Pierre. *La démocratie participative*, Armand Colin, Paris, 2007

⁴ Souza, Herbert de. *Ecology and Democracy. Two approaches that question development*. In: *Aftermath of the Earth Summit. Responsible Global Action for the 21st Century. Comments and Documents*, SEF, 1993, p. 60.

in the conservation and sustainable use of biological diversity” and confirms “the need to ensure their full participation at all levels in policy decisions concerning the conservation of biological diversity and their implementation”. The importance of the participation of the various categories is well known. Indeed, Women’s participation in the management of national and international ecosystems and in combating environmental degradation is essential, especially in Africa, where women play an active role in rural areas.

Today, the goal is to implement the Nairobi forward-looking strategies for the advancement of women, with a focus on women’s political participation, environmental management and the development and implementation of sustainable development programmes. Young people, by virtue of their numbers and their enthusiasm for environmental protection, can be particularly effective in promoting the defense of the environment with a view to development in harmony with nature. Their environmental education and participation in decision-making should therefore be promoted, inter alia, through their organizations. According to principle 22 of the Rio Declaration, indigenous peoples and the various structures and communities at the grass-roots level have a better understanding of “the environment” and “traditional practices”, and the recognition of “their identity, culture and interests” is therefore a prerequisite for their active participation in sustainable development. The participation and cooperation of local authorities is an important factor in the success of a sustainable development policy because of their proximity to the grass-roots level, their essential role “at the administrative level closest to the population”, in “education, mobilization and consideration of public views in favor of sustainable development” (Agenda 21).¹

Concerning Farmers, they must be closely involved in the design and implementation of rural conservation projects. In Africa in particular, they should be encouraged to apply customary law as well as traditional conservation practices and techniques that have proven effective in protecting the environment. In this respect, they need to have as much information as possible on the chemical inputs (fertilizers and pesticides) that they are increasingly using today to improve their agricultural yields. As for the scientific community, it should avoid the easy refuge of a blinding scientificism (e.g. the Heidelberg appeal of June 1992) which advocates *laissez-faire* under the pretext of insufficient scientific knowledge. Experts in the natural sciences must move beyond the frontiers of ignorance of the elements of our environment in order to help the authorities empowered to enact rules to legislate in a better informed manner. The participatory democracy that has been called for and which is now beginning to be implemented must take place at the local, national, regional and international levels, as the so-called Brundtland Report already called for and as suggested in the draft citizens ‘Action plan for the 1990s, item 21 of which states inter alia: “ NGOs must have the right and must commit themselves to participate in the development, monitoring and verification of international law at the local, national, regional and international levels “. The contribution of each category of social actors varies according to these levels of participation; it appears to be increasingly significant, and has significantly influenced the evolution of international law in recent years. NGOs participatory democracy in environmental matters only really began to manifest itself with the emergence of well-structured and fairly powerful international NGOs such as Friends of the Earth, Greenpeace, WWF, IUCN... putting pressure on international organizations and States. The participation of NGOs in international decision-making and the development of international environmental law has increased with the preparation of the United Nations Conference on Environment and Development. A large number of accredited NGOs were able to influence the course of the negotiations during the preparatory phase and put pressure on state delegates until the final phase of the discussions at the Rio Summit. The participation of NGOs and other social actors in the dynamics of environmental law and protection is manifested in various ways, at both the international and the domestic level : participation through the state of the environment alert. For example, the regulation of transboundary movements of hazardous wastes has been implemented in Africa and Europe, both domestically and internationally, mainly as a result of the warning issued by NGOs and other associations defending

¹ Environnement Sans Frontière: « Universal Declaration of the Right of Human Kind to a Safe healthy Environnement » (Point «IV Principle of recongnition of the action of Non-Gouvernmental Organizations») .

the nature and quality of life. It was the denunciation by Northern NGOs of illegal traffic in hazardous waste between certain Western countries and some African countries which triggered the process of drawing up the 1989 Basel Convention and the 1991 Bamako Convention, both of which relate to the transboundary movement of hazardous waste. It was also the denunciation by a number of African States in 1989 of prohibitive and harshly repressive national legislation in this field and which the national parliaments simply adopt.

The legal expertise provided by certain non-governmental institutions such as WWF and IUCN¹, for example, is well known for its role in drafting the 1968 Algiers Convention on the conservation of nature and Natural Resources and the 1982 Nature Charter, to name but a few. Participation by proposing new standards or alternative solutions through declarations and recommendations but they certainly contribute to the fermentation of ideas that underlie progress in international environmental law, and in some cases they inspire national environmental policies.

In definitive, today the question of Participation principle² in Africa is real and interesting. So for the development of national legal instruments and other environmental management tools is particularly important to involve NGOs and grass-roots communities in the preparation of national environmental management plans. This opening is a follow-up to the Rio Conference, and all the African countries that started their environmental action plans after the Earth Summit are trying to involve NGOs and people from the different regions of the country in their preparation and that is quietly necessary.

РОЛЬ ДЕТСКОГО ФОНДА ООН В ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Смирных С.Е.³

Исследование вопросов роли Детского фонда ООН в защите прав детей в цифровом мире представляется целесообразным начать с рассмотрения некоторых теоретических вопросов защиты прав детей.

Так, следует иметь в виду, что ежедневно множество детей во всем мире подвергаются опасностям, которые препятствуют их росту и развитию, неисчислимым страданиям, будучи жертвами войны и насилия, расовой дискриминации, апартеида, агрессии, иностранной оккупации и т.д. Миллионы детей страдают от бедствий нищеты и экономического кризиса: от голода и отсутствия домов, от эпидемий и неграмотности, от загрязнения окружающей среды⁴.

Детям должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы им развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем в условиях свободы и достоинства⁵.

В современном глобализирующемся мире вопросы международных стандартов защиты прав детей приобретают все большую актуальность. Глобализация представляет собой

¹ Livre blanc des ONG françaises: *Pour l'environnement et le développement. Construire la démocratie internationale*, CEDI (1992).

² Felli, Romain. *Développement durable et participation: la démocratie introuvable*, Revue Belge, 2005.

³ *Сергей Евгеньевич Смирных* – кандидат юридических наук, Ученый секретарь Российской Ассоциации международного права.

⁴ См.: Смирных С.Е. *Международные и национальные аспекты правового положения детей* // Евразийская адвокатура. 2018. № 1. С. 53.

⁵ См.: Смирных С.Е. *Международные стандарты прав детей в меняющемся миропорядке* // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10. С. 275.

объективную реальность, обусловленную замкнутостью планеты, формированием мирового хозяйства, глобальными коммуникациями и т.д.¹

Приступая к исследованию роли Детского фонда ООН в защите прав детей в цифровом мире необходимо отметить, что в условиях стремительно глобализирующегося мира права человека призваны служить построению конструктивного диалога между странами и народами мира, развитию идей мирного сосуществования и сотрудничества государств².

Вопросы прав личности в международном праве рассматривались еще в XIX веке не только в общих курсах по международному праву, но и в специальных исследованиях проблем правового положения личности в области международных отношений³.

В связи с этим можно отметить, что права детей как вид прав человека также должны способствовать конструктивному диалогу между странами и народами мира.

Всеобщее уважение и соблюдение прав человека в современном мире входит в число наиболее важных черт, необходимость решения которых стоит перед мировым сообществом. Защита прав детей также имеет существенное значения для дальнейшего развития международного права⁴.

Необходимо отметить, что первоначально международно-правовое регулирование защиты прав детей возникло в рамках Лиги Наций, а затем шло параллельно с общей регламентацией прав человека под эгидой Организации Объединенных Наций⁵.

Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) представляет собой неправительственную организацию, содействующую органам государственной власти в разработке механизмов защиты прав детей на получение медицинской помощи, образования и социального развития⁶.

Следует отметить, что ЮНИСЕФ осуществляет свою деятельность при участии и в интересах уязвимых детей и подростков в 21 стране. Цель ЮНИСЕФ заключается в том, чтобы добиться того, чтобы все в регионе, как один, работали от имени наиболее уязвимых детей.

При надлежащем использовании и наличии всеобщего доступа цифровые технологии способны радикально изменить «правила игры» для детей, которые не охвачены этими технологиями, – будь то по причине нищеты, расовой принадлежности, этнического происхождения, пола, инвалидности, перемещения или географической изоляции⁷.

Весьма вероятно, что доступ к цифровым технологиям не будет расширен, они могут создать новые барьеры, которые помешают детям реализовать свой потенциал. Если в настоящее время не принять меры, позволяющие идти в ногу с быстрыми изменениями, онлайн-риски могут повысить уязвимость незащищенных детей перед эксплуатацией, злоупотреблениями и даже торговлей людьми.

Преобразование данных в цифровую форму уже изменило мир. Стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий представляет собой существенную силу, которая затрагивает практически все сферы современной жизни.

В современном мире дети погружаются в непрерывный поток цифровой коммуникации и связи, начиная с организации оказания и предоставления необходимой им медицинской помощи и заканчивая размещением в сети фотографий.

¹ См.: Смирных С.Е. Международные стандарты прав детей в условиях глобализации // Вопросы ювенальной юстиции. 2018. № 3. С. 26.

² См.: Мустафаева Н.И. К 70-летию Всеобщей декларации прав человека // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 42.

³ Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право (до XX в.). Юридическое издательство Министерства юстиции СССР М., 1947. С. 148.

⁴ См.: Ибрагим Ахмед Хадж Юсеф Абдалла. Международные и национальные механизмы защиты прав человека на Ближнем Востоке. Автореф. дисс.... канд.юрид. наук. М., 1999. С. 3.

⁵ См.: Титова Т.А. Конвенция о правах ребенка в системе общей регламентации прав человека. Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 3.

⁶ См.: Бадалянц Ю.С. Ребенок в российском обществе: историко-правовое исследование: монография / под науч. ред. Н.И. Полищука. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 96.

⁷ <https://www.unicef.org/esa/ru/Отчеты/доклад-«положение-детей-в-мире-2017-год-дети-в-цифровом-мире»> (дата обращения 13.11.2018).

По мере роста детей потенциал перехода на цифровые технологии, формирующий их жизненный опыт, тоже увеличивается, предоставляя им значительные возможности учиться и общаться, добиваться признания и быть услышанными.

Посредством расширения доступа к обучению, а также предоставления других преимуществ, которые смогут помочь детям реализовать свой потенциал, цифровые технологии и инновации могут открыть дверь в лучшее будущее в первую очередь для детей из отдаленных районов или детей, развитию которых мешают бедность, изоляция.

При этом многие дети лишены доступа к информационным ресурсам либо такой доступ предоставляется с перерывами или имеет низкое качество; в большинстве случаев речь идет о детях, которые относятся к категории самых обездоленных. Данная ситуация только усугубляет их положение, по сути, лишая их навыков и знаний, которые могут помочь детям реализовать свой потенциал и разорвать цикл обездоленности и бедности, передающихся из поколения в поколение.

Однако цифровые технологии имеют не только положительные, но и отрицательные стороны. Так, они могут создать значительные риски для безопасности, неприкосновенности частной жизни и благополучия детей, усиливая угрозы и вредное воздействие, которым многие дети уже подвергаются в реальной жизни.

Облегчив детям установление контактов и обмен опытом в интернете, информационные технологии упростили использование этих новых каналов связи и коммуникации для издевательств в интернете, которые предполагают гораздо более широкий охват и, следовательно, больший риск, нежели издевательства за пределами сети.

Расширение доступа детей к множеству полезных и занимательных материалов, интернет и цифровые технологии заставили обратить внимание на проблемы формирования у детей цифровой и «экранной» зависимости. Такие технологии значительно увеличили возможности для свободного выражения идей, одновременно с этим расширив распространение агрессивных высказываний и другого негативного контента.

Единая позиция в отношении некоторых последствий перехода на цифровые технологии для благополучия детей еще не выработана.

По мере перехода на цифровые технологии и использования связанных с этим многочисленных возможностей в коммерческих и иных целях указанные проблемы будут только усиливаться. Дети смогут пользоваться многими цифровыми устройствами, онлайн-платформами и приложениями.

Важность информации в современном мире подтверждается тем, что доступ к информационным технологиям в современном мире стал новой разделительной чертой. Например, дети, для которых доступ к таким технологиям ограничивается небольшим перечнем услуг с помощью устройств низкого качества в условиях медленного подключения, не могут ознакомиться со всеми имеющимися материалами и лишаются возможностей, которыми пользуются их сверстники с более скоростным подключением.

Следует отметить, что дети из разных стран мира используют возможности, которые предоставляет интернет, для учебы и развлечений и для определения своего пути во взрослую жизнь.

Эти возможности следует рассматривать одновременно с фактом их отсутствия у миллионов детей, с рисками, связанными с «жизнью» в сети, и с потенциальным воздействием возможности подключения к интернету на благополучие детей. Они также весьма интересны с точки зрения общего понимания того, что уже происходит, и представления о том, что может произойти в будущем.

Одним из препятствий на пути реализации прав детей в сфере информационных технологий могут быть цифровые барьеры. Они отражают более широкие социально-экономические различия: между богатыми и бедными, мужчинами и женщинами, городами и сельскими районами, а также между образованным и необразованным населением.

Цифровые барьеры не просто разделяют людей по принципу наличия возможностей подключения к интернету. Они имеют более глубокий смысл, затрагивая вопрос о том, каким образом дети используют информационные технологии. При первом выходе в интернет дети могут оказаться в цифровом пространстве, в котором никак не представлены их язык, культура и проблемы.

В настоящее время дети растут в цифровом мире, основанном на технологиях и информации. В настоящее время дети, не имеющие возможности пользоваться интернетом, лишаются богатых образовательных ресурсов.

Для многих групп детей, таких как дети-инвалиды, наличие возможностей сетевого взаимодействия может означать разницу между социальной изоляцией и равными возможностями.

Когда дети становятся взрослыми и выходят на рынок труда, наличие подключения к интернету будет в еще большей степени определять разницу между способностью заработать себе на жизнь или ее отсутствием. Лица, имеющие доступ к цифровым технологиям и навыки их оптимального использования, будут иметь преимущество перед теми, кто не пользуется интернетом и не обладает соответствующими навыками.

Следует иметь в виду, что столкнуться с вредным воздействием в результате применения интернет-технологий может каждый ребенок. Однако для большинства детей такая возможность остается просто возможностью. Понимание того, почему для одних детей риск превращается в фактическое причинение вреда, а другим детям удастся этого избежать, имеет ключевое значение.

Следует иметь в виду, что в то время как дети пользуются развлекательными, информационными или социальными сетями с помощью подключенных устройств, эти устройства также собирают информацию о них.

Одна из тенденций современного мира заключается в том, что цифровые технологии будут все больше влиять на положение детей. Они уже составляют значительный процент мировых пользователей сети, и в ближайшие годы он будет только увеличиваться благодаря дальнейшему проникновению интернета в регионы с наиболее быстро растущей долей детей и молодежи. Количество доступных им цифровых устройств и онлайн-платформ также будет увеличиваться. Информационные технологии будут и в будущем оказывать существенное влияние на жизнь детей, в то время как новые технологии, такие как «интернет вещей» и искусственный интеллект, будут содействовать преобразованию цифрового пространства в глобальном масштабе.

Для обездоленных детей выше вероятность лишения преимуществ, связанных с интернетом и возможностями сетевого взаимодействия, и вероятность причинения вреда, обусловленного негативными аспектами технологий. Воздействие цифровых технологий на жизнь детей также определяется другими важными факторами, включая пол, образовательный статус, традиционные нормы, язык и местоположение.

Доступ к информационным технологиям все чаще становится фактором, определяющим равенство возможностей, которыми располагают дети, позволяя им воспользоваться преимуществами доступа к информации, знаниям, возможностям трудоустройства, к участию в жизни общин и общественной работе. При этом дети сталкиваются с целым рядом препятствий, пытаясь получить доступ в интернет и, в случае если им все-таки удастся выйти в сеть, максимально эффективно использовать информационные ресурсы.

Эпоха цифровых технологий повысила существующие и создала новые риски для детей. Жестокое обращение, эксплуатация и торговля детьми в сети распространены в социальных сетях. Более того, дети сталкиваются с целым рядом других рисков, включая запугивание и воздействие не предназначенной для детей информации, которая, может содержаться на порнографических или игровых сайтах.

Большинству детей удастся обойти эти риски, однако для некоторых из них столкновение с ними может привести к катастрофическим последствиям и изменить их жизнь в худшую сторону.

Для защиты детей в цифровом мире необходимо принимать следующие меры: формировать цифровую грамотность; предоставлять детям доступ к проверенным возможностям образования в Интернете; развивать возможности для получения навыков использования информационных технологий в сфере неформального образования; поддерживать развитие цифровых навыков и цифровой грамотности у преподавателей; оказывать поддержку в создании интернет-библиотек и т.д.

Для улучшения правового положения детей необходимо предоставить им доступ к высококачественным интернет – ресурсам по доступной стоимости.

Детей необходимо защищать от причинения вреда в интернете. Следует учитывать, что цифровая эпоха повысила существующие и создала новые риски для детей.

В современном мире, где любые действия могут быть зафиксированы, а контент по щелчку мыши может стать достоянием огромной аудитории, дети сталкиваются с новыми рисками для неприкосновенности их частной жизни, репутации и идентификационной информации.

Так, данные детей, полученные в результате их в социальных сетях, могут быть использованы в целях ненадлежащей рекламы и маркетинга, профилирования и наблюдения.

Более того, игрушки, подключенные к интернету, могут передавать мысли и чувства даже очень маленьких детей производителям игрушек и, возможно, другим взрослым.

Необходимо принимать меры, гарантирующие защиту частной жизни, личной информации и репутации детей. Правительства, компании, школы и многие другие учреждения обрабатывают все больше данных о детях, которые собираются или хранятся в сети. Все стороны должны обеспечить гарантии защиты этих данных в соответствии с международными стандартами и этическими нормами.

В связи с тем, что возраст, в котором дети начинают выходить в интернет, постоянно снижается, школы – и особенно государственные школы – должны включать в учебный план программы обеспечения цифровой грамотности начиная с младших классов.

Следует иметь в виду, что неблагополучные дети, выпавшие из системы формального образования либо никогда не включавшиеся в данную систему, часто являются лицами, которые могут извлечь наибольшую пользу из возможностей дистанционного обучения. При этом предоставление цифрового доступа в центрах профессиональной подготовки может быть их единственным шансом на использование информационных технологий.

Преподавателям следует иметь возможность развивать собственные навыки и знания в целях содействия применению информационных технологий учащимися и оказания им помощи в понимании принципов безопасного использования интернета за пределами учебной аудитории.

Детей необходимо учить, каким образом следует настраивать параметры конфиденциальности в целях защиты их личной информации и сообщать им о том, что размещение подобных сведений в публичном доступе может привести к краже идентификационных данных и анализу данных на предмет выявления скрытых закономерностей.

Детям нужна помощь в понимании того, чем общение в сети, предполагающее отсутствие словесных подсказок и сведений о выражении лица собеседника и наличие возможностей для анонимных действий, отличается от традиционного общения. Социально-эмоциональное обучение и обучение эмпатии может повысить устойчивость детей к негативному воздействию в сети.

Цифровые технологии увлекают не только детей. Родители и другие взрослые должны демонстрировать детям модели ответственного и уважительного использования информационных технологий.

Необходимо иметь в виду, что дети составляют около трети пользователей интернета, однако их особые потребности и права не учитываются надлежащим образом в действующей международной и национальной политике, касающейся интернет-технологий. Политика в области кибербезопасности, искусственного интеллекта и машинного обучения, сетевого нейтралитета и открытости интернета ориентирована прежде всего и главным образом на

взрослого пользователя. Что же касается более широкой национальной политики по вопросам прав и благополучия, здоровья и образования детей, то в этой области еще предстоит добиться общего понимания потенциала цифровых технологий для оказания содействия в достижении целей в отдельных сферах.

В заключение следует отметить, что многие вопросы роли Детского фонда ООН в защите прав детей в цифровом мире остаются не в полной мере изученными и требуют дальнейших исследований.

РОЛЬ ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Васякина Е.В.¹

Международно-правовые документы в области прав и свобод человека стали приниматься только после Второй мировой войны. Первым таким документом стала принятая 111 сессией Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщая декларация прав человека (далее – Декларация). Всеобщая декларация прав человека состоит из преамбулы и 30 статей, в которых сформулирован комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод человека.

В качестве одной из гарантий перечисленных прав и свобод человека Декларация указала на то, что каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в этом документе, могут быть полностью осуществлены (ст. 28).

При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ст. 29). Важно отметить, что Декларация 1948 г. указала на наличие у каждого человека обязанностей перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие личности (ст. 29).

Оценивая Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., следует сказать, что она явилась первым развернутым международным документом в области прав человека. Поэтому ее значение велико, несмотря на то, что Декларация не относится к числу основных источников международного права и не является документом обязательной юридической силы. Это документ, принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, и является производным актом рекомендательного характера. Но это единственный источник такого рода, который фактически имеет признанную всеми субъектами международного права юридическую силу, поскольку все права, гарантированные Декларацией, закреплены в основных источниках международного права: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция о политических правах женщин 1953 г., Конвенция о гражданстве замужней женщины 1957 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция о правах ребенка

¹ Елена Владимировна Васякина – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

1989 г. В этих документах продублированы, а также более подробно регламентированы те права и свободы, которые закреплены в Декларации¹.

Международные соглашения, регламентирующие основные права и свободы, ратифицированы большей частью государств мира. Для реализации данных соглашений созданы международные органы, агентства, комитеты, которые содействуют реализации прав и свобод в государствах, принимают и рассматривают обращения лиц, разрабатывают стандарты защиты прав человека². Таким образом, Всеобщая декларация прав человека стала базовым документом, на основе которого в международном праве был запущен механизм обеспечения и защиты права человека.

Все закрепленные права, свободы, гарантии имеют ценность не только тогда, когда они прописаны на бумаге, но и когда получают реализацию на практике³. Вторая половина XX века была ознаменована активным созданием органов международного уголовного правосудия, которые стали не только непосредственно применять нормы международного права, но и привлекать к международной уголовной ответственности физических лиц. Первые международные трибуналы были созданы после Второй мировой войны. Так, на жесточайшие преступления фашизма «державы, победившие во Второй мировой войне, ответили созданием международных уголовных судов»⁴. Разработка и принятие документов о создании первого в мире международного органа уголовного правосудия состоялась на Лондонской конференции, в ходе которой 8 августа 1945 года между правительствами СССР, США, Великобритании и временным правительством Французской Республики было подписано Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси⁵, учредившее Международный военный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. 19 января 1946 года Верховным командующим Союзных войск в Японии была издана Специальная прокламация, учреждающая Международный военный трибунал для Дальнего Востока⁶ для наказания японских преступников.

В отличие от международных трибуналов 1945-1946 гг., созданных для наказания военных преступников, в 1993 году был учрежден международный трибунал для наказания за преступления, совершенные в ходе межэтнических конфликтов. Так, в ходе столкновений в 1992-1993 годах на территории бывшей Югославии погибли более 200 тысяч человек, около 500 тысяч были ранены, многие из них стали неработоспособными инвалидами⁷. Балканский конфликт совершенно оправданно называют одним из самых кровавых после Второй мировой войны⁸. 25 мая 1993 года на основе Резолюции Совета Безопасности ООН⁹ был создан Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершённых на территории бывшей Югославии с 1991 года (далее – МТБЮ).

МТБЮ обеспечил применение норм международного права не только к преступлениям, совершаемым в ходе конфликтов международного, но и немеждународного характера, а также осуществил наказание за серьезные нарушения международного гуманитарного права. Поэто-

¹ Котляр И.И. Права человека: учебное пособие. Минск: Право и экономика, 1996. С. 79.

² К таким институтам можно отнести: Комитет ООН по правам человека, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам ребенка, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, международные судебные органы. См. подробнее: Васякина Е.В. Роль Всеобщей декларации прав человека в развитии международного права // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 37. С. 11-14.

³ Явич Л.С. Об исследованиях механизма действия права // Советское государство и право. 1973. № 8. С. 26.

⁴ Верле Г. Принципы международного уголовного права. М.: ТрансЛит, 2011. С. 4.

⁵ Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 года // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2 / Под ред. К.П.Горшенина, Р.А.Руденко, И.Т. Никитченко. М.: Юридическая литература, 1954. С. 14.

⁶ Специальная прокламация, учреждающей международный военный трибунал для Дальнего Востока. URL: <http://inter-acts.ru/courts/tokyo-court-proclamation> (дата обращения: 28.05.2019 г).

⁷ Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 20.

⁸ Там же.

⁹ Резолюция Совета Безопасности ООН 827 (1993) / S/RES/827(1993).

му представляется важным рассмотреть, были ли реализованы права, закрепленные Декларацией, в ходе деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии.

Прежде всего, необходимо рассмотреть, были ли права и свободы, предусмотренные Декларацией, гарантированы участникам судебного разбирательства в процедурных документах трибунала: в Уставе МТБЮ¹ и в Правилах процедуры и доказывания².

Среди участников судебного разбирательства, в отношении которых должны соблюдаться предоставленные им права (*возможность поведения*) и гарантии (*обязательство*), можно выделить обвиняемых, потерпевших и свидетелей.

А. Права и гарантии в отношении обвиняемых.

Среди статей Всеобщей декларации прав человека, которые устанавливают права и гарантии в отношении обвиняемых, можно назвать:

Статью 9, устанавливающую свободу от произвольного ареста, задержания или изгнания, *статью 10* – «рассмотрение, в случае необходимости, дела каждого человека на основе полного равенства гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом», *статью 11* – «презумпцию невиновности».

Таким образом, положения Всеобщей декларации прав человека предполагают наделение обвиняемого правом на доступ к правосудию и правом на справедливое судебное разбирательство³.

О праве на доступ к правосудию говорит статья 21 Устава МТБЮ, которая закрепляет, что при рассмотрении обвинений против него обвиняемый должен иметь право на справедливое и публичное разбирательство за изъятиями, указанными в ст. 22 Устава, а также что обвиняемый должен считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в соответствии с положениями настоящего Устава. Важным развитием права на доступ к правосудию можно назвать право обвиняемого на обжалование вынесенного приговора, которое предусмотрел Устав МТБЮ.

Однако, в научной литературе до сих пор не утихают споры о том, можно ли характеризовать МТБЮ как орган справедливого судебного разбирательства. Основные доводы главным образом сводятся к тому, что учреждением международных трибуналов Совет Безопасности ООН превысил свои полномочия⁴, а процесс создания таковых является «символическим подтверждением»⁵ приверженности международного сообщества цели наказания военных преступников⁶.

Бескомпромиссно критикует законность создания Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии А.Б. Мезяев, обосновывая отсутствие у Совета Безопасности ООН полномочий на создание подобного органа⁷. А.Б. Мезяев совершенно справедливо указывает на недопустимость подмены договорной основы создания трибуналов. «Создание юридического органа путем подписания международного договора предусматривает учет интересов всех его участников, на государства, чьи интересы в договоре не были учтены, положения договора не распространяются, в то время как резолюции СБ ООН основываются на волеизъявлении только нескольких государств. О том, что создатели трибунала сознательно стремились исключить всеобщее участие в принятии решения, свидетельствует также тот факт, что вопрос не был вынесен на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН – органа, где представ-

¹ Устав Международного трибунала по бывшей Югославии от 25 мая 1993 года (Res. 827 (1993)) // URL: <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 27.05.2019 г.).

² Правила процедуры и доказывания Международного трибунала по бывшей Югославии (приняты 11 февраля 1994 года) // URL: <http://www.icty.org/sid/136> (дата обращения: 27.05.2019 г.).

³ Nerina Cevra and Jane Hunter. Action on Armed Violence. December 2013. P. 58.

⁴ Cassese A. International criminal law. Oxford. 2008. P. 324-325.

⁵ Franck Thomas M. Fairness in international law and institutions. 34 (1995). P. 35-36.

⁶ Bingham Laura: Strategy or Process – Closing the International Criminal Tribunal. 2006. P. 691.

⁷ См. подробнее: Мезяев А.Б. Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты. Российский юридический журнал. 2007. № 2. С. 46-49.

лены все государства-члены»¹. Неопровержимых объяснений «законности» создания МТБЮ не представил ни сам трибунал, ни Апелляционная палата².

Справедливое судебное разбирательство достигается благодаря предоставлению судебных гарантий или же гарантий защиты прав человека от неправомерных действий соответствующих должностных лиц.

Так, ст. 21 Устава МТБЮ (Права обвиняемого) предусматривает, что все лица должны быть равны перед Международным трибуналом, а также что обвиняемый при рассмотрении любого обвинения, предъявленного ему в соответствии с настоящим Уставом, должен иметь право, как минимум, на следующие гарантии на основе полного равенства:

- а) быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о сущности и основании предъявляемого ему обвинения;
- б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником;
- с) быть судимым без неоправданной задержки;
- д) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или с помощью выбранного им самим защитника;
- е) допрашивать лично или через защитника свидетелей обвинения и добиваться явки свидетелей защиты и их допроса на тех же условиях, какие существуют для свидетелей обвинения;
- ф) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в Международном трибунале, или не говорит на этом языке;
- г) не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

Права обвиняемого уточняются в отдельных правилах Правил процедуры и доказывания, а именно: в Правиле 42 «Права подозреваемых в ходе производства предварительного следствия», Правиле 59 бис «Передача ордеров на арест», Правиле 62 «Первоначальное появление обвиняемого перед судом или судьей», Правиле 63 «Допрос обвиняемого», Правиле 66 «Раскрытие материалов Прокурором» и Правиле 68 «Раскрытие оправдательных и других имеющихся отношение к делу материалов».

Однако, фактически при осуществлении судопроизводства, многие гарантированные обвиняемым Уставом МТБЮ права нарушались. Так, не были должным образом реализованы: право на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом, право на защиту, на равенство сторон, презумпция невиновности и пр³. В частности, нарушения выражались в ограничении объективно достаточного для подготовки стороны защиты времени⁴, в «навязывании» защитника⁵, в предоставлении прав защиты стороне обвинения⁶.

Принимая во внимание указанные нарушения, к реализации МТБЮ прав на доступ к правосудию и на справедливое судебное разбирательство, закрепленных в Декларации, следует относиться критически.

Б. Права потерпевших и свидетелей.

¹ Мезяев А.Б. Право на справедливое рассмотрение дела в современном международном уголовном процессе. Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 4. С. 14-17.

² *Prosecutor v. Tadic*, Decision of Appeals Chamber on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction of 2.10.1995 // ICTY. Judicial Reports. 1994–1995, UN, 1999. P. 355–509.

³ По мнению А.Б. Мезяева, «практически все процессы, проведенные в МТБЮ, характеризуются грубыми нарушениями международного права». См.: Мезяев А.Б., Миревич Д., Баррио П., др. Двойные стандарты в защите прав человека: казус профессора Шешеля. Сборник статей. Сост. Филимонова А.И. / М., Фонд исторической перспективы, 2009.

⁴ См.: *Prosecutor v. Momcilo Krajisnik*, Case № IT 0039 PT, Decision on Motion Challenging Jurisdiction – with Reasons, 22 September 2000.

⁵ См.: *Prosecutor v. Vojislav Seselj*, [Appeals Chamber] Decision on Appeal Against the Trial Chamber's Decision (No.2) on Assignment of Counsel, 8 December 2006.

⁶ *Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Reasons for [the Trial Chamber] Decision on Assignment of Defense Counsel of 22.09.2004.

Во Всеобщей декларации права потерпевших и свидетелей можно рассмотреть в контексте *статьи 7 (общая и для потерпевших и для свидетелей)*, закрепляющей равенство всех людей перед законом и равную защиту, без всякого различия, закона; *в статье 8 (характерна для потерпевших)*, предусматривающей эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения основных прав человека, предоставленных ему конституцией или законом; *в той же статье 10 (для потерпевших)*, которая закрепляет право на рассмотрение дела каждого человека на основе полного равенства гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом; а также *в статье 12 (для потерпевших и свидетелей)*, предусматривающей невмешательство в личную и семейную жизнь каждого; неприкосновенность жилища; тайну корреспонденции; на честь и репутацию (ст. 12).

Эти права также можно разделить на 2 категории: право на доступ к правосудию и право на справедливое судебное разбирательство.

Однако, в Уставе МТБЮ о правах потерпевших упоминается лишь в самой общей форме, и конкретно разделить данные права на обеспечивающие доступ к правосудию или на судебное разбирательство не представляется возможным. В большей степени в Уставе и Правилах процедуры и доказывания МТБЮ закрепляется право на защиту, невмешательство в личную жизнь, на честь и репутацию.

Так, в ст. 22 Устава МТБЮ «Защита потерпевших и свидетелей» содержится положение о том, что «в своих правилах процедуры и доказывания Международный трибунал должен предусмотреть защиту потерпевших и свидетелей. Такие меры защиты должны включать проведение закрытых судебных заседаний и сохранение в тайне информации о личности потерпевшего, но не должны ограничиваться ими».

Конкретные меры защиты потерпевших и свидетелей, а также порядок их применения, устанавливаются Правилами процедуры и доказывания.

Например, в п. «А» Правила 69 «Защита потерпевших и свидетелей» говорится, что в исключительных обстоятельствах Прокурор может обратиться к Судье или Судебной камере с ходатайством издать судебный приказ о неразглашении информации о личности потерпевшего или свидетеля, который может оказаться в опасном положении или подвергаться риску, до тех пор, пока это лицо не будет взято под защиту трибунала.

Детально меры защиты потерпевших и свидетелей излагаются в Правиле 75, которое так и называется «Меры защиты потерпевших и свидетелей». Согласно данному правилу, Судья или Судебная камера могут издавать распоряжения о применении надлежащих мер, касающихся конфиденциальности и защиты потерпевших и свидетелей, при условии, что такие меры совместимы с правами обвиняемого.

В соответствии с п. «В» Правила 75 «Судебная камера может проводить закрытые судебные заседания для того, чтобы определить следует ли издать распоряжение:

1) О применении мер, направленных на предотвращение разглашения информации о личности или местонахождении потерпевшего, или свидетеля, или лиц, связанных или ассоциируемых с потерпевшим, или свидетелем, публике или средствам массовой информации, путем:

а) исключения имен и идентифицирующей информации из документов Трибунала публичного характера;

б) неразглашения публике любых документов, в которых идентифицируется личность потерпевшего;

с) дачи показаний с использованием устройств, изменяющих изображение и голос, или замкнутой телевизионной системы;

д) присвоения псевдонима;

2) О проведении закрытых судебных заседаний в соответствии с Правилем 79;

3) О применении соответствующих мер, способствующих даче показаний могущих подвергаться опасности потерпевших и свидетелей, таких как использование односторонне направленной замкнутой телевизионной системы».

В пунктах «С», «D», «E», «F», «G», «H» и «I» Правила 75 уточняется порядок применения этих мер, включая их отмену, изменение или усиление, в том, числе, и при производстве процессуальных действий по иным, рассматриваемым трибуналом, делам¹.

На практике, такой широкий круг прав и гарантий для свидетелей и потерпевших, вызвал все больше негатива при оценке деятельности МТБЮ. Например, некоторые обвинительные приговоры были вынесены, в том числе, на основе ложных показаний свидетелей², что также заставляет критически относиться к наследию МТБЮ.

Таким образом, можно отметить, что при формальном декларировании прав и свобод, гарантированных Декларацией, в ходе деятельности МТБЮ было довольно много их нарушений.

Довольно интересным является то, что, прямая ссылка на Декларацию 1948 года содержится только в двух решениях МТБЮ:

А) в Постановлении Апелляционной палаты по делу «Обвинитель против Тадича» было разъяснено, что стремительное развитие в международном сообществе принципа уважения прав человека, в частности после принятия в 1948 году Всеобщей декларации прав человека, повлекло изменение в международном праве подхода, ориентированного на государственный суверенитет. «Право сегодня ориентируется на отдельного человека. Поэтому международное право должно обращаться к защите людей даже тогда, когда они страдают от своего государства»³. Представляется верным, что этим объяснением МТБЮ подтвердил экстерриториальное действие международного права, расширил его территориальную юрисдикцию на конфликты немеждународного характера.

Б) В решении по делу «Обвинитель против Купрешикича и других» судебная камера постановила, что опираясь на различные положения ВДПЧ, Пактов, можно выявить набор основных прав человека, принадлежащих каждому, грубое нарушение которых может составлять преступления против человечности. Этим трибунал расширил предметную юрисдикцию и пояснил, что, если какое-то из прав в уставе трибунала прямо не названо, но таковое есть в Декларации и Пактах, нарушение этого права является преступлением⁴. Такая трактовка не представляется оправданной, так как незаконно и безгранично расширяет юрисдикцию трибунала.

Таким образом, рассмотрение основных прав и гарантий, закрепленных в процедурных документах МТБЮ, показывает, что Всеобщая декларация прав человека стала материально-правовой основой деятельности трибунала. И даже при формальном отсутствии ссылок на Декларацию в учредительных документах, можно утверждать, что МТБЮ был создан, в том числе, и для реализации основных принципов этого базового документа. Однако, Всеобщая декларация 1948 года – это не просто документ, закрепляющий основные права и свободы, это основа деятельности международных органов по защите прав человека во всем мире. Всеобщая декларация прав человека – это залог того, что права человека гарантированы государством и международным сообществом, и что мы можем добиваться их признания и защиты как на международном, так и на национальном уровнях. Нарушение основ этого документа в ходе производства в международных органах недопустимо. Все международные органы, которые призваны гарантировать и защищать права человека, не должны допускать только формального соответствия Всеобщей декларации прав человека. Права и свободы, гарантированные каждому ещё в 1948 году, должны исполняться всеми судами, в том числе, международными.

¹ Михайлов Н.Г. Международный трибунал по бывшей Югославии. О самостоятельности, независимости и беспристрастности // Обозреватель-Observer. 2003. № 11 (166). С. 91-100.

² См.: Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые проблемы. Российский ежегодник международного права. 2004. Т. 2005. С. 91; Мезяев А.Б. Судебный процесс против Воислава Шешеля в Международном трибунале по бывшей Югославии. Московский журнал международного права. 2007. № 4. С. 82-109.

³ Сассоли М., Бувье А. Правовая защита во время войны. В 4х т. Т. 4. М., 2009. С. 119.

⁴ Там же. С. 243.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Толстых В.Л.¹

Аннотация: Российская доктрина международного права испытывает серьезный кризис. Одним из его симптомов являются дисбалансы тематической структуры исследований. Отечественные ученые проявляют интерес лишь к определенному кругу вопросов, в который входят вопросы прав человека, соотношения порядков, международного правосудия, европейского, уголовного, экологического и экономического права. Фундаментальные теоретические вопросы, имеющие отношение к истории международного права, государственности, источникам права, международной ответственности, режиму применения силы и др., находятся на периферии научных исследований. То же самое можно сказать о вопросах, имеющих отношение к актуальной внешней политике России. Данные дисбалансы не только отрицательно сказываются на общем уровне доктрины, но и негативно влияют на эффективность защиты национальных интересов. Эта проблема касается не только международного права, но и остальных направлений отечественного правоведения. Ее решение соответственно может быть только общим и состоять в качественном реформировании образовательной и научной среды.

Ключевые слова: международное право, доктрина, юридическая наука, позитивное право

Российская доктрина международного права, как и другие отрасли отечественного правоведения, испытывает серьезный кризис. Наиболее острыми проблемами являются отсутствие собственной идеологической основы, низкий уровень аргументации (неразвитость техник толкования, подчиненность политическим установкам и др.), низкое качество научных текстов, дефицит оригинальных и самостоятельных разработок, стремительная деградация институциональной среды (университетского образования и академической науки) и коммуникативных традиций, отсутствие преемственности между поколениями ученых.² Одним из симптомов кризиса являются дисбалансы тематической структуры, т.е. повышенное внимание к одним вопросам при почти полном игнорировании других. Наиболее серьезным дисбалансом является пренебрежение фундаментальной теорией. Теоретические проблемы редко анализируются в диссертациях и монографиях и очень поверхностно освещаются в общих курсах, как правило, на основе идей, высказанных советской наукой в 70-90-х гг. Последние, в свою очередь, едва ли соответствуют потребностям современной науки.³ Российские ученые, конечно, ведут теоретические споры, однако эти споры ведутся в отрыве, с одной стороны, от фундирующих их философских проблем, а, с другой стороны, от конкретных практических задач и ситуаций. Примерами могут служить дискуссии о правосубъектности индивида, непосредственном действии международного права во внутреннем порядке, возможности ограничения суверенитета государства и др.

Вопросы, относящиеся к государственности (суверенитет, юрисдикция, правопреемство, признание, самоопределение), редко исследуются на серьезном уровне, – из больших исследований можно отметить лишь обзорную работу Н.А. Ушакова о государстве и работу П.П. Кремнева, посвященную правопреемству.⁴ Как результат, здесь очень много схоластики, лже-

¹ Владислав Леонидович Толстых – Ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, Новосибирск, Россия. vlt73@mail.ru

² См.: Толстых В.Л. Очерк современного состояния российской доктрины международного права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 3. С. 50-58.

³ Так, часто цитируемая работа Ю.А. Баскина и Д.И. Фельдмана по истории международного права является весьма лаконичной (205 с.) и не носит проблемного характера (История международного права. М.: МО, 1990), а монография Г.И. Тункина, считающаяся образцом высокой теории, отражает лишь одну, радикальную волюнтаристскую концепцию (Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970).

⁴ Ушаков Н.А. Государство в системе международно-правового регулирования. М.: Институт государства и права, 1997; Кремнев П.И. Распад СССР и правопреемство государств. М.: Юрлитинформ, 2012.

теорий и некомпетентности. Возможно, такое положение вещей представляет собой инерцию принципиального отказа советской доктрины от разрешения спора об отмирании государства, который будоражил умы в первые годы после революции 1917 г. Даже воссоединение Крыма и России, вызвавшее острые дебаты в западной науке, не изменило ситуации: большинство специалистов обошли его молчанием, а работы А.Я. Капустина, В.Л. Толстых и В.А. Томсинова не вызвали серьезного резонанса.¹ Современные работы по истории международного права практически отсутствуют, данный пробел отчасти компенсируется усилиями юристов-историков, прежде всего Л.Л. Кофанова, и отдельных ученых из постсоветских стран.² На Западе, наоборот, наблюдается оживление интереса к истории международного права, не в последнюю очередь вызванное ощущением переживаемого исторического перелома.³ Российская наука уделяет мало внимания территориальным вопросам, – так, в большинстве учебников не излагается теория оккупации, не описывается принцип *uti possidetis juris* и т.д. Такое пренебрежение идет вразрез с национальными интересами, требующими более четкого определения принадлежности Курильских островов, статуса непризнанных государств, режима арктических пространств и др. Вопросами населения в советский период занимались С.В. Черниченко и Ю.Р. Боярс, в настоящее время ими преимущественно занимаются конституционалисты.⁴ Весьма насущные проблемы миграции, двойного гражданства и дипломатической защиты, таким образом, не получают должного освещения со стороны международников. Право внешних сношений излагается в нескольких работах дидактической направленности и в целом находится на периферии исследований, несмотря на многочисленные казусы с участием России, имевшие место в последние годы.⁵

Ситуация, связанная с правом международных организаций, выглядит парадоксально. В 1996 г. во МГИМО и в 1998 г. во МГЮА были открыты кафедры европейского права; их сотрудники перевели официальные тексты и написали ряд монографий и статей.⁶ Многие университеты включили курс европейского права в учебную программу. В результате научная специальность 12.00.10 стала двусоставной (международное право; европейское право). Правовые проблемы постсоветской интеграции, наоборот, почти не исследовались; во многом это было вызвано несовершенством правовой базы СНГ. Ситуация изменилась с началом работы Суда ЕАЭС (2009-2012), который в отличие от Экономического суда СНГ был наделен правом вынесения обязательных решений. Другим фактором стало общее охлаждение отношений с Западом и раздраженная реакция Конституционного суда на активистские решения ЕСПЧ. Кафедры европейского права частично переключились на евразийские исследования, некоторые университеты открыли соответствующие специализации, а несколько авторов начали на системной основе комментировать решения Суда ЕАЭС (А.С. Исполинов, Т.Н. Нешатаева, А.С. Смбатян, В.Л. Толстых). Евразийская тематика стала приоритетной

¹ Kapustin A. Crimea's Self-Determination in the Light of Contemporary International Law // Heidelberg JIL. Vol. 75. 2015. № 1. P. 101–118; Толстых В. Л. Право на самоопределение как юридическое основание воссоединения Крыма с Россией // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5 (102). С. 73–81; Томсинов В. А. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10–27.

² Кофанов Л. Л. Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М.: Статут, 2015; Буткевич О. В. У истоков международного права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2008 (в основном рассматривается международное право Средних веков); Mälksoo L. Russian Approaches to International Law. OUP, 2015.

³ См.: Time, History and International Law / ed. by M. Craven et al. MNP, 2007; Grewe W. G. The Epochs of International Law. Walter de Gruyter, 2000; The Oxford Handbook of the History of International Law / Ed. by B. Fassbender and A. Peters. OUP, 2012.

⁴ См.: Кутафин О. Е. Российское гражданство. М.: Проспект, 2014; Хабриева Т. Ю. Миграционное право России. Теория и практика. М.: Юриспруденция, 2008.

⁵ Блищенко И. П. Дипломатическое право. М.: Высш. шк., 1990; Матвеева Т. Д. Дипломатическое и консульское право. М.: РАГС, 2009; Мещериков В., Павельева Э. и др. Дипломатическое и консульское право. М.: Проспект, 2015; Плотнокова О. В., Дубровина О. Ю. Консульские отношения и консульское право. М.: Норма, 2018.

⁶ Энтин Л. М. и др. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. М.: Норма, 2007; Энтин Л. М. Право Европейского союза: новый этап эволюции: 2009-2017 г. М.: Аксиом, 2009; Право Европейского Союза / под ред. С. Ю. Кашкина. М.: Юрайт, 2010.

для некоторых журналов, большинство статей, однако, содержат голословную апологетику интеграции. Среди общих работ можно отметить коллективные монографии, вышедшие под редакцией С.Ю. Кашкина и Т.Н. Нешатаевой.¹

Данный переход не был резким и не предполагал отказа от наработанных схем, т.к. правовая модель евразийской интеграции в целом следует европейской модели, – например, почти в каждом своем решении Суд ЕАЭС ссылается на решения Суда ЕС. Проведение евразийских исследований, однако, затруднено рядом проблем. Проблемы первой группы связаны с несовершенством нормативной базы ЕАЭС: базовые документы содержат противоречия, пробелы, неточности или просто написаны плохим языком. Неизбежным следствием дефектов первичного права являются дефекты решений Комиссии и Суда ЕАЭС, анализировать которые крайне сложно. Проблемы второй группы вызваны несовершенством институциональной структуры Союза, архитекторы которой, кажется, так и не смогли сформировать целостное видение его природы: является ли он улучшенной версией СНГ или по-настоящему наднациональным образованием. Проблемы третьей группы обусловлены деятельностью Суда ЕАЭС, первый этап которой оказался, скорее, неудачным: Суд часто и не всегда обоснованно выносил активистские решения, в связи с чем в 2013 г. государства лишили его некоторых важных компетенций (прежде всего, преюдициальной).

Общая теория международных организаций представлена трехтомной «Энциклопедией международных организаций», носящей справочный характер, статьями А.Я. Капустина и монографией Т.Н. Нешатаевой, разделяющей позицию Ф. Сейерстеда о самостоятельном характере права международных организаций.² Деятельность ООН освещается в нескольких монографиях политологического содержания, а также в статьях Ю.Н. Малеева (вопросы реформы ООН) и В.А. Карташкина (механизм защиты прав человека).³ Российские юристы редко дают постатейный анализ Устава ООН или комментируют конкретные резолюции Совета Безопасности, в лучшем случае ограничиваясь общими упреками своих западных *vis-à-vis* за отступление от принципов Ялтинско-Потсдамской системы. Они также не проявляют должного внимания к некоторым важным тенденциям (эволюция понятия «угроза международному миру и безопасности», режим *smart* санкций, изменение функций миротворческих операций и др.). Результатом является ограничение круга аргументов, имеющихся в распоряжении российской дипломатии (чрезмерная политизация риторики).

Источники международного права освещаются неравномерно. Волонтаризм предполагает повышенное внимание к праву международных договоров; среди авторов старшего поколения следует отметить А.Н. Талалаева, И.И. Лукашука и О.И. Тиунова⁴; среди молодых авторов – Н.С. Симонову, А.С. Исполинова. Их усилий, однако, недостаточно, – некоторые вопросы, в частности, относящиеся к толкованию договоров, временному применению и юридической силе договоров, нуждаются в более активном обсуждении. Пассивность, проявляемая в этом отношении, является одной из главных причин негативного исхода нескольких судебных процессов с участием России, – прежде всего, процесса по делу ЮКОС.⁵ Обычай, которым в советское время занимались Г.И. Тункин и Г.М. Даниленко, практически исчез

¹ Основы правового регулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве / Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: Норма, 2015; Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

² Энциклопедия международных организаций. В 3 т. Под ред. Л. Н. Галенской, С. А. Малинина. СПб.: СПбГУ, 2003; Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М.: Дело, 1998; *Seyersted F. Common law of international organizations*. Brill, 2008.

³ Заемский В.Ф. Новейшая история реформы ООН. М.: МГИМО, 2008; Заемский В.Ф. Теория и практика миротворческой деятельности ООН. М.: МГИМО, 2008; Арутюнян Д.Г. Генеральный секретарь ООН и международное право. М.: Институт ИТОУР, 2010; ООН в начале XXI века / под ред. А.А. Громыко. М.: Институт Африки, 2008.

⁴ Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров: Комментарий. М., 1997; Талалаев А.Н. Право международных договоров. В 3 т. М.: Зерцало, 2009; Лукашук И.И. Современное право международных договоров. В 2-х т. М.: Волтерс Клувер, 2006.

⁵ В Решениях арбитражного суда по делу “*Hulley* и др. против Россия” от 30 ноября 2009 г. Россия не смогла доказать неприменение Договора к Энергетической хартии 1994 г. Данный вывод был сделан только в Решении Гаагского окружного суда от 20 апреля 2016 г. В обоих случаях значительная часть доводов, в т.ч. относящихся к толкованию российского права, была подготовлена западными юристами.

из поля зрения российских ученых; одно из немногих исключений – обзорная статья А.Н. Вылегжанина и Р.А. Каламкаряна¹. Некоторые российские авторы ошибочно воспринимают обычай как вспомогательный источник международного права, значение которого близко к значению обычая делового оборота в гражданском праве. Ситуация с общими принципами права еще более проблематична: чаще всего они неверно отождествляются с принципами международного права², иногда – с нормами *jus cogens*³. Судебная практика долгое время вызывала глубокое недоверие; в подавляющем большинстве учебников она продолжает игнорироваться. В последние годы, однако, здесь произошли качественные изменения, прежде всего благодаря усилиям А.С. Исполинова, И.В. Рачкова, А.С. Сибатян и авторов, связанных с журналом «Международное правосудие». Исследования мягкого права редко выходят за пределы констатации его существования.⁴ Игнорирование недоговорных источников имеет своим следствием пассивность по отношению к процессам их формирования, неумение использовать соответствующие технологии и в итоге ущемление национальных интересов.⁵

Основой российского подхода к соотношению порядков (международного и внутреннего права) является классический дуализм Г. Трипеля и Д. Анцилотти, дополненный тезисом об автоматической трансформации норм международного права, осуществляемой даже в случае отсылки. Известными российскими дуалистами являются С.В. Черниченко, Л.П. Ануфриева, В.В. Гаврилов, Б.Л. Зимненко и Е.Т. Усенко.⁶ Некоторые авторы, однако, отстаивают постулаты монизма (Г.В. Игнатенко, И.П. Блищенко)⁷, а другие не отождествляют себя ни с одной из школ, предлагая сосредотачиваться на практических аспектах применения международного права.⁸ Иногда позиции в этой области формулируются конституционалистами, недостаточно хорошо разбирающимися в международном праве.⁹ Академический дуализм мало влияет на позицию законодателя. И ст. 15 Конституции, и некоторые другие документы, свидетельствуют, скорее, в пользу монизма; так, Россия является одним из немногих государств, признающих непосредственное действия норм ВТО (т.е. допускающих оспаривание актов,

¹ Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. № 6. С. 78-89.

² Данный подход был обозначен В.М. Корецким: «Если толковать выражение „общие принципы права“ в том смысле, что они дают обобщение принципов внутреннего права, то пришлось бы признать: Международный суд не должен считаться с основными принципами международного права, ибо статья 38 не упоминает – среди возможных источников международного права – иных принципов, кроме „общих принципов права“» («Общие принципы права» в международном праве // Корецкий В. М. Избранные труды: в 2 кн. Киев, 1989. Кн. 2. С. 194–195).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ».

⁴ Среди имеющихся работ по *soft law* можно отметить монографию С.В. Бахина «Субправо» (СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002).

⁵ Можно привести следующий пример. На постсоветском пространстве существуют шесть непризнанных государств, все они в той или иной степени поддерживаются Россией. Их правовой режим носит обычно-правовой характер, при этом есть ряд насущных проблем, связанных с признанием их документов, пересечением их гражданами границ и т.п. Несмотря на остроту ситуации ни власти РФ, ни отдельные ученые не попытались обосновать наличие определенных обычаев в данной сфере и представить проект статей.

⁶ Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк, 2002; Гаврилов В. В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005; Зимненко Б.Л. **Международное право и правовая система РФ. М.: РАП, Статут, 2006;** Усенко Е.Т. Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008; Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М.: МО, 1993.

⁷ Международное право / Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М.: Норма, 2013.

⁸ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе РФ. М.: Норма, 2017.

⁹ Как уже отмечалось, в Постановлении от 10 октября 2003 г. Верховный суд РФ отождествил «общеизвестные принципы и нормы международного права», с *jus cogens*. Таким образом, международные обычаи были фактически исключены из сферы действия ст. 15 (4) Конституции, а, значит, из внутреннего порядка в целом. Другой пример: в Постановлении от 14 июля 2015 г. Конституционный суд заявил о своем праве проверять решения ЕСПЧ на предмет их соответствия ст. 31 Конвенции о праве международных договоров 1969 г. и указал, что в соответствии со ст. 46 Конвенции 1969 г. государство может отказаться от исполнения договора, нарушающего важные конституционные положения.

им не соответствующих, во внутренних судах и Суде ЕАЭС).¹ Конституционный Суд, наоборот, проводит последовательную дуалистическую линию и стремится утвердить приоритет Конституции над договорами и свое право контролировать исполнение решений ЕСПЧ.² Напряжение между тремя уровнями дискурса не способствует прояснению ситуации и эффективности правоприменения.

Несмотря на то, что Россия вовлечена в конфликт в Сирии и в несколько локальных конфликтов на территории бывшего СССР, серьезный анализ режима применения силы и современных тенденций его развития отсутствует. Российские авторы в целом разделяют позицию официальных властей, выступают за последовательное соблюдение Устава ООН и осуждают проявления «гуманитарной интервенции»³. Одновременно они избегают анализа конкретных казусов, в том числе тех, в которые вовлечена Россия (война в Сирии и на востоке Украины). Среди общих работ по данной теме следует упомянуть монографии Н.Л. Ушакова и В.С. Котляра⁴; в последнее время этой проблематикой также занимается И.З. Фархутдинов, опубликовавший несколько статей в «Евразийском юридическом журнале». Вопросы ответственности были подробно рассмотрены И.И. Лукашуком⁵, в настоящее время ими активно занимается Я.С. Кожеуров, их усилий, однако, едва ли достаточно. Некоторые учебники до сих пор содержат устаревшую терминологию, не соответствующую Статьям 2001 г.

Большой прогресс наблюдается в части анализа процедур мирного разрешения споров. Советская доктрина рассматривала этот институт довольно поверхностно и отрицала саму возможность адекватного судебного урегулирования спора между государствами, представляющими различные экономические системы. Российская доктрина отказалась от этой точки зрения и включилась в обсуждение проблем международного правосудия, – как частных, так и общих (прецеденты, пролиферация, особые мнения и др.). Наиболее активными авторами являются Л.П. Ануфриева, Г.М. Вельяминов, А.С. Исполинов, Р.А. Каламкарян, Т.Н. Нешатаева, И.В. Рачков, А.С. Смбатян и В.Л. Толстых.⁶ Некоторые ученые регулярно комментируют судебные решения: А.С. Исполинов, – решения Суда ЕАЭС и Суда ЕС, А.И. Ковлер – решения ЕСПЧ, И.В. Рачков – решения инвестиционных арбитражей, А.С. Смбатян – решения Суда ЕАЭС и решения органов ВТО, В.Л. Толстых – решения МС ООН, ППТС и Суда ЕАЭС. Авторы, рассматривающие практику Суда ЕАЭС, часто обвиняют Суд в предвзятости, активизме, слабой аргументации и т.п. Суд (в лице отдельных судей) возражает против этих упреков, но, с другой стороны, старается учитывать их. Недавняя критика ЕСПЧ со стороны Конституционного суда почти никак не повлияла на общее рациональное отношение к международным судам: в 2016 г. в журналах «Сравнительное конституционное обозрение» и «Международное правосудие» были опубликованы несколько интересных

¹ См.: пар. 151, 163, 186 Доклада Рабочей группы по присоединению РФ к ВТО, а также ст. 1 Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы 2011 г.

² См.: Постановления Конституционного суда: по делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека»; от 14 июля 2015 г.; по делу о возможности исполнения Постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» от 19 апреля 2016 г.; по делу о возможности исполнения Постановления ЕСПЧ по делу «ЮКОС против России» от 19 января 2017 г.

³ Исключением является позиция И.П. Блищенко, высказанная в начале 90-х (Блищенко И.П., Солнцева М.М. Мировая политика и международное право. М., 1991. С. 132).

⁴ Ушаков Н.Л. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях. М.: ИГПАН, 1997; Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Научная книга, 2007.

⁵ Лукашук И.И. *Право международной ответственности*. М.: Волтерс Клувер, 2004.

⁶ Смбатян А.С. Международные торговые споры в ГАТТ/ВТО. М.: Волтерс Клувер, 2006; докторская диссертация «Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка» (М., РУДН, 2013); Абаишидзе А.Х., Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М.: РУДН, 2011; Каламкарян Р.А. *Международный Суд* в миропорядке на основе господства права. М.: Наука, 2012; Институты международного правосудия / под ред. В.Л. Толстых. М.: Международные отношения, 2014; Толстых В.Л. Международные суды и их практика. М.: Международные отношения, 2015; Вельяминов Г.М., Вознесенская Н.Н. и др. Механизм решения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского Союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА и в ГАТТ/ВТО. М.: Международные отношения, 2018.

статей по этому вопросу, излагающих аргументы *pro* и *contra* (авторы – К.В. Арановский, Г.В. Вайпман, С.Д. Князев, Д.В. Красилов, Т.Г. Морщакова).

Российская доктрина уделяет пристальное внимание праву прав человека, гуманитарному праву и уголовному праву и за последние годы отметилась несколькими крупными монографиями и большим количеством диссертаций. Среди авторов стоит отметить А.Х. Абашидзе, Г.И. Богуша, С.А. Егорова, А.Я. Капустина, В.А. Карташкина и В.Н. Русинову.¹ Многие работы содержат хороший позитивный анализ, но лишены серьезной концептуальной и критической составляющей. Исключение составляют труды А.Б. Мезяева, содержащие глубокую критику системы уголовного правосудия², и Г.В. Вайпана, посвященные принципу пропорциональности. Российская доктрина хорошо знакома с практикой ЕСПЧ, которую на регулярной основе комментируют А.И. Ковлер, Д.В. Красилов, М.Т. Тимофеев и др., однако практически не влияет на ее развитие.

В России, имеющей выход сразу в три океана, всегда было развито морское право; сегодня в этой области работают К.А. Бекашев, А.Н. Вылегжанин, А.А. Ковалев, Р.А. Колодкин и др.³ В целом неплохой уровень исследований не сопровождается дипломатическими успехами: Россия не смогла добиться выгодного для себя решения вопроса о границе с Норвегией в Баренцевом море и вопроса о границе с США в Беринговом море и пока не может обосновать свои особые права в Арктике. Справедливости ради следует отметить, что последние судебные решения по морской проблематике выглядят, как минимум, активистскими, а, как максимум, – неправомерными⁴; кроме того, они высвечивают целый ряд пробелов в правовом регулировании и недостаточность Конвенции по морскому праву 1982 г. Здесь, таким образом, имеется огромный потенциал для развития. Воздушным правом занимаются В.Д. Бордунов и Ю.М. Малеев⁵; космическим правом – Г.П. Жуков⁶. Широких дискуссий по данной проблематике не ведется, что во многом связано с высокой степенью ее автономности. Экологическим правом занимаются А.Н. Вылегжанин, Н.А. Соколова, А.М. Солнцев и др.⁷, для кафедр РУДН и МГЮА оно является одним из основных направлений исследования. Работы носят содержательный характер, однако в целом не соответствуют высокому уровню развития данной дисциплины на Западе, где за последние годы вышло множество первоклассных монографий.

После распада СССР Россия, как и другие постсоветские государства, присоединилась к мировой капиталистической системе. Это повлекло за собой заключение новых договоров

¹ Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 2011; Международное гуманитарное право / под ред. А.Я. Капустина. М.: Юрайт, 2011; Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. М.: Статут, 2015; Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. М.: Проспект, 2017; Абашидзе А.Х. *Договорные органы по правам человека*. М.: РУДН, 2012.

² Мезяев А.Б. Права обвиняемого в международном уголовном процессе. Казань: НОУ ВПО «Акад. Упр. «Тисби», 2010; Вайпан Г.В. Концепция пропорциональности в современном международном праве: малое зло ради великого блага // Международное правосудие. 2015. № 2. С. 66-84.

³ Сидорченко В.Ф. Правовое регулирование морских споров. СПб., 2001; Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007; Ковалев А.А. *Современное международное морское право и практика его применения*. М.: Научная книга, 2003; Бекашев Д.К. *Международно-правовые проблемы управления рыболовством*. М.: Проспект, 2017; Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М.: Юридическая литература, 2004.

⁴ См. арбитражные решения по делу *Arctic Sunrise* от 14 августа 2015 г. (Нидерланды и Россия); по делу о Южно-Китайском море от 12 июля 2016 г. (Филиппины и Китай), по территориальному и морскому спору между Хорватией и Словенией от 29 июня 2017 г.

⁵ Бордунов В.Д. *Международное воздушное право*. М.: Научная книга, 2006. В небольшом эссе, опубликованном в 2013 г., В.Д. Бордунов делает вывод о закате российской науки воздушного права после распада СССР и о неопределенности его будущего (*Российская наука воздушного права*, <https://www.aex.ru/docs/2/2013/12/10/1945>); Малеев Ю.Н., Подберезный В.А. *Полет без посадки*. М.: МНИМП, 1996.

⁶ Международное космическое право / под ред. Г.П. Жукова, Ю.М. Колосова. М.: Международные отношения, 1999. Международное космическое право / под ред. А.Х. Абашидзе и Г.П. Жукова. М.: РУДН, 2014.

⁷ Вылегжанин А.Н. *Морские природные ресурсы (международно-правовой режим)*. М.: СОПС, 2001; Соколова Н. А. *Международно-правовые проблемы управления в сфере охраны окружающей среды*. М.: Проспект, 2010; Международное экологическое право / под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2012.

о гарантиях инвестиций и двойном налогообложении, вступление в МВФ и ВТО, создание ЕАЭС и т.п. и, конечно, вызвало значительный интерес к экономическому праву. Сегодня им занимаются несколько известных ученых – Л.П. Ануфриева, Г.М. Вельяминов, А.С. Исполинов, В.А. Канашевский, А.С. Сибатян, Ю.М. Юмашев и др., в работах которых в основном воспроизводятся западные концепции.¹ Также как и в предыдущем случае, уровень исследований здесь – хороший, но явно отстает от уровня западной науки. Ясно, что в ближайшее время это направление будет интенсивно развиваться, в первую очередь за счет молодых кадров, выпускаемых специализированными московскими магистратурами.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о тематике диссертаций. В настоящее время в стране действуют 9 ученых советов по специальности 12.00.10 Международное право; европейское право, из них 8 – в Москве, 1 – в Казани (Казанский государственный университет).² В 2013–2017 гг. по этой специальности было защищено 127 диссертаций³, из них 117 – кандидатских и 10 – докторских⁴. Истории международного права⁵ была посвящена всего 1 диссертация, нормам и источникам международного права – 3, праву международных договоров – 1, соотношению международного и внутреннего права – 4, вопросам государственности, признания и правопреемства – ни одной (!)⁶, вопросам населения – 2, международным организациям – 4, праву ЕС – 19⁷, праву ЕАЭС – 2⁸, праву внешних сношений – 3, вопросам безопасности – 8, ответственности – 4, правам человека – 23, гуманитарному праву – 3, уголовному праву – 25, морскому праву – 13, воздушному праву – 5, космическому праву – 4, экологическому праву – 16, общим вопросам экономического права – 11, праву ВТО – 8, финансовому праву – 3, инвестиционному праву – 3, другим вопросам – 2.⁹ Таким образом, тематика диссертаций отражает общий дисбаланс, присущий российской доктрине: приоритет узких специальных исследований и пренебрежение фундаментальными теоретическими вопросами.

Многие диссертации содержат выводы, которые сложно признать новыми и научными. Речь идет о констатации очевидных фактов, новых определениях старых понятий, введении

¹ Право ВТО: теория и практика / под ред. Л.П. Ануфриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2016; Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. М.: Волтерс Клувер, 2004; Канашевский В.А. Правовой режим офшорных компаний и трастов. М.: Международные отношения, 2015; Сибатян А.С. Толкование и применение правил ВТО. М.: Инфра-М, 2017; Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. М.: Проспект, 2010; Юмашев Ю.М., Постникова Е.В. Экономическое право ЕС. М.: Норма, Инфра-М, 2015.

² См.: <http://vak.ed.gov.ru>

³ В 2013 г. было защищено 23 диссертации; в 2014 г. – 9; в 2015 г. – 30; в 2016 г. – 42; в 2017 г. – 23.

⁴ Мезяев А.Б. Права обвиняемого в современном международном уголовном процессе (вопросы теории и практики) (ИЗИСП); Толочко О.Н. Международное экономическое право и имплементация его норм в национальную правовую систему (на примере республики Беларусь) (СПбГУ); Талимончик В.П. Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации (СПбГУ); Тюрина Н.Е. Публичный интерес в международном торговом праве (Казанский ГУ); Давлетгильдеев Р.Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне (Казанский ГУ); Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека (Дипломатическая академия); Данильян А.А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций (Дипломатическая академия); Боклан Д.С. Взаимодействие международного экологического и международного экономического права (МГИМО университет); Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики (Казанский ГУ); Хаванова И.А. Избежание двойного налогообложения и предотвращение уклонения от налогообложения в условиях взаимодействия национального и международного права (ИЗИСП).

⁵ Некоторые диссертации в данном перечне относятся сразу к двум отраслям, например, диссертация И.К. Никишкина «Правовое регулирование полицейского сотрудничества в Европейском Союзе» – и к уголовному праву, и к праву ЕС.

⁶ В 2018 г. представлена на защиту диссертация С.Р. Алексанян «Принцип равноправия и самоопределения народов в современном международном праве».

⁷ Праву ЕС посвящена почти половина диссертаций, защищенных в МГИМО и МГЮА.

⁸ Диссертации П.П. Мысливского «Международно-правовое регулирование создания Евразийского экономического союза и способа разрешения споров» и Е.К. Нечаевой «Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза)».

⁹ Диссертации В.П. Талимончик «Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации» и Д.И. Видинеева «Прогрессивное развитие института международно-правовой защиты культурных ценностей».

сомнительной терминологии и др. Новизна некоторых диссертаций состоит исключительно в переносе зарубежных теорий на отечественную почву. Вопрос о научной ценности таких диссертаций нуждается в дополнительном обсуждении: с одной стороны, их научный уровень часто превосходит научный уровень работ, основанных на отечественном материале; с другой – они являются адаптациями, а не самостоятельными исследованиями.

Таким образом, по результатам данного обзора можно выделить две группы вопросов. Первые вызывают интерес со стороны российских ученых, освещаются в статьях и монографиях, обсуждаются на конференциях и т.д. К ним относятся вопросы, имеющие отношение к правам человека, европейскому праву, уголовному праву, экономическому праву, международным судам и соотношению порядков. Вторые находятся на периферии научных исследований. К ним относятся вопросы, имеющие отношение к истории права, государственности, источникам права, ответственности, режиму применения силы и др. Тематические дисбалансы не только отрицательно сказываются на общем уровне доктрины, но и негативно влияют на эффективность защиты национальных интересов. Данная проблема касается не только международного права, но и остальных направлений отечественного правоведения. Ее решение соответственно может быть только общим и состоять в качественном реформатировании образовательной и научной среды.

THEMATIC STRUCTURE OF THE RUSSIAN DOCTRINE OF INTERNATIONAL LAW

Vladislav Tolstykh

*Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Head of the International Law Department of the
Novosibirsk State University, Doctor of laws
vlt73@mail.ru*

Abstract: *The Russian doctrine of international law is experiencing a serious crisis. One of its symptoms is the imbalance in the thematic structure of the research. Russian scientists are interested only in a certain range of issues, which includes issues of human rights, interaction of orders, international courts, European, criminal, environmental and economic law. Fundamental theoretical issues related to the history of international law, statehood, sources of law, international responsibility, use of force, etc. are on the periphery of scientific research. The same can be said about issues relating to the current foreign policy of Russia. These imbalances not only negatively affect the overall level of doctrine, but also negatively affect the effectiveness of the protection of national interests. This problem concerns not only international law, but also other areas of Russian legal science. Thereby its solution must be general and consist in radical reformatting of the educational and scientific environment.*

Keywords: *international law, doctrine, legal science, positive law*

ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

<i>*Бирюков П.Н.</i> О конфискации имущества в Испании.....	74
<i>*Евсеев А.П.</i> Выборы судейского корпуса как специфическая особенность политической системы США	79

О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В ИСПАНИИ

Бирюков П.Н.¹

14.06.2018 Пленум Верховного Суда РФ издал Постановление № 17, посвященное вопросам применения конфискации имущества в уголовном судопроизводстве. При реализации своих полномочий по разъяснению законодательства Верховный Суд РФ сформулировал ряд новых решений и подходов относительно: конкуренции потерпевшего, заинтересованного в возмещении причиненного ущерба, и государства; конфискации без обвинительного приговора; конфискации имущества, переданного обвиняемым третьим лицам. Очевидно, что при подготовке Постановления использовались не только нормы международного права (в частности, Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года), но и зарубежное законодательство, право европейских государств.

В этой связи представляет интерес законодательство Испании. В 2015 году в Королевстве прошла модернизация уголовного законодательства в целях имплементации Директивы 2014/42/ЕС от 3 апреля о замораживании и конфискации средств совершения и доходов от преступлений в Европейском союзе.

Для реализации положений Директивы в Испании были приняты: а) Органический закон 1/2015, который внес изменения в УК Испании, и б) ординарный Закон 41/2015, обновивший УПК.

Согласно ст. 127 УК «любое наказание, которое налагается за умышленное преступление, повлечет за собой потерю последствий, которые происходят от него, и товаров, средств или инструментов, с которыми оно было подготовлено или исполнено, а также доходов от преступления, какими бы они ни были и какие бы изменения они не могли бы испытать».

В результате реформы пересмотру подвергся институт конфискации имущества. Теперь в УК Испании закреплены три вида конфискации: 1) без осуждения (*el decomiso sin sentencia*); 2) расширенная конфискация (*el decomiso ampliado*); и 3) конфискация имущества третьих лиц (*el decomiso de bienes de terceros*).

Согласно ч. 2 ст. 127 УК Испании «в тех случаях, когда в законе предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок более одного года за совершение умышленного преступления, суд может согласиться на применение изъятия орудий преступления или инструментов, которые использовались, а также доходов от преступления, какими бы ни были преобразования с ними не произошли».

«Если по какой-либо причине изъятие указанного имущества, невозможно, конфискация других активов должна быть согласована на сумму, соответствующую ее экономической стоимости, и на прибыль, которая могла быть получена от них. Точно также конфискация должна

¹ *Павел Николаевич Бирюков* – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета.

применяться, когда будет согласовано изъятие определенных товаров, последствий или выгод от преступления, но их стоимость уступает той, которую они имели на момент их приобретения» (ч. 3 ст. 127).

Рассмотрим вопросы конфискации подробнее.

1. Конфискация без осуждения. Нужно сказать, что конфискация без осуждения и ранее регулировалась в УК. Однако власти Испании воспользовались реформой для внесения некоторых поправок и ввели необходимые процедурные правила, чтобы сделать ее применение возможным. Согласно положениям ст. 127ter УК:

Суд может принять решение о конфискации даже при отсутствии обвинительного приговора в отношении конкретного лица, когда незаконная ситуация установлена в процессе и имеется одно из следующих обстоятельств. Совершивший уголовно наказуемое деяние:

а) умер либо страдает хроническим заболеванием, которое препятствует уголовному преследованию, и существует риск того, что оно может предопределить итог дела;

б) находится в состоянии банкротства и предпринимает меры, предотвращающие возможность привлечения к ответственности в течение разумного срока;

с) на виновного не налагается наказание, поскольку он освобожден от уголовной ответственности либо потому, что погашен сроки давности.

Традиционно конфискация доходов от преступлений связана с существованием обвинительного приговора в отношении преступника. С этой точки зрения, конфискация без осуждения формально вроде бы противоречит презумпции невиновности, поскольку она разрешает конфискацию последствий преступления, которое не было доказано в процессуально установленном порядке и в отношении которого не было вынесено приговора.

Однако такая интерпретация не учитывает Конвенции 1950 г. и позиции ЕСПЧ, согласно которой конфискация без осуждения не имеет уголовно-правового характера. Она не имеет целью наложение наказания, но «более сопоставимо со взысканием неосновательного обогащения, чем со штрафом, налагаемым согласно уголовному праву». «Поскольку конфискация ограничивается фактически незаконным обогащением бенефициара для совершения преступления, данное обстоятельство не показывает, что это режим наказания» (см. Решение 696/2005, Фонд Дасса против Лихтенштейна).

2. Расширенная конфискация. Она характеризуется тем, что имущество напрямую не связано с другими незаконными действиями виновного, отличных от тех, за которые он осужден и которые не были предметом приговора.

Как известно, в РФ концепция расширенной конфискации в настоящее время не закреплена. В этой связи есть смысл изучить зарубежный опыт, который может оказаться полезным для совершенствования ст. 104.1 УК РФ.

Расширенная конфискация не нуждается в доказывании причинно-следственной связи между преступной деятельностью и обогащением. Судья лишь проверяет (на основе обоснованных и объективных доказательств), что были и другие эпизоды преступной деятельности, кроме тех, за которые лицо осуждено. Из этого обстоятельства и вытекает изъятие имущества, полученного преступным путем. В праве ЕС прямо говорится о возможности того, что суды могут принять решение о расширенной конфискации на основе указаний, особенно диспропорции между законным доходом субъекта и имеющимися активами, и даже посредством процедур некриминального характера, подтверждает предыдущую интерпретацию.

Расширенная конфискация ранее уже была введена в УК Испании Органическим законом 5/2010 о преступлениях терроризма и преступлениях, совершенных преступными группами или организациями. С 2015 года она распространяется и на другие случаи, когда имеет место продолжительная преступная деятельность.

«Судья или трибунал также распоряжаются о конфискации имущества, последствий и прибыли, принадлежащих лицу, осужденному за любое из следующих преступлений, когда они на основании обоснованных объективных доказательств решает, что имущество или последствия являются преступной деятельностью и его юридическое происхождение не доказа-

но» (ч. 1 ст. 127bis УК). Далее следует перечень преступных деяний – (отмывание преступных доходов, торговля людьми, эксплуатация проституции, подделка денег, преступное банкротство, преступления против государственных финансов и социального обеспечения, коррупция в частном секторе, компьютерные преступления, взяточничество и др.

Таким образом, считается, что в течение определенного времени виновные могли получать существенные экономические выгоды, которые теперь подлежат изъятию. Расширенная конфискация позволяет судам в случаях осуждения за правонарушения, которые обычно создают постоянный источник дохода (к примеру, торговля наркотиками или отмывание денег), изымать имущество осужденного. Для облегчения применения этой меры решено включить открытый каталог деяний и обстоятельств, которые, среди прочего, должны оцениваться судьями и судами для принятия решения о конфискации. Согласно ч. 2 ст. 127bis УК для применения конфискации судом дает оценку следующих обстоятельств.

«1. Диспропорция между стоимостью товаров и последствий, о которых идет речь, и доходами законного происхождения осужденного.

2. Соккрытие собственности или любое полномочие распоряжаться имуществом или последствиями посредством использования физических или юридических лиц или юридических лиц без права юридического лица, или налоговых убежищ либо территорий без налогообложения, которые скрывают или препятствуют определению истинного владения товарами.

3. Передача товаров или доходов посредством операций, которые препятствуют выяснению их местонахождения или места назначения и которые не имеют действительного юридического или экономического обоснования.

4. Если впоследствии виновен был осужден за аналогичные преступления, совершенные ранее, судья в новом производстве оценивает объем примененной ранее конфискации».

При этом испанские суды исходят из следующих презумпций:

«1. Предполагается, что все активы, приобретенные осужденным в течение периода, начинающегося за шесть лет до даты возбуждения уголовного дела, происходят из его преступной деятельности.

2. Предполагается, что все расходы, понесенные виновным в течение этого периода, были оплачены средствами от преступной деятельности.

3. Предполагается, что вышеуказанное имущество было приобретено бесплатно» (ст. 127sexies УК).

Правда, судья может исключить определенные активы, когда в конкретных обстоятельствах дела это является «некорректным или несоразмерным».

Важными обстоятельствами, свидетельствующими о преступном происхождении имущества, являются указанные в ст. 127quinquies УК факты:

«1. Диспропорция между стоимостью товаров и последствий, о которых идет речь, и доходами законного происхождения осужденного.

2. Соккрытие собственности или любых прав распоряжения имуществом или последствиями посредством использования физических или юридических лиц или юридических лиц без юридической личности, или налоговых убежищ или территорий без налогообложения, которые скрывают или препятствуют определению истинное владение товарами.

3. Передача товаров или доходов посредством операций, которые препятствуют или препятствуют их местонахождению или месту назначения и которые не имеют действительного юридического или экономического обоснования.

Положения предыдущего абзаца применяются только тогда, когда имеются обоснованные указания на то, что субъект получил от своей преступной деятельности выгоду в размере более 6 000 евро.

2. Для целей предыдущего пункта следует понимать, что преступление было совершено в контексте продолжающейся преступной деятельности при условии, что:

а) субъект был осужден в одном и том же процессе за три или более преступления, от которых была получена прямая или косвенная экономическая выгода, либо за продолжающееся

преступление, которое включает, по меньшей мере, три уголовно наказуемых деяния, которые влекут прямую или косвенную экономическую выгоду.

б) или в шестилетний период, предшествующий моменту, когда началось разбирательство, в котором лицо было осуждено за любое из преступлений, указанных в статье 127bis УК, оно было бы осуждено за два или более преступления, которые привели бы к получению экономической выгоды или к продолжающемуся преступлению, которое включает, по крайней мере, два уголовно наказуемых деяния, из которых вытекает получение экономической выгоды».

Таким образом, расширенный формат конфискации не влечет за собой признание вины за преступления, поскольку данный вариант конфискации не является наказанием. Если виновный ранее уже был осужден за аналогичные преступления, суд должен оценить сферу конфискации в новом производстве.

3. Конфискация имущества третьих лиц. Во многих случаях товары и последствия, связанные с преступной деятельностью, передаются виновными третьим лицам.

Как известно, в праве РФ (ч. 3 ст. 115 УПК РФ, ст. 1041 УК РФ) предусмотрена возможность наложения ареста и последующей конфискации имущества, находящееся не только у подозреваемого, обвиняемого, но и у других лиц, «если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)». Арест на такое имущество может быть наложен и в тех случаях, когда по возбужденному уголовному делу личность подозреваемого или обвиняемого не установлена.

Регулирование конфискации активов, принадлежащих третьим сторонам, уже было предусмотрено в законодательстве Испании. Реформа ввела некоторые технические усовершенствования, направленные на повышение эффективности и юридической безопасности при применении этого правила.

На основании ст. 127quater УК.

«1. Суды также могут принять решение о конфискации имущества, последствий преступлений и прибыли, упомянутых в предыдущих статьях, которые были переданы третьим сторонам или эквивалентной им стоимости в следующих случаях:

а) в случае эффектов и прибыли, когда они приобрели их со знанием о том, что они происходят из-за незаконной деятельности или когда у прилежного человека были основания подозревать в обстоятельствах дела их незаконное происхождение.

б) В случае других активов, когда они приобрели их, зная, что таким образом их лишение было затруднено или когда у прилежного человека были основания подозревать в обстоятельствах дела, что это затруднит их конфискацию.

2. Предполагается, что если нет доказательств об обратном, что третья сторона знает или имеет основания подозревать, что она является собственностью от незаконной деятельности или что она была передана во избежание конфискации, когда имущество или последствия были переданы ему. бесплатно название или по цене ниже реального рынка.

На основании ст. 127quinquies УК суды могут также принимать решение об изъятии имущества, доходов и прибыли от преступной деятельности виновного, когда соблюдены следующие требования:

«а) субъект осужден или был признан виновным в совершении любого из преступлений, указанных в статье 127bis УК;

б) преступление было совершено в контексте предыдущей преступной деятельности;

с) имеются обоснованные признаки того, что соответствующая часть имущества осужденного исходит из предыдущей преступной деятельности».

Таким образом, во всех случаях, когда конфискация активов или доходов от преступлений невозможна полностью или частично (поскольку их невозможно найти; они недоступны или были уничтожены; их стоимость была уменьшена по сравнению с тем, что они имели первоначально, когда они были включены в имущество субъекта; в других обстоятельствах), суд может посредством оценки преступной деятельности определить сумму, подлежащую конфискации.

На основе ст. 127septies УК, если конфискация не может быть исполнена полностью или частично по любым обстоятельствам, «суд может согласиться на изъятие другого имущества на сумму, эквивалентную стоимости неисполненной части первоначально установленной конфискации».

Вышеуказанная норма соответствует ч. 2 ст. 1042 УК РФ: если конфискация определенного предмета, на момент принятия судом решения о конфискации данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета. В целях выполнения требований ч. 2 статьи 1042 УК РФ о конфискации имущества, соразмерного его стоимости, может быть назначена судебная экспертиза.

Вместе с тем, ст. 127octies УК предусматривает следующее.

«1. Чтобы гарантировать эффективность конфискации активы, средства, финансовые инструменты и другое имущество, могут быть задержаны и помещены в залог судебным органом с момента первого разбирательства.

2. В соответствии с положениями УПК суд решает вопрос о предполагаемой реализации или временном использовании средств.

3. Активы, инструменты и доходы, конфискованные по окончательному решению суда, если только они не предназначены для выплаты компенсации жертвам, передаются государству».

Для целей поиска и управления активами создается Офис по поиску и возвращению активов и имеет статус Генерального директората Министерства юстиции. Он отвечает за контроль над активами, полученными в результате судебных процессов, а также за выявление и возвращение активов в судебном порядке. Деятельность Офиса регламентируется двумя королевскими декретами (декретом 725/2017, который устанавливает структуру Министерства юстиции, и декретом 984/2015, который определяет структуру и компетенцию Офиса), а также приказом Министра юстиции 188/2016, который регулирует оперативные полномочия Офиса.

Таким образом, реформа 2015 года положила конец режиму двойной конфискации (в зависимости от того, являются ли это преступлениями против общественного порядка либо другого характера). Опыт Испании в области расширенной конфискации и изъятия имущества третьих лиц может быть интересен и для России.

**ВЫБОРЫ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА
КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ США**

А. П. Евсеев¹

Многочисленные призывы к проведению судебной реформы, которые вот уже много лет не сходят со страниц научной периодики и имеют широкую поддержку в украинском обществе, в качестве одного из своих ключевых требований называют внедрение института выборности судей. Можно даже утверждать, в нашей стране разгорелась целая полемика по данному вопросу. Так, одна группа экспертов, пусть и с оговорками, но в целом приветствует указанную меру, другая – категорически против. В частности, крупнейший украинский теоретик права Н. И. Козюбра полагает, что избрание судейского корпуса прямым голосованием на определенный, ограниченный во времени срок имеет больше «минусов», чем «плюсов», поскольку в таком случае, по его мнению, неизбежно втягивание служителей Фемиды в политический процесс, что, в свою очередь, подрывает одну из основ правового государства – независимость и беспристрастность судебной власти². Тем интереснее для нас обращение к опыту тех стран, где выборность судей является элементом политической традиции, и в первую очередь – к опыту США.

Говоря об этой стране, необходимо четко различать две альтернативных модели комплектования судейского корпуса, которые уживаются друг с другом на протяжении столетий: selection (отбор) и election (выборы). В 7 американских штатах и федеральном округе Колумбия действует система отбора, своего рода селекции, то есть оценки личных и деловых качеств претендентов на судейские должности главой местной исполнительной власти – губернатором штата. Губернатор может назначить судью из списка кандидатов, предварительно одобренных органами судейского сообщества, иногда из числа лиц, предложенных законодательным собранием, а иногда закон вообще никак не оговаривает возможности выбора кандидата губернатором. Сроки пребывания в должности судьи могут быть пожизненными или варьироваться от 4-6 до 12-15 лет³. Иными словами, при такой модели наделение судейскими полномочиями происходит не в силу их делегирования кандидатам жителями той или иной общины в полном соответствии с теорией народного представительства (судьи как «доверенные лица» народа⁴), что имеет место на выборах, а в силу их назначения высшим должностным лицом местной исполнительной власти, впрочем, избираемым жителями штата (в отличие от Украины, в США губернаторы избираются). Однако стоит отметить, что пока такие штаты в меньшинстве.

Помимо отбора будущих судей с последующим их назначением губернатором, в США существуют еще, как минимум, две более распространенные методы комплектования судейского корпуса: выборы, которые могут происходить как по партийным спискам (partisan elections), так и в форме избрания кандидатов в личном качестве (nonpartisan elections), а также так называемый «референдум о доверии» (retention elections). На сегодняшний день партийные выборы проводятся в 17, выборы судей в личном качестве – 22, процедура retention – 20 штатах с той, правда, оговоркой, что в одном и том же штате, в разных его округах (county), могут использоваться различные способы избрания судей. Например, в Аризоне в одних окру-

¹ *Александр Петрович Евсеев* – кандидат юридических наук, доцент департамента дисциплин публичного права НИУ ВШЭ.

² Козюбра М. Судова влада в Україні // *Право України*. – 2009. – № 12. – С. 54.

³ Бернам У. Правовая система США. – М.: Новая юстиция, 2007. – С. 318.

⁴ Шайо А. Высшие суды как представители или представительство без представителей // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2013. – № 6. – С. 63.

гах выборы проходят по партийной системе, а в других – судей избирают, не прибегая к помощи политических партий¹.

Обобщим полученные данные в виде таблицы*

Тип выборов	Название штатов
По партийным спискам	Алабама, Аризона (в некоторых округах), Коннектикут, Иллинойс (в некоторых округах), Индиана (в некоторых округах), Канзас (в некоторых округах), Луизиана, Мэн, Миссури (в некоторых округах), Нью-Мехико, Нью-Йорк, Пенсильвания (в некоторых округах), Южная Каролина, Теннесси (в некоторых округах), Техас, Вермонт, Западная Вирджиния
В личном качестве	Аризона (в некоторых округах), Арканзас, Калифорния (в некоторых округах), Флорида (в некоторых округах), Джорджия, Айдахо (в некоторых округах), Индиана (в некоторых округах), Кентукки, Мэриленд (в некоторых округах), Мичиган, Миннесота, Миссисипи, Монтана (в некоторых округах), Невада, Северная Каролина, Северная Дакота, Огайо, Оклахома (в некоторых округах), Орегон, Южная Дакота (в некоторых округах), Вашингтон, Висконсин
«Референдум о доверии»	Аляска, Аризона (в некоторых округах), Калифорния (в некоторых округах), Колорадо, Флорида (в некоторых округах), Айдахо (в некоторых округах), Иллинойс (в некоторых округах), Индиана (в некоторых округах), Айова, Канзас (в некоторых округах), Мэриленд (в некоторых округах), Миссури (в некоторых округах), Монтана (в некоторых округах), Небраска, Оклахома (в некоторых округах), Пенсильвания (в некоторых округах), Южная Дакота (в некоторых округах), Теннесси (в некоторых округах), Юта, Вайоминг

Как и любые другие американские выборы, выборы представителей судебной власти проходят по мажоритарной избирательной системе относительного большинства.

Поясним для читателя специфику «референдума о доверии». Дело в том, что еще в 30-е гг. прошлого века в американском обществе стало нарастать недовольство по поводу влияния политики на избрание судей и процесс принятия решений. В результате в ноябре 1940 г. голосующие изменили конституцию штата Миссури, приняв «Беспристрастный план избрания судей» на референдуме, так называемый «миссурийский план» (Missouri Plan). Суть этого нововведения, существующего и по сию пору, заключалась в следующем. Кандидаты в судьи изучаются комиссией по отбору, в состав которой входят адвокаты, судьи и представители гражданского общества. Комиссия отбирает трех кандидатов на каждое вакантное место судьи на основе изучения личных данных, документов и оценок профессиональной квалификации кандидатов и представляет материалы этих кандидатов губернатору, который должен выбрать одного из них. Выбранное таким образом губернатором лицо назначается на должность судьи сроком минимум на один год, но по истечении которого проводятся всеобщие выборы, на которых в избирательном бюллетене фигурирует вопрос о том, следует ли оставить (retain) этого судью на своем посту. Если электорат оставляет судью в должности, то он служит 12 лет в суде апелляционной инстанции и более короткий срок – в суде первой инстанции².

В рамках настоящего исследования, в силу тематики последнего, нам хотелось бы остановиться более подробно на выборах судей по партийным предпочтениям, памятуя при этом, что здесь мы неизбежно переступаем относительно узкие рамки юриспруденции и выходим на широкую арену политической жизни.

Партийные выборы. Когда противники такой системы наделения судей полномочиями приводят свои аргументы, то первым из них традиционно звучит опасность потенциальной зависимости будущих носителей судебной власти от политических партий, выдвинувших и под-

¹ Подробнее см.: https://ballotpedia.org/Judicial_elections.

*Статистика штатов, в которых проводятся выборы судей, приведенная в единственной русскоязычной работе, посвященной рассматриваемой теме, к сожалению, уже безнадежно устарела. См.: Филиппов С. В. Судебная система США. – М.: Наука, 1980. – С. 128, 129.

² Бернам У. Указ. соч. – С. 318, 319. См. также: Павлова Н. В. Построение системы отбора кандидатов в судьи и назначения их на должность // Модернизация статуса судьи: современные международные подходы / Отв. ред. Т. Н. Нешатаева. – М.: Норма, 2011. – С. 146-148.

державших их кандидатуры на выборах. Так, еще в 1906 г. крупнейший американский юрист, фактически основатель американской школы социологической юриспруденции Р. Паунд утверждал, что «втягивая суды в политику, вынуждая судей становиться политиками, во многих штатах почти уничтожили то уважение, которым суды традиционно пользовались»¹. В самом деле, при выборах судей в этот процесс неизбежно втягиваются политические партии хотя бы по той простой причине, что никто, кроме них, не располагает в государстве отработанными технологиями ведения предвыборной борьбы, собственным штатом волонтеров, финансовыми возможностями и наработанными контактами среди партийных спонсоров, привычно готовых привести своего человека к победе. Но приводя его к победе, они столь же неизбежно делают его своим заложником².

С приведенными доводами сложно не согласиться. Между тем, по нашему мнению, когда мы говорим о Соединенных Штатах, следует принимать во внимание также следующие обстоятельства.

Прежде всего следует учитывать, что американцы всегда были и остаются нацией с неразвитым партийным самосознанием. Американец, поддерживающий демократов или республиканцев, все равно не ощущает себя членом этой организации, связанным с ней определенной системой уставных, нравственных, а тем более коррупционных обязательств, и уж тем более – «колесиком и винтиком» партийной машины. Возможно, нечто подобное он мог ощущать в конце XIX – начале XX вв., в «позолоченный век» политических партий, в который пришлось жить и трудиться Р. Паунду, но уж никак не в веке XXI³. «Долг перед партией», «подчинение личных интересов партийным», «партийная дисциплина» и другие подобные представления, исполненные смысла и приобретающие в той или иной мере силу нравственного императива, скажем, для европейского социалиста, не говоря уже о коммунисте, демохристианине или социал-демократе, для американца – если, конечно, он не партийный функционер – псевдопонятия. По меткому слову Э. Я. Баталова, «республиканец или демократ видит себя не внутри партии, а рядом с партией»⁴. Вот почему в американских условиях партийные выборы судей не несут в себе ощутимых угроз судейской независимости. По этой же причине, несмотря на всю, казалось бы, партийную ангажированность американских судей, уровень доверия граждан к судебной системе в этой стране несоизмеримо выше, чем в Украине или России, где судьи назначаемые. Не случайно поэтому, опрос, проведенный в Канзасе, показал, что 65 % жителей штата полагают, что судьи должны избираться, а не назначаться губернатором⁵.

Во-вторых, как писал Р. Познер, один из авторитетнейших американских ученых-правоведов современности и федеральных судей, «... то, что избранные судьи имеют меньшую политическую независимость, чем назначенные на пожизненный срок службы, не обязательно плохо. И не только из-за стимулирования личных усилий в условиях отсутствия гарантированного рабочего места, но и по той простой причине, что решения избранных судей, как правило, более предсказуемые, чем решения судей назначенных»⁶. И действительно, коль скоро мы презумируем, что одним из неотъемлемых атрибутов верховенства права является принцип правовой предсказуемости, именуемый еще в литературе принципом правомерных ожиданий, то в условиях выборности судей можно надеяться, что волонтаризм последних будет ограничен страхом вызвать недовольство местной общины постановлением необоснованно мягкого (soft on crime) или, наоборот, необоснованно жестокого (tough on crime) приговора, потерять свой авторитет вследствие совершения некоего недостойного звания судьи поступка и т. д.

¹ Цит. по: Шайо А. Указ. соч. – С. 64.

² Козюбра М. Там само.

³ Некоторые моменты, связанные с избранием судей в «позолоченный век» политических партий, затрагиваются в американской художественной литературе, в частности романе Р. П. Уоррена «Вся королевская рать». См.: Уоррен Р. П. Вся королевская рать: роман. – М.: Астрель, 2010. – 531 с.

⁴ Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. – С. 150.

⁵ Мишина Е. А. Из американского опыта обеспечения личной независимости судей // Право. Журнал Высш. шк. эк-ки. – 2010. – № 4. – С. 123.

⁶ Познер Р. Як мислять судді / Ред. перекл. О. П. Євсєєв. – К.: Акта, 2012. – С. 171.

Кроме того, следует учитывать, что после решения Верховного Суда США по делу *Республиканская партия штата Миннесота против Уайта* кандидаты в судьи имеют право (гарантированное первой поправкой к Конституции) высказывать в ходе предвыборной кампании свое мнение по спорным юридическим вопросам, которые впоследствии могут встать перед ними уже в должности судей. На практике это приводит к тому, что для кандидатов разрабатываются специальные анкеты, в которых содержатся вопросы об их мнении по таким остроактуальным вопросам, как возможность назначения преступнику смертной казни (в тех штатах, где она предусмотрена), аборт, однополые браки, судебный контроль за применением оружия и т. д.¹ В конечном счете, все это объективно приводит к тому, что судебная политика, проводимая человеком в мантии, действительно становится более предсказуемой в том смысле, что граждане всегда имеют возможность сопоставить предвыборные обещания кандидата с реально проводимым курсом, и в случае радикального расхождения последних не переизбрать его на новый срок.

Другой вопрос, что судья, которому предстоит пройти через перевыборы, может менее независимо принимать решения по резонансным для общины делам. Да и сами перевыборы являются стрессом, требуют много времени и отвлекают судей. По этой причине американские юристы с горечью признают, что судьями во многих штатах могут стать лишь профессиональные политики, обладающие к тому же немалым капиталом² (феномен, практически неизвестный на постсоветском пространстве, где профессиональные политики скорее стремятся поставить слугителей Фемиды под свой контроль, нежели сами занять их посты). Хотя и этот недостаток не является абсолютным. Скажем, Д. Карлен, видный английский юрист, много лет отдавший изучению судебной системы США, полагал, что «политический опыт поможет ему стать более квалифицированным судьей, особенно в тех случаях, когда он должен будет иметь дело с вопросами социальной политики»³.

По-настоящему проблемными являются иные аспекты темы. Во-первых, следует иметь в виду чудовищную неосведомленность большинства граждан обо всем, что связано с политикой, правом, законодательством. Американский историк Р. Шенкман, опубликовавший во время президентских выборов 2008 г. небольшую книжку «Насколько же мы глупы? Перед лицом правды об американском избирателе», приводит красноречивый факт, как в 1992 г. делегаты Национального съезда Демократической партии, бегло ознакомившись с биографиями своих кандидатов на президентских выборах, пребывали в полной уверенности, что Б. Клинтон – выходец из богатой семьи, коль скоро он учился в престижном Йельском университете. Понадобилось специальное опровержение пресс-службы, а затем и наспех сделанный пропагандистский фильм «Человек из города Надежды» (*The Man from Hope*)⁴, дабы доказать, что Клинтон происходит из отнюдь не респектабельного общества, а учеба в Йеле – результат его незаурядных способностей и программы государственного субсидирования одаренных детей⁵. Обратим внимание, что речь шла о человеке, претендующем на высший государственный пост, а приведенное заблуждение разделялось партийными функционерами, делегированными на общенациональный конвент. Что уж говорить о миллионах простых избирателей, которые в глаза не видели какого-нибудь Джона Дэвиса или Питера Гопкинса, баллотирующихся в окружные судьи.

Помимо этого, чрезвычайно остро стоит вопрос финансирования избирательных кампаний судей. Ведь большая часть «доноров», к которым кандидаты обращаются за финансовой поддержкой, – это не олигархи, как может показаться на первый взгляд, а адвокаты и потенциальные стороны в процессе, а значит велика вероятность, что их согласие или отказ внести по-

¹ Подробнее см.: Caufield R. The changing tone of judicial election campaigns as a result of White // *Running for judge* / Ed. by M. Streb. – N. Y.: New York Univ. Press, 2007. – P. 34-58.

² Симкин Л. Как стать судьей в Америке // *Советская юстиция*. – 1992. – № 19/20. – С. 22.

³ Карлен Д. Американские суды: система и персонал. – М.: Прогресс, 1972. – С. 45.

⁴ Игра слов. Клинтон родился в 1946 г. в городе Хоуп, что в переводе с английского означает «надежда».

⁵ Shenkman R. Just how stupid are we? Facing the truth about the American voter. – N. Y.: Basic Books, 2008. – P. 41.

жертвование будет намеренно или неосознанно учитываться судьей при вынесении решения по делу в случае его избрания.

В 2015 г. Верховный Суд США пятью голосами против четырех принял решение по резонансному делу Уильямс-Юли против Ассоциации адвокатов Флориды о запрете сбора средств на нужды предвыборной кампании кандидатами на должности судей штатов. Как следует из материалов дела, в Суд обратилась Л. Уильямс-Юли, баллотировавшаяся на должность судьи в штате Флорида. В рамках судебного разбирательства было установлено, что Юли рассылала сообщения своим потенциальным спонсорам с просьбой оказать ей финансовую поддержку в рамках предвыборной кампании. За указанные действия Юли была привлечена к ответственности Ассоциацией юристов Флориды за нарушение правил судейской этики, а именно положения пункта 7(С) Кодекса поведения судей, согласно которому кандидаты на должности судей не вправе лично обращаться к потенциальным спонсорам с просьбой финансирования предвыборной кампании, но могут лишь учреждать специальные комитеты, которые будут заниматься подобной деятельностью. Юли сочла, что такие ограничения нарушают первую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу слова, и дискриминируют кандидатов на должности судей по профессиональному признаку. Таким образом, перед судьями Верховного Суда был поставлен вопрос о конституционности запрета, установленного в законодательстве большинства штатов, в отношении кандидатов на должности судей по личному обращению к спонсорам за финансовой поддержкой.

Как следует из позиции Верховного Суда, подготовленной председателем суда Дж. Робертсом, штаты имеют достаточные социально-политические основания устанавливать специальные ограничения в отношении кандидатов на должности судей обращаться к потенциальным спонсорам за финансовой помощью, что объясняется наличием публичного интереса, заинтересованностью всего общества штата в подлинной независимости и беспристрастности судейского корпуса при отправлении правосудия. Более того, судья Робертс отметил, что норма, позволяющая кандидатам на должности судей формировать специальные комитеты уполномоченных лиц для сбора средств, как раз и направлена на реализацию положений первой поправки. К позиции судьи Робертса присоединились все судьи «либерального крыла» Верховного Суда, включая С. Брайера, С. Сотомайор, Е. Каган, а также Р. Гинзбург (которая все же представила особое мнение).

В своем особом мнении, в целом согласившись с логикой большинства, судья Гинзбург остановилась на разграничении «обычных» политических выборов и избирательных кампаний судей. Главное отличие, по мнению судьи Гинзбург, состоит в том, что если спонсоры («доноры») политиков, оказывая поддержку своим кандидатам, вправе ожидать от них какой-либо «благодарности» и «понимания» в последующем, то в случае с судьями такое невозможно, поскольку подобное положение дел подрывало бы независимость и автономию судей («финансирование выборов... означает покупку голосов»).

Судьи же «консервативного крыла» (тогда еще здравствующий А. Скалиа, С. Алито, Э. Кеннеди и К. Томас), как и положено консерваторам, исходили из буквального толкования первой поправки, на основании чего пришли к выводу, что любое ограничение доступа граждан (в том числе кандидатов на должности судей) напрямую обращаться за финансовой поддержкой приводит к нарушению свободы слова. Как разъяснил судья Кеннеди, подобное ограничение, поддержанное большинством судей Верховного суда, по существу, ущемляет права наиболее необеспеченных кандидатов (лишая их возможности обратиться даже к своим друзьям и родственникам), что приводит к ограничению всех слоев населения американского общества в доступе к судейской профессии. Иными словами, судьи, оставшиеся в меньшинстве, сочли подобное ограничение непропорциональным. Тем не менее пятью голосами против четырех Верховный Суд США постановил признать конституционным существующий в

штате Флорида запрет для кандидатов на должности судей в непосредственном обращении к потенциальным спонсорам¹.

Дело осложняется еще и тем, что если до начала 1990-х гг. выборы судей привлекали минимум внимания и финансовых затрат (так, еще в 2002 г. на выборы судей в штате Нью-Йорк явилось менее 15 % зарегистрированных избирателей²), то теперь размеры избирательных фондов кандидатов исчисляются миллионами долларов, кампании стали агрессивными, а вероятность проигрыша действующих судей конкурентам в процессе переизбрания выше, чем у инкубентов на выборах в Конгресс или местные легислатуры.

Итак, подведем краткие итоги.

Во-первых, выборность судей в ее классическом понимании была, есть и остается символом исключительно англосаксонской системы судопроизводства, если не принимать во внимание советский опыт безальтернативного голосования на выборах «народных судей» или нынешнее голосование в странах тоталитарного социализма (Куба, КНДР). Только здесь выборность судей, начиная с 1812 г., когда всюду пошел процесс перехода штатов от процедуры назначения к выборным процедурам, покоится на прочных исторических устоях. Континентальные же образцы всегда тяготели к назначению представителей судейского корпуса, главным образом исходя из подготовленности и профессиональной компетентности последних. Во-вторых, выборность судей нигде не имеет массового характера, являясь весьма и весьма локальным сегментом юстиции. Даже в США она отсутствует в 8 субъектах, а еще в 20 она существенным образом ограничена и фактически сведена к перепроверке всенародным голосованием ранее сделанного губернатором выбора (retention). Поэтому любые попытки рассматривать ее в качестве универсального способа преодоления всех проблем, связанных с неэффективностью судебной власти (ее оторванностью от народа, коррумпированностью и проч.), как это нередко происходит на постсоветском пространстве, представляют собой очевидную утопию. И, наконец, в-третьих. Выборность судей является архаичной формой комплектования судейского корпуса, представляя собой продукт исторического развития страны с глубокими демократическими традициями. В наших условиях вопрос о выборности судей не имеет никакого отношения к проблеме восстановления доверия народа к судебной власти, где логика развития требует использования иных институциональных механизмов совершенствования правосудия, которые украинской правовой системе прекрасно известны и которые имеют глубокие исторические корни.

¹ Подробнее об этом деле см.: Храмова Т. Иллюзия независимости избираемых судей: размышления по поводу решения Верховного суда США по делу «Уильямс-Юли против Ассоциации адвокатов Флориды» // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 4. – С. 117-127.

² Streb M. Judicial elections: a different standard for the rulemakers ? // Law and election politics. The rules of the game / Ed. by M. Streb. – L.: Lynne Rienner Publ., 2005. – P. 175.

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

БЕСЕДА С ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ И ПОЛНОМОЧНЫМ ПОСЛОМ СССР И РФ
М.В. МАЙОРОВЫМ

Редакция КЖМП и МО: Михаил Владимирович, расскажите, пожалуйста, о том, каков был Ваш путь в дипломатию¹.

М.В. Майоров: Я дипломат второго поколения, мой отец был дипломатом, тесть был дипломатом. Отец привил мне большую любовь к Европе, особенно к Франции, мой тесть привил мне любовь к Азии, особенно к Китаю. Сам я же выбрал арабистику, Северную Африку и, наверное, это «вызрело» именно в силу той атмосферы, в которой я жил, того воспитания, которое я получил. С 4 класса я хотел стать дипломатом. Понимаете, это очень большая ответственность... Я думаю, что вопрос «кем мне стать» для многих молодых людей является вопросом жизни. Поэтому у меня в этом смысле был очень легкий выбор, я изначально стремился к карьере дипломата. Поступил на Восточное отделение факультета международных отношений МГИМО, хотел изучить арабский язык. Я знал, что это сложный язык и меня это привлекало. После окончания института были две командировки в Алжир и Марокко, которые как первая любовь – крепко «сидят».

Моим наставником в африканских делах был бывший заведующий Первым африканским отделом МИДа Алексей Алексеевич Шведов. Тогда в Министерстве иностранных дел СССР существовало три африканских отдела: первый – в основном Северная Африка и Западная Африка; второй – Центральная Африка и третий – Южная Африка. Алексей Алексеевич был очень большим любителем Африки, и он своим сотрудникам привил не только так сказать, рабочие навыки, но и любовь к Африке. И я понял насколько он был прав, когда привлекал наше внимание не только к чисто рабочим моментам, но и к тому, что нужно любить те страны, в которых работаешь. Иначе невозможно. У него просто ничего не получится. И именно А.А.Шведов привил любовь к Африке. Сначала к Северной, затем к Западной. Он продвигал молодых дипломатов. Я благодарен ему за то, что в 42 года стал послом Советского Союза в Республике Кот-д'Ивуар. В Северной Африке я бы не мог им стать, поскольку это было место, скажем так, не для начинающих послов. В 1991 году я был направлен послом СССР в Кот-д'Ивуар а через год стал по совместительству послом в Буркина-Фасо.

А в Африку уж точно без любви к этому континенту вообще нет смысла ехать². Я давно понял, что для дипломата равнодушие не самое лучшее качество. Оно вообще для человека не лучшее качество, а для занимающегося политикой равнодушие рано или поздно приведет к краху.

Редакция КЖМП и МО: Разрешите задать вам вопрос о Кот-д'Ивуаре. Вроде бы такая далекая, малоизвестная у нас страна, но всё-таки страна очень сложная, и история наших взаимоотношений была очень непростая. В частности, это страна в 1969 году разрывала с нами дипломатические отношения. Потом по инициативе ивуарийской стороны они были восстановлены. Т.е. страна была со своим особым характером. Не могли бы вы в целом рассказать, о том, как складывались советско-ивуарийские отношения, в том числе в тот период, когда вы были послом.

М.В. Майоров: Должен сразу сказать, что наши интересы в этой стране были не на первом месте. У нас сохранялся осадок, что ивуарийцы в свое время были инициаторами разрыва отношений в 1969 году, а потом с такой же легкостью предложили восстановить эти отношения. Мы прекрасно понимали, что безусловно здесь сыграл свою роль своеобразный харак-

¹ Интервью провёл главный редактор КЖМП А.Б.Мезяев. Беседа базируется на книге М.В.Майорова «Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве».

² Мне довелось как то попросить интервью у нашего бывшего посла в Нигерии.

тер первого лидера Кот-д'Ивуара Феликса Уфуэ-Буаньи. Здесь сыграли свою роль конечно и опасения со стороны французов в данном случае, что СССР после освобождения Африки в 1960 году слишком активно взялась за африканские дела. Конечно они сыграли на чувствах антикоммунизма главы Кот-д'Ивуара. Феликс Уфуэ-Буаньи был антикоммунистом, и конечно они сыграли на этих чувствах, может быть даже на национальных чувствах. Он был обижен на Советский Союз за публикации, затрагивающие его лично. По примеру многих подобных развивающихся стран они с легкостью пошли на разрыв дипломатических отношений с СССР, с которым их в принципе ничего не связывало: ни история отношений, ни перспектива. С тем, что они в конце концов пошли на восстановление отношений тоже было всё понятно. По мере строительства независимого государства, его руководство стало осознавать, что зависимость от одной страны (в данном случае, от Франции) всегда приводит к перекосу во внешней политике. Для того, чтобы сохранить баланс с великой державой, каким бы Советский Союз, чтобы проводить более-менее самостоятельную политику, они пошли на восстановление отношений с СССР. Худо-бедно они развивались. Я приехал туда в 1991-ом году, и наши отношения были на достаточно хорошем уровне. Это были не выдающиеся отношения, но и не самые плохие отношения. Поскольку мы прекрасно отдавали себе отчет, что Кот-д'Ивуар является не последней страной в африканском континенте, кроме того он располагает неплохими запасами какао-бобов, и мы тогда начали интересоваться поставками какао-бобов. Кроме того, мы учитывали то обстоятельство, что Уфуэ-Буаньи пользовался большим влиянием в африканском сообществе, и в частности такие его неординарные поступки в отношении Юга Африки, Анголы. Занимал позицию, которая отличалась от общеафриканской. И вот это самостоятельность в африканских делах, и его вес и влияние в африканском сообществе, в частности в Организации Африканского Единства, сыграли роль такого повышения, что ли, внимания у советской дипломатии к этой стране, и в конце концов я приехал туда с четкими инструкциями всесторонне развивать эти отношения, что я в течение полугода с чистой совестью пытался выполнять. Ну а потом грянули события августа 1991-го года, потом неопределенность с судьбой СССР, а в декабре 1991-го случился развал СССР. Потом долгий период нашего... как бы это сказать, «прихождения в себя» на африканском континенте, и определение тех приоритетов, которые перед нами стояли. Я считаю, что мы многое потеряли в то время. Именно в этот период перехода от Советского Союза к России, перехода советской дипломатии в российскую, мы многие позиции утратили.

Редакция КЖМП и МО: Михаил Владимирович, несмотря на то, что Уфуэ-Буаньи был антикоммунистом, тем не менее это была яркая личность. В своих мемуарах Вы описали Ваши многочисленные встречи с первым президентом независимого Кот-д'Ивуара. Не могли бы вы дать нам несколько штрихов о личности этого человека, и рассказать о том, насколько она оказала влияние на наши отношения, в период Вашей деятельности в качестве посла.

М.В. Майоров: Безусловно, это была неординарная и яркая личность на африканском континенте. С чем это было связано? Он получил хорошее образование. Он много работал с французами, внутри французского политического класса так сказать. «Кухню» прекрасно знал. Он пришел на африканский континент, в Кот-д'Ивуар в частности, уже готовым политиком, уже знал, что хочет. Кроме того, сыграли свою роль его связи внутри ивуарийского общества. В Африке невозможно стать политическим деятелем без того, в каком племени ты живешь, какому богу преклоняешься. Он прекрасно это учёл, поскольку он был бауле (представитель одного из крупных племен в Кот-д'Ивуаре). Когда Уфуэ-Буаньи стал президентом, это племя пользовалось наибольшими привилегиями. И кроме того он знал всю структуру ивуарийского общества, и своим авторитетом, своим умением общаться внутри общества, в отношении племен, различных религий, он сумел где-то «сцементировать» ивуарийское общество, сыграв и на национальных чувствах с одной стороны, и на том, что начался экономический бум, в связи тем, что какао стало нужно всем, а Кот-д'Ивуар являлся чуть ли не самым крупным поставщи-

ком. И вот этот бум на какао конечно помог Уфуэ-Буаньи как главе государства решить многие политические задачи.

Когда я приехал первый раз в Кот-д'Ивуар в 1988 году я был поражен уровнем развития инфраструктуры прежде всего, даже в России у нас до сих пор нет такой, она может только сниться. К сожалению я думаю, что сейчас в связи событиями в Кот-д Ивуаре мы все пришли в определенное расстройство.

Он умело использовал экономические выгоды от продажи какао-бобов являясь главным импортером бобов какао. Кто-то делал на нефти, он сделал на какао. Он не клал эти средства себе в карман, хотя конечно в кармане у него оседало (смеется), но основную часть он пустил на развитие самых элементарных вещей: создание жилищ, дорог, рабочих мест, и когда я приехал в 1991-ом году, там не было проблемы безработицы. Т.е. конечно молодежь была не востребована до конца, но такой безработицы, которая сейчас наблюдается во многих странах, в частности в Кот-д Ивуаре, тогда не было. Поэтому я довольно высокого мнения о Феликсе Уфуэ-Буаньи, которого называли «африканским наглецом». Он очень ловко играл на всех противоречиях, на всех выгодных позициях африканского общества. А в африканском сообществе как я уже сказал, он иногда занимал самостоятельные позиции, и за это его уважали. Уважали за то, что не пустил свою страну под откос, а удержал и даже где-то приумножил то, что было создано при колониальном режиме. Хочу ещё раз повторить, что такую инфраструктуру я не только в африканских, но и во многих азиатских (не говоря о СССР и России) я не видел. Кстати в своих воспоминаниях о встрече с Уфуэ-Буаньи я как раз и сказал, что мы тогда уже боялись, что с его смертью в Кот-д Ивуаре начнется большая «заваруха». Так и оказалось. Сразу же страна раскололась на север и юг.

Редакция КЖМП и МО: *Можно мне тогда задать вопрос о сегодняшних событиях в Кот-д Ивуаре, в частности о том, как вы оцениваете резолюцию Совета Безопасности ООН 19/75, которая провозгласила президента Гбагбо незаконно избранным, хотя согласно конституции Кот-д Ивуара именно он был законным президентом. Случайно ли, что именно с Кот-д Ивуаром так поступили? Плюс ещё участие миротворческой миссии ООН в боях на стороне Франции, с целью свержения законного президента страны.*

М.В. Майоров: Когда я работал там, то встречался и с Аласаном Уаттара (который в то время был премьер-министром),¹ и с Лораном Гбагбо, (который был лидером одной из ведущих партий).² Они производили впечатление в общем разумных, хороших людей. Но страна разделилась по географическому, точнее этно-географическому принципу: Гбагбо – это север, а Уаттара – юг. Именно этот принцип во многом лежал в основе того водораздела, который произошел между двумя политическими деятелями Кот-д Ивуара. Почему Франция и другие западные страны взяли сторону А.Уаттара? Ну, наверное, они сделали ставку на сильнейшего. Хотя Л.Гбагбо по некоторым признакам больше устраивал западных представителей, чем А.Уаттара, который является выразителем мусульманского юга...

Редакция КЖМП и МО: *Мы не случайно подошли к вопросу о конфликтах. В своей профессиональной деятельности Вы довольно часто принимали участие в разрешении многих международных конфликтов. В этой связи мой первый вопрос касается Вашего участия в секретной миссии в Либерию. Вот не могли бы вы рассказать об этой ситуации, как Россия принимала участие в разрешении либерийского конфликта.*

М.В. Майоров: Вы знаете, для меня это был уникальный эпизод в дипломатической карьере. Почему? С одной стороны благополучный Кот-д Ивуар. И в то же время рядом страна, где идет гражданская война – Либерия. Что могла сделать тогда ещё молодая Россия, взломать это? Конечно попытаться сыграть свою роль – скрасить то негативное впечатление, которое сложилось в африканском сообществе, среди африканских стран, в связи с тем, что мы за-

¹ Ныне А.Уаттара – президент Республики Кот-д'Ивуар.

² Бывший президент Кот-д'Ивуара, свергнутый А.Уаттарой в 2011 году.

крыли несколько (9 или 10) наших точек – посольств, сразу после распада СССР. Почему я по совместительству стал послом в Буркина-Фасо? Потому что там закрылось наше посольство. И я считаю, что мы тем самым дали понять африканцам, что нам совершенно безразлично что происходит. Что там в этой Африке творится... Вот у нас есть проблемы с Европой, Америкой, Азией, а африканцы нас совершенно не интересуют. И мы тем самым очень обидели многих африканцев. Я уж не говорю о тех лидерах африканских стран, где мы закрыли свои посольства. Там было шоковое состояние. Я наблюдал это лично, воочию. И с тем, чтобы сгладить это негативное впечатление многие наши послы, и я в том числе добровольно предложили, что нам необходимо активизировать наше участие в регулировании в данном случае Западной Африки – гражданская война в Либерии. И, в конце концов, Москва приняла решение, что нужно попробовать там приложить свои усилия, чтобы поспособствовать решению внутреннего конфликта в Либерии. И тогда я как один из послов соседних с Либерией стран получил указание встретиться с лидером одной из враждующих группировок Чарльзом Тейлором, которого сейчас держат в тюрьме в Гааге. ¹Чарльз Тейлор был тогда лидером крупнейшей группировки, которая боролась за власть. Для меня это было просто незабываемые воспоминания. Попасть в другой мир, когда ты с благополучного Кот-д'Ивуара окунаешься в мир, который тебе не то что даже невиданный, но ты даже не мог предположить, что сможешь ехать по лесу... без дорог. Меня это просто поразило. Вот так мы проникали на территорию Либерии. А так на меня тогда Тейлор произвел вполне приличное впечатление. Это был достаточно разумный человек, с которым у нас были непосредственные контакты при освобождении нашего судна, которое захватили в 1991 году. Тогда, они поступили вполне доброжелательно, отпустив наш экипаж. У нас уже были контакты через представителей в Абиджане. И когда состоялся личный контакт, то мы говорили очень оживленно, будто бы давно друг друга знали. И тогда, по возвращении мы подготовили ряд предложений нашему посольству, слава богу эти предложения были учтены. Затем мы встречались уже с другой конфликтующей стороной. И постепенно мы какое-то влияние оказывали. И в ООН у нас была понятная позиция, поскольку мы знали позиции сторон. Но потом, к сожалению, всё это сошло на нет, и мы растеряли даже тот маленький капитал, который был наработан. Я очень жалею об этом. И сейчас мы вообще не оказываем никакого влияния на положение дел в этой стране.

Редакция КЖМПнМО: *Михаил Владимирович, Вы говорили, что Тейлор, тогда ещё не президент, а только лидер военной группировки, которая боролась за власть в стране, выразил заинтересованность в интенсификации развития отношений с Россией. Он, в частности, предлагал России лицензии на вылов рыбы у берегов Либерии. Ваши предложения МИДу включали упоминания об этих лицензиях, и если да, то какова их судьба?*

М.В.Майоров: Мы говорили, что нужно иметь это ввиду. Но мы главным образом говорили о том, что не нужно лезть туда с незаконной ловлей.² Потому что или Тейлор, или другая, контролирующая свое побережье группировка рано или поздно ловили бы нас и требовали больших денег. Нужно войти в контакт с одной или другой группировкой, чтобы наладить хотя бы нормальные цивилизованные отношения по рыбной ловле. Тогда бы это был большой интерес с нашей стороны ловить рыбу в территориальных водах Либерии. Сьерре-Леоне недалеко ещё, запасов рыбы было достаточно. Но наши суда к сожалению часто нарушали это. Мы предупреждали и возражали против этого. Что надо привезти в договорном виде, хотя бы временно, у нас есть лидер, это ведь всё-таки не какие-то то бандитские формирования, а фронты настоящие, гражданская война. Нам нужно иметь отношения и с теми, и с теми. Мы исходили из того, что нужно поддерживать ровные отношения со всеми.

¹ Интервью проходило во время судебного процесса над президентом Либерии Ч.Тэйлором в Специальном суде по Сьерра Леоне, который проводился в здании Международного уголовного суда в Гааге.

² К сожалению, «захваты» российских моряков у африканских берегов имеют эту печальную окраску, о которой российские СМИ почти никогда не упоминают – всё сводится к «зловным африканским пиратам», которые ловят наши суда, правда, у своих собственных берегов... (прим. Гл.ред.)

Редакция КЖМП и МО: *В своё время тогдашний президент Либерии Соьер обиделся на Россию за то, что Вы встретились сначала с лидером противоборствующей группировки Тейлором а не с ним. Почему так получилось?*

М.В. Майоров: Тогдашние власти страны были сами виноваты в этой ситуации. Мы сделали запросы одновременно и туда и туда. Получили быстрее ответ от Тейлора. Только об этом идет речь. Тейлор откликнулся моментально, и я уже был готов на следующий день после его ответа ехать туда. Вот и всё. А Соьер, тогда временный президент, они тянули с этим. Потом обиделись, почему с Тейлором с первым. Ну и в данном случае мы исходили из того, что нам нужно в интересах дела «повесить флаг», наш, что мы поддерживаем отношения и с теми, и с теми, не отдавая предпочтения. Мы говорили: «Чем мы можем вам помочь?», «В ООН помочь?». Те резолюции, то внимание, которое уделяло этому вопросу международное сообщество, шло на пользу внутреннему урегулированию. И я думаю, что мы где-то сыграли свою роль и тогда, если я не ошибаюсь были проведены президентские выборы, кстати Тейлор победил на тех выборах, это потом его арестовали. Видимо стал неугоден. Хотя, вы знаете, когда человек приходит на волне военных побед в гражданской войне, очень сложно придти незапятнанным. И я думаю, что он конечно запятнал свою репутацию. Но я ещё раз повторяю, что тогда он произвел впечатление не сумасшедшего, а нормального и вменяемого политика. Я и сейчас остаюсь при своем мнении. То, что он сейчас в гаагском трибунале...наверное он совершил какие-то преступления, безусловно.

Редакция КЖМП и МО: *Учитывая, что Вы были не только послом, но и одним из руководителей африканских отделов МИДа, хотелось бы спросить Вас вот о чём. Итак, на выборах 1997 года Чарльз Тейлор становится президентом Либерии. Ещё до того, как стать главной государства, он выражал надежду, что у России будет больше интересов в Либерии. Чем ответила Россия?*

М.В. Майоров: Для меня некоторые вещи до сих пор остаются непонятными. Постепенно мы свели на «нет» наше участие в этих делах. И насколько мне известно в либерийских делах мы больше не участвовали, к сожалению.

Редакция КЖМП и МО: *Вы упомянули, что вы были назначены чрезвычайным полномочным России послом по совместительству в Буркина-Фасо. Не могли вы рассказать о наших взаимоотношениях с Буркина-Фасо после закрытия посольства. И может быть о ваших встречах с руководителем этой страны, Блэзом Компаоре.*

М.В. Майоров: Буркина-Фасо – чрезвычайно любопытный эпизод в советско-африканских, а затем и российско-африканских отношениях. В 1983 году в Буркина-Фасо, тогда ещё Верхней Вольте, пришел к власти капитан Томас Санкара. Блэз Компаоре был ближайшим его соратником. «Красавчик Блэз», как его называли. Действительно красивый, высокий такой...

Томас Санкара произвел на меня просто неизгладимое впечатление. Я тогда принимал непосредственное участие в подготовке и проведении его визита в СССР в 1986 году. Я помню, когда Т.Санкара ехал на беседу с Горбачевым в Кремле, и он оборачивается к нам и говорит: «Как вы думаете, а мне можно там появиться с пистолетом?». Он всё время ходил с оружием. Мы ему говорим, мол вы перед входом отдайте его, зачем его вам там таскать, Михаил Сергеевич не вооружен... Это был человек, который на меня произвел впечатление открытого, незамутненного, неиспорченного человека. Я очень жалел, когда он погиб...

После его гибели президентом стал Блэз Компаоре. Именно в этот период я туда и приехал. И я не скажу, что у нас с ним были встречи каждый месяц, но раз в два года мы с ним встречались, пока я там был. И я скажу, что это были не протокольные беседы. Это был поиск того, что мы можем сделать для того, чтобы развивать наши отношения. Время было очень тяжелое, и интереса к Африке со стороны Москвы не было. И главной задачей было не утопить то, что было достигнуто. Особенно на фоне этого эволюционного взрыва, прихода к власти молодых людей, которые стремились сделать свою страну развитой в африканском масштабе.

Мы интересовались этой страной, но к сожалению потом закрыли посольство, и постепенно в нашем лексиконе осталась только Верхняя Вольта, даже не Буркина-Фасо.

Редакция КЖМП и МО: *Буркина-Фасо – это «Страна достойных людей» и далеко не каждая страна может быть названа этим именем в духовном смысле.¹*

Майоров М.В.: Да-да, мне очень импонировала эта страна, честно могу вам сказать. Интересная страна. Вообще Африка завораживает. Я для себя как-то сказал, что есть какой-то африканский «вирус», который может тебя «подцепить» и уже от Африки потом .

Редакция КЖМП и МО: *Михаил Владимирович. Вы посол одновременно в Кот-д'Ивуаре и в Буркина-Фасо. С Кот-д'Ивуаром у нас очень напряженные отношения, с их стороны нет интереса – мы сохраняем там посольство. С Буркина-Фасо у нас близкие, достаточно тесные отношения – мы закрываем там посольство. Вот как бы Вы объяснили такой подход?*

М.В. Майоров: Подход утилитарный. Что такое выбирать между Абиджаном и Уагадугу? Абиджан – это один из крупнейших аэропортов Западной Африки, морской порт может быть будет использоваться. Рядом Нигерия, рядом Гана, которая нас интересует. Ещё там интересы какао, которые сохранялись некоторое время. Думаю, что эти моменты.

А в Уагадугу политики здорово отличались от ивуарийских, у них как сейчас модно говорить «глаза горели». В Кот-д'Ивуаре этого не было, там было всё спокойно, смиренно я бы сказал. Кипения страстей там не было. Я, может быть, сейчас скажу крамолу, но было немножко скучновато. Поэтому я был очень доволен, что мне пришлось потом заниматься Либерией и Буркина-Фасо, потому что эта размеренная жизнь очень тяжело дается.

Редакция КЖМП и МО: *Михаил Владимирович, огромное вам спасибо за Ваши ответы.*

Примечание. *Более подробный рассказ о дипломатической миссии М.В.Майорова – в его книге «Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве». Москва, «Международные отношения», 2007.*

¹ Некоторые не слишком знающие люди частенько называли СССР «Буркина Фасо с ракетами», пытались унижить Советский Союз, а на самом деле, просто демонстрировали свою малограмотность.

ПРЕСТУПНЫЕ КНИГИ

Книга бывшего пресс-секретаря Международного трибунала по бывшей Югославии Флоранс Хартманн примечательна по многим основаниям.

Во-первых, эта книга написана инсайдером Гаагского трибунала и, как мог ожидать читатель, в ней должна была содержаться информация, которой нет в официальных источниках. Именно это обстоятельство и стало основанием для презентации этой книги читателю нашего журнала в 2008 году сразу после её выхода. Тогда – в рубрике «Международно-правовые мемуары».

Во-вторых, уже после выхода нашей первой рецензии, автор книги была объявлена Гаагским трибуналом преступницей. Вина Хартманн заключалась в том, что она в своей книге раскрыла конфиденциальную информацию и, таким образом, совершила преступление против правосудия.

Наконец, в-третьих, недавно, после восьми лет в течение которых Ф.Хартманн скрывалась от исполнения наказания, она, наконец, была арестована и отправлена в тюрьму. Это даёт нам основания вновь вернуться к данной книге и её автору. На этот раз в рубрике «Преступные книги». Одно дело быть оштрафованной за книгу, другое дело – сесть в тюрьму. Поэтому у нас есть все основания посмотреть на эту книгу с высоты новых фактов, прежде всего, судебного процесса против её автора. Как оказалось, такой взгляд даёт основания полагать, что наша версия о реальных мотивах мемуаров Хартманн, которую мы выдвинули более десяти лет назад, находит свои новые подтверждения.

Напомним, что Флоранс Хартманн (ФХ) с 2000 по 2006 годы занимала должность пресс-секретаря прокурора МТБЮ Карлы дель Понте. После завершения её контракта с трибуналом, осенью 2007 года, ФХ опубликовала свою книгу *Paix et Châtiment*, на страницах 120-122 которой была опубликована информация о секретных решениях, принятых судебной и Апелляционной палатами МТБЮ по делу «Прокурор против Слободана Милошевича», которая и стала основанием для привлечения автора к суду.

В июне 2009 года Ф.Хартманн предстала перед судебной палатой МТБЮ и пыталась доказать, что она не раскрыла никакого секрета, так как информация об указанных решениях трибунала уже сообщалась другими источниками. Тактика, выбранная ФХ, возможно, и сработала бы в случае любого другого журналиста. Но Хартманн была ответственным сотруд-

ником трибунала и потому её объяснения были слишком наивными для служащего *такого уровня*, и судьи вполне обоснованно не поверили ФХ.

В сентябре 2009 года судебная палата Международного трибунала по бывшей Югославии приговорила Ф.Хартманн к штрафу в размере 7 тысяч евро.

После приговора судебной палаты ФХ подала апелляцию. Ещё до объявления приговора апелляционной палаты, руководство Гаагского трибунала сняло гриф секретности с тех самых документов, решения о секретности которых было принято трибуналом. Более того, данные документы были опубликованы (правда, не самим трибуналом). Более того, данные документы были приняты в качестве доказательства в другом судебном процессе МТБЮ по делу «*Прокурор против Момчило Перичиича*» в качестве общедоступного документа. Это в некоторой степени изменило ситуацию в деле ФХ. Однако не столь радикально, как это можно было бы ожидать. Дело в том, что сами решения трибунала о том, чтобы сделать данные документы конфиденциальными рассекречены не были. А ведь именно аргументация суда были главным «откровением» в книге ФХ.

При анализе дела Ф.Хартманн возникает вопрос о реальных мотивах её действий.

Рассмотрим сначала официальную версию, выдвинутую как самой ФХ, так и трибуналом. По поводу версии Хартманн мы уже говорили. Она выглядит слишком наивной для того, чтобы быть принятой в качестве истинной. Именно так восприняли её и все судьи. Следует отметить, что в принятии решения по делу ФХ приняло участие более десятка судей трибунала (как разного состава судебных палат, так и апелляционной палаты), и все решения были приняты единогласно.

Официальное объяснение мотивов ФХ следует отличать от её защиты во время судебного процесса. Так, во время процесса она утверждала, что считала данную информацию уже известной и распространённой другими источниками, и потому не рассматривала свои действия как преступные. Однако, как мы уже отмечали, в такие рассказы может поверить только наивный. Работая в *судебном* учреждении, Хартманн не могла не проходить специальный инструктаж о конфиденциальности информации, подписания соответствующих документов и прекрасно понимала разницу между раскрытием информации другими лицами и ей лично. Кроме того, во время пребывания ФХ в трибунале, было проведено несколько судебных процессов против лиц, раскрывших секретную информацию.

Не случайно, после окончания судебного процесса Ф.Хартманн дала иное объяснение своим действиям, делая упор на свободу слова. Это объяснение мы также считаем неискрен-

ним. Основанием для такого вывода является изучение всей книги в целом. Книга содержит такое количество лжи, которое объясняет *реальный* умысел Хартманн. Ниже мы рассмотрим эту ложь и тогда дело ФХ заиграет совсем в другом свете.

Важнейшим правовым вопросом при анализе мотивов Ф.Хартманн является наличие у неё *mens rea* – то есть преступного умысла. Обвиняемая пыталась доказать, что прокурор не смог доказать наличие у неё умысла на совершение преступления. В частности, ФХ ссылалась на то, что в предыдущих делах о раскрытии секретной информации журналистами, ряд судебных палат МТБЮ прямо указал, что для установления умысла в подобного рода делах необходимо установить наличие прямого желания лица осуществить препятствие в осуществление правосудия. Именно по такому критерию судили обвиняемых Бекая и Маглов. Однако, когда трибунал судил свидетеля защиты Слободана Милошевича Косты Булатовича¹, он резко изменил свою позицию и заявил, что теперь устанавливать наличие специального умысла нет необходимости. Ф.Хартманн пала жертвой вот такой смены позиции МТБЮ и потому судебная палата, сославшись на решение апелляционной палаты по делу «*Прокурор против К.Булатовича*», просто отказалась рассматривать саму необходимость рассмотрения вопроса о наличии специального умысла.

Апелляционная палата МТБЮ признала Ф.Хартманн виновной в раскрытии конфиденциальной информации и той правовой аргументации, которая была использована судьями для обоснования данного решения. Апелляционная палата подтвердила приговор ФХ. Однако Хартманн отказалась исполнить решение суда (точнее, она выполнила его таким образом, что деньги не были реально перечислены на счёт трибунала) и в 2011 году МТБЮ заменил её приговор на семь дней тюремного заключения и издал распоряжение о том, что Франция (где та скрывалась) должна выдать Хартманн. Правительство Франции, однако, ответило отказом. И трибунал не предпринял никаких мер, проглотив данный отказ.²

Однако 24 марта 2014 года Ф.Хартманн была арестована на площади прямо перед зданием Международного трибунала по бывшей Югославии, где она занималась своим любимым делом – разыгрывала роль «борца за права человека», выражая свою радость прямо перед зданием суда по поводу вынесения приговора Радовану Караджичу. Хартманн была помещена в тюрьму МТБЮ.

Попав в тюрьму, ФХ стала жаловаться на условия её содержания. Во-первых, она возмущалась, что её содержат «в изоляции», во-вторых, что в её камере свет горит круглосуточно. Рассмотрев её иск, президент Международного остаточного механизма (к тому времени исполнением ранее вынесенных приговоров занимался уже этот институт) Т.Мерон, отклонил обе жалобы как безосновательные. Так, он заявил, что никакой изоляции не было, просто раздельное содержание мужчин и женщин является «лучшей международной практикой». Что касается постоянного света, то Мерон, в лучших традициях Гаагского трибунала ответил: «как выяснилось, в камере Хартманн есть выключатель, и она может выключить свет, когда захочет». Отсидев шесть дней, Хартманн сообщили, что она освобождается досрочно. В решении президента МОМУТ сказано, что досрочное освобождение даруется ФХ в связи с её «образцовым» (именно так сказано в решении Т.Мерона) поведением в тюрьме.

Для того, чтобы верно понять и содержание книги, и произошедшее вокруг неё, следует понимать сущность Гаагского трибунала и ту роль, которую он выполнял как в целом, так и особенно – при осуществлении агрессии НАТО против Югославии. Здесь важно выделить два аспекта: реальная роль Гаагского трибунала и реальная роль самой Хартманн.

¹ Свидетель Коста Булатович отказался давать показания суду в отсутствие обвиняемого. В xxxxxx он был приговорён к XXXх лишения свободы.

² В этой связи стоит сравнить позицию, занятую МТБЮ в данном деле с аналогичным делом в отношении трёх лиц, также обвиняемых в неуважении к трибуналу (*contempt of the court*). Если отказ Франции был проглочен в молчании, то отказ Сербии повлёк длительную истерику. На протяжении нескольких лет руководство МТБЮ требовало выдачи сербов на всех международных площадках, включая Совет Безопасности ООН. Невыдачу данных подозреваемых даже сделали основанием, якобы, даже препятствующим прекращению деятельности МТБЮ...

Первое. Гаагский трибунал *изначально* создавался для юридического «освящения» преступлений одной стороны конфликта и участия в нём западных стран. Более того, в ряде случаев МТБЮ выступал как орудие войны, которую страны НАТО вели против сербов. Подчеркнём: не только и даже не столько против Сербии, но именно против сербов, ибо главной целью МТБЮ было высшее военное и политическое руководства всех сербских образований, где бы они не находились на территории бывшей Югославии: в Сербии, в Хорватии, в Боснии и Герцеговине.

Второе. Следует понимать реальную роль пресс-секретаря МТБЮ. В отличие от романтической версии, представленной в некоторой литературе, Ф.Хартманн отнюдь не «рыцарь свободы». С самого начала югославского конфликта, она – прямой участник войны на пропагандистском фронте. Франция – прямой участник войны на Балканах и гражданка Франции Хартманн выполняет функцию оправдания этого участия самыми грязными методами, включая откровенную демонизацию сербского руководства. Роль Хартманн в Гаагском трибунале – продолжение этой войны на новом уровне. И она выполняет эту роль самым ответственным образом.

Именно в этом контексте и следует рассматривать книгу Хартманн.

Главная цель Хартманн – оправдание лжи Гаагского трибунала и тех сил, которые управляли им. Посмотрим, как она это делает.

Как опытный журналист (только ли журналист?), Ф.Хартманн применяет оригинальные методы внедрения лжи в общественное сознание. Во-первых, это форма мемуаров. Во-вторых, изложение материала в детективном стиле. В-третьих, метод мифологизации.

Конечно, мемуары всегда выглядят как некое раскрытие скрытой от глаз публики, информации. Хартманн провела множество брифингов для журналистов, но на них мало кто ходил и подчас не задавалось ни единого вопроса. Автору настоящей статьи довелось лично наблюдать пустую комнату, в котором «брифинговала» Хартманн. Другое дело – мемуары. Здесь сам закон жанра создаёт презумпцию новой, доселе неизвестной информации. Вот, например, как Хартманн имитирует «крайний риск» действий тогда главного прокурора МТБЮ Л.Арбур в момент обнародования обвинительного заключения против Слободана Милошевича:

«Но Луиза Арбур не хочет обнародовать обвинительное заключение вплоть до четверга 27 мая. Причина проста. Один из следователей трибунала находится в Белграде в составе миссии ООН во главе с С.Виейра де Мелло. Делегация покидает территорию Сербии в четверг утром. Луиза Арбур отказывается от малейшего риска».

Для того, чтобы понять, что этот риск выдуман самой Хартманн, достаточно обратиться к фактам. По словам Хартманн, прокурор МТБЮ, якобы, боялась за жизнь следователя, которого злобный Милошевич, узнав об обвинении против него, должен был уничтожить. Всё это выглядит глуповатой сказкой, если вспомнить, что всё это происходило во время бомбардировок Югославии! Но ... закон жанра обязывает! Впрочем, главное здесь в другом. Обвинительное заключение против С.Милошевича, подготовленное Л.Арбур – это исключительно лживый документ, который был не результатом какого-либо расследования, а полностью сфабрикованной фальшивкой, целью которой было прямое участие МТБЮ в бомбардировках Югославии.

Роль МТБЮ в поддержке агрессии НАТО также хорошо видна в мемуарах Хартманн:

Милошевича не пугают угрозы главного прокурора МТБЮ. 15 января 1999 года его во-йска заняли село Рачак и уничтожили сорок косовских крестьян.

Оставим в стороне вопрос о том, зачем Милошевич отдаёт приказ ворваться в какое-то село и «уничтожать крестьян». Хартманн не заботится об убедительности своих рассказов. Однако даже если рассматривать эпизод в Рачаке, так, как его представила Хартманн, то следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, Хартманн пишет о событиях в как об установленном факте. Но ведь это не так. Это всего лишь версия обвинения и судом она в качестве факта установлена не была. Читатель, впрочем, верит Хартманн. А как же, она же инсайдер трибунала, да ещё и пострадала за правду...

События в Рачаке, однако, один из критически важных эпизодов. Не случайно название этой деревни стало именем нарицательным. Рачак. Это слово само по себе стало отражением глубоких событий. В НАТОвской пропаганде – это оправдание её агрессии. В мировой истории – это пример крупной международной провокации.

Не случайно именно события в Рачаке выводятся Хартманн на первые страницы её книги. Версия прокуратуры, транслируемая Хартманн – это не только и не столько обвинение против Милошевича. Это – оправдание преступлений НАТО. Дело в том, что НАТО объявило о том, что совершит военное нападение на Югославию из-за Рачака. Таким образом, оправдание Рачака – это ключевая обязанность Хартманн. Вот как ФХ описывает агрессию НАТО против Югославии:

В ночь с 23 на 24 марта 1999 года НАТО начинает операцию союзных сил против режима в Белграде. Преступления не прекращаются, их даже становится больше. Сотни тысяч албанцев были депортированы из Косово. 26 марта Луиза Арбур предупредила Милошевича, что будет «расследовать все серьезные нарушения международного гуманитарного права, в частности, преступления против гражданского населения...».

Итак, по Хартманн – агрессия НАТО – это «операция союзных сил». И эта операция, якобы проводится «против режима в Белграде». Это очевидная ложь. Хартманн прекрасно знает, что: 1) Это агрессия. Бомбардировки проводились без санкции Совета безопасности ООН и согласно нормам международного права – это «агрессия», то есть международное преступление. 2) Агрессию совершает НАТО, а не некие «союзные силы». 3) Агрессия была совершена против гражданского населения Югославии, а не против режима.

При этом, НАТО особенно усиленно бомбит именно албанцев! Поразительно, но до сих пор этот факт остаётся малоизвестным. Но он особенно ярко проявился во время умышленной бомбёжке НАТО колонны албанских беженцев, которые возвращались в свои разрушенные деревни. Для чего это было сделано? Да потому, что это нарушало план НАТО: албанцы должны были бежать из Косово, создавая картинку массового изгнания, а эти идиоты решили возвращаться!!!

Может быть, Хартманн этого не знает? Не может не знать. Все свидетельства переданы Югославией и в МТБЮ, и в Международный Суд ООН (МС ООН). Все документы публичные. Наконец, все эти факты были официально представлены на судебном процессе против С.Милошевича. Для того, чтобы верно понять реальный смысл и книги ФХ и всего того, что произошло вокруг неё, следует обратить внимание на два факта. Во-первых, она сообщает о неких секретных событиях, доказать которые не может и, во-вторых, она «не видит» те факты, которые официально происходят в трибунале.

Второе обстоятельство критически важный фактор для определения *mens rea* (умысла) ФХ. Утверждается, что бесстрашная Хартманн рисковала своей свободой защиты бедных жертв нарушений прав человека. Но тогда почему сердце Хартманн молчит в отношении жертв НАТО? Она о них знает. Но она молчит. Впрочем нет, не молчит. Она прямым образом оправдывает гибель тысяч людей. Это ведь сербы. А она защищает только мусульман и хорватов. В соответствии с политикой и трибунала, и НАТО. А значит, никакие гуманитарные соображения не являются реальной причиной действий Хартманн.

Для того, чтобы скрыть роль МТБЮ в поддержке агрессии НАТО против Югославии Хартманн активно занимается мифотворчеством. Прежде всего, созданием мифа о «независимости» прокуроров МТБЮ Луизы Арбур и Карлы дель Понте. Вот пример такого мифотворчества:

Луиза Арбур предварительно никого не уведомила о своем решении. Она отказалась от консультаций с великими державами из-за опасения, что те могут оказать на нее давление. Сообщила об этом только нескольким близким соратникам. Но многие еще взвешивают «за» и «против», а некоторые просто боятся. ... «Обвинение может поставить под угрозу перспективы достижения мира», – сказал посол из Москвы, который специально прибыл в Гаагу. Луиза Арбур пожимает плечами. То же самое делает и перед американцами, которые берут на себя инициативу и терпеливо ждут благоприятного момента. «Я полагаю, что Мадлен Олбрайт не должна меня искать», – заявляет она одному из американских участников переговоров, который предлагает организовать ее разговор по телефону с государственным секретарем США. В любом случае, поздно – обвинительное заключение уже подписано.

Хартманн – официальный представитель органа, который выступил орудием войны. Применение права в качестве орудия войны – явление не новое, но степень его активности в последние десятилетия и даже годы стала таковой, что в научном лексиконе появился новый термин *lawfare*.¹ Выдвижение обвинительного акта Международным трибуналом по бывшей Югославии – это начало нового этапа *lawfare*, когда его орудием впервые выступил международный уголовный суд. Таким образом, «мемуары» Хартманн имеют большое значение для оправдания и этой войны. Нам предлагается поверить, что государства были против обвинения С.Милошевича, и лишь одна-единёхонька (даже среди сотрудников своего офиса) Луиза Арбур осмелилась это сделать. Неужели эта та же самая Луиза Арбур, которая на вопрос о том, почему её офис проводит эксгумации только хорватов и мусульман, но не сербов, ответила, что на сербов она не получила финансирования? На кого рассчитан этот бред Хартманн?...

Но главная «жемчужина» книги Ф.Хартманн, конечно – утечка информации о протоколах Высшего Совета обороны Югославии (ВСО), в которых, якобы, содержится информация, доказывающая вину высшего политического и военного руководства Югославии в совершении преступлений и, прежде всего, С.Милошевича. Именно за эту «утечку» гаагский трибунал и осудил Хартманн.

¹ Перевод данного термина на русский язык представляется затруднительным в связи с тем, что его возникновение связано с игрой слов именно на английском языке, а именно сходства звучания между словами *warfare* и *lawfare*.

И, наконец, вот она – главная ложь. Вот они – те самые страницы 120-122... Вот оно – преступление Флоранс Хартманн:

Принимая решение засекретить стенограммы Высшего Совета обороны Югославии, судебная палата в деле Слободана Милошевича исходила из того, что если содержание документов будет обнародовано, это может нанести ущерб Сербии в другом деле, которое тогда параллельно рассматривалось Международным Судом ООН. Судьи согласились с аргументом, представленным Сербией, что опубликование стенограмм может стать «препятствием в восстановлении и поддержании мира». Таким образом, судьи Ричард Мэй, Патрик Робинсон О-Гон Квон, стали соучастниками лжи, скрыв это под аргументом необходимости защитить «жизненно важные национальные интересы государства». В конце сентября 2005 года представилась возможность пересмотреть данное решение. Апелляционная палата трибунала постановила, что аргумент Сербии о «жизненно важных национальных интересах государства» для предотвращения осуждения государства в Международном Суде ООН не является относимым к делу. Таким образом, Апелляционная палата признала, что судебная палата в деле Слободана Милошевича совершила ошибку, ранее приняв данный аргумент. Однако вместо того, чтобы исправить эту ошибку, Апелляционная палата сохранила статус секретности для стенограмм ВСО, обосновав это другим аргументом, а именно теорией «обоснованных и законных ожиданий». Таким образом, теперь уже пять членов Апелляционной палаты стали сообщниками той манипуляции, которую организовал Белград....

Почему данный текст является насквозь лживым? Всё просто. Опубликованные стенограммы Высшего Совета обороны Югославии показывают, что они не содержат никаких доказательств вины ни С.Милошевича, ни М.Перишича, ни в целом высшего руководства Югославии. Читатель может сам убедиться в этом.¹

Таким образом, получается, что МТБЮ – создатель, а Хартманн – распространитель ложной информации. **И действуют они заодно.** Трибунал не смог доказать вину Слободана Милошевича² и потому трибуналу было необходимо создать впечатление о том, что лишь смерть бывшего руководителя Югославии помешала им это сделать.

В обвинительном заключении прокурора МТБЮ по делу Хартманн среди обстоятельств, смягчающих вину, было указано, что книга не имела успеха. Воздержимся от комментария столь странной правовой характеристики, однако, неуспех книги ФХ – несмотря на всю рекламу! – важный фактор в данном деле. Нет, мы не думаем, что мадам Хартманн придумала и осуществила свой рекламный ход для получения большего дохода (хотя личный доход от её «разоблачений» предусматривался, ведь она это сделала не в бесплатном интервью, а в книге, которую должны были покупать!). Однако рекламный ход здесь просматривается с очевидностью. Весь вопрос в том, кто заказчик и что рекламировали?

Сама логика мемуаров Хартманн заставляет читателя полагать, что бывший пресс-секретарь трибунала видела те документы, о которых она сообщает и которые она так громко критикует. Однако это совсем не так. Во время следствия и судебного процесса над Хартманн, она заявила, что никогда не видела секретных документов. Это относится как к самим стенограммам ВСО Югославии, так и решениям судебной и апелляционной палат МТБЮ. Получается, что Хартманн не знает о чём она пишет. Но ни специально назначенный для дела ФХ прокурор, ни судьи удивительным образом решили не расследовать вопрос о том, откуда же ФХ получила раскрытую в её книге информацию. Ведь по природе своей работы пресс-секретарь не должна иметь доступа к секретной информации. Если это конфиденциальные материалы – нет задачи сообщать что-либо прессе. Значит, существует два варианта: Хартманн, в нарушение правил получила такой доступ и необходимо расследование этой первоначальной утечки, либо ФХ говорит то, о чём она, на самом деле, не знает. Однако

¹ <http://www.sense-agency.com/home/icty.59.html>

² Кстати, лживость утверждений о наличии доказательств вины в стенограммах ВСО видна и в истории другого дела. Начальник Генерального штаба армии Югославии Момчило Перишич, в деле которого документы ВСО принимаются в качестве «доказательства», был оправдан по всем пунктам обвинения тем же МТБЮ.

суд странным образом, исходит из того, что с одной стороны, отказывается от расследования первоначальной утечки и, с другой стороны, публично признаёт достоверность информации, опубликованной в книге ФХ.

Книга Хартманн не была изъята из продажи. Это верный признак того, что состоявшийся процесс является спектаклем. Хорошим или нет – это на вкус зрителя. Хотя следует признать, что всё было разыграно на высоком профессиональном уровне. Речь, конечно, не о юридическом профессионализме, а театральном.

Главное в этой истории то, что понятны цели спектакля: пропаганда книги Хартманн, точнее, той информации, которая была запущена через книгу Хартманн. Эта информация получила максимальное внимание, с одной стороны, и столь необычное юридическое «освящение» этой «утки» со стороны суда.

Таким образом, нет сомнений в том, что книга Ф.Хартманн – обычная пропагандистская агитка с весьма грязными целями. И потому посвящение этой книги в нашей рубрике «Преступная книга» вполне оправдано. И не столько потому, что за неё автора преследовал Гаагский трибунал, а потому, что книга Ф.Хартманн, как и сама автор – участник грязной войны. Участник более опасный и подлый, потому что *её главная цель* в том, чтобы объявить преступниками тех, кого кто защищал свою страну и свой народ, и кого так не удалось осудить трибуналу. А главное – оправдать реальных преступников.

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О мерах воздействия (противодействия)
на недружественные действия Соединенных Штатов Америки
и иных иностранных государств**

*Принят Государственной Думой 22 мая 2018 года
Одобен Советом Федерации 30 мая 2018 года*

Статья 1. Цель и сфера применения настоящего Федерального закона

1. Целью настоящего Федерального закона является защита интересов и безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод граждан Российской Федерации от недружественных действий Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств, в том числе выражающихся во введении политических или

экономических санкций в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, в совершении других действий, представляющих угрозу территориальной целостности Российской Федерации или направленных на экономическую и политическую дестабилизацию Российской Федерации.

2. Меры воздействия (противодействия), направленные на достижение цели, указанной в части 1 настоящей статьи (далее – меры воздействия (противодействия)), могут применяться в отношении Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (далее – недружественные иностранные государства), а также в отношении организаций, находящихся под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольных недружественным иностранным государствам или аффилированных с ними, должностных лиц и граждан недружественных иностранных государств в случае, если данные организации, должностные лица и граждане причастны к совершению недружественных действий в отношении Российской Федерации.

3. Меры воздействия (противодействия) вводятся независимо от других мер, направленных на устранение или минимизацию угрозы интересам и безопасности Российской Федерации, ее суверенитету и территориальной целостности, угрозы нарушений прав и свобод граждан Российской Федерации.

4. Реализация мер воздействия (противодействия) обязательна для государственных органов, органов местного самоуправления, а также для граждан Российской Федерации и находящихся под юрисдикцией Российской Федерации юридических лиц.

Статья 2. Меры воздействия (противодействия)

В качестве мер воздействия (противодействия) могут применяться:

1) прекращение или приостановление международного сотрудничества Российской Федерации, российских юридических лиц с недружественными иностранными государствами, организациями, находящимися под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольными недружественным иностранным государствам или аффилированными с ними, в отраслях в соответствии с решением Президента Российской Федерации;

2) запрет или ограничение на ввоз на территорию Российской Федерации продукции и (или) сырья, странами происхождения которых являются недружественные иностранные государства либо производителями которых являются организации, находящиеся под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольные недружественным иностранным государствам или аффилированные с ними. Перечень таких продукции и (или) сырья определяется Правительством Российской Федерации;

3) запрет или ограничение на вывоз с территории Российской Федерации продукции и (или) сырья организациями, находящимися под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольными недружественным иностранным государствам или аффилированными с ними, гражданами недружественных иностранных государств. Перечень таких продукции и (или) сырья определяется Правительством Российской Федерации;

4) запрет или ограничение на выполнение работ, оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также нужд отдельных видов юридических лиц, указанных в части 2 статьи 1 Федерального закона от 18 июля 2011 года N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», на территории Российской Федерации организациями, находящимися под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольными недружественным иностранным государствам или аффилированными с ними. Перечень видов таких работ, услуг определяется Правительством Российской Федерации;

5) запрет или ограничение на участие организаций, находящихся под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольных недружественным иностранным государствам или аффилированных с ними, граждан недружественных иностранных государств в приватизации государственного или муниципального имущества, а также в выполнении ими работ, оказании ими услуг по организации от имени Российской Федерации продажи федерального имущества и (или) осуществлению функций продавца федерального имущества;

6) иные меры в соответствии с решением Президента Российской Федерации.

Статья 3. Порядок введения мер воздействия (противодействия)

1. Меры воздействия (противодействия) вводятся Правительством Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации.

2. Меры воздействия (противодействия) подлежат отмене Правительством Российской Федерации по решению Президента Российской Федерации в случае устранения обстоятельств, послуживших основанием для их введения.

3. Решения о введении мер воздействия (противодействия) и об их отмене также могут быть приняты Президентом Российской Федерации на основе предложений Совета Безопасности Российской Федерации.

Статья 4. Особенности применения настоящего Федерального закона

1. В случае применения недружественными иностранными государствами национального режима, предусмотренного международными договорами, в отношении товаров, происходящих из Российской Федерации, работ, выполняемых российскими лицами, услуг, оказываемых российскими лицами, и (или) установления изъятий из него Президент Российской Федерации может принять решение о применении Российской Федерацией национального режима в отношении товаров, происходящих из недружественных иностранных государств, работ, выполняемых организациями, находящимися под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольными недружественным иностранным государствам или аффилированными с ними, гражданами недружественных иностранных государств, услуг, оказываемых организациями, находящимися под юрисдикцией недружественных иностранных государств, прямо или косвенно подконтрольными недружественным иностранным государствам или аффилированными с ними, гражданами недружественных иностранных государств, и (или) об установлении изъятий из такого режима.

2. Меры воздействия (противодействия), предусмотренные пунктом 2 статьи 2 настоящего Федерального закона, не применяются в отношении жизненно необходимых товаров, аналоги которых не производятся в Российской Федерации.

3. Меры воздействия (противодействия), предусмотренные пунктом 2 статьи 2 настоящего Федерального закона, не применяются в отношении товаров, ввозимых на территорию Российской Федерации гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства для личного пользования.

Статья 5. Вступление в силу настоящего Федерального закона

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации В.Путин
Москва, Кремль
4 июня 2018 года
N 127-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О приостановлении Российской Федерацией действия
Договора между Союзом Советских Социалистических Республик
и Соединенными Штатами Америки
о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности**

Принят Государственной Думой	18 июня 2019 года
Одобен Советом Федерации	26 июня 2019 года

Статья 1

Приостановить действие Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, подписанного в городе Вашингтоне 8 декабря 1987 года.

Статья 2

Решение о возобновлении Российской Федерацией действия Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней

2

дальности и меньшей дальности принимается Президентом Российской Федерации.

Статья 3

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
3 июля 2019 года
№ 156-ФЗ

**Заявление МИД России
о выходе США из Договора о РСМД и прекращении его действия**

2 августа 2019 года завершилась процедура выхода США из Договора о РСМД, в результате чего данное соглашение прекратило своё действие.

В Вашингтоне совершили серьёзнейшую ошибку. Запустив пропагандистскую кампанию, в основу которой была положена заведомая дезинформация относительно якобы совершённых Россией нарушений ДРСМД, США преднамеренно создали вокруг Договора практически непреодолимый кризис. Причина понятна: в США захотели избавиться от установленных им ограничений.

На протяжении многих лет Вашингтон полностью игнорировал серьёзные российские озабоченности тем, как он сам выполнял ДРСМД. Между тем, уже одно размещение на военных базах США в Европе пусковых установок «Мк-41», способных запускать крылатые ракеты средней дальности, – грубейшее нарушение Договора.

Вместо предметного и профессионального разбора встречных претензий американская сторона выдвинула России заведомо неприемлемые ультимативные требования. Были отвергнуты все предложенные нами реалистичные развязки на основе мер взаимной транспарентности, способные привести к урегулированию имевшихся проблем.

Представители США лицемерно прикрывались рассуждениями, что ДРСМД устарел и в него требуется «вовлечь третьи страны». Хотя нельзя не отдавать себе отчёт в том, что эти государства не готовы брать на себя соответствующие договорные обязательства.

Таким образом, целенаправленными действиями США была сначала подорвана жизнеспособность ДРСМД, а затем созданы условия для его окончательного развала. Вашингтон поступает так не в первый раз. Столь неадекватное поведение США уходит корнями в конец 1990-х годов, когда принималось решение о сломе Договора по ПРО, на который американская сторона пошла вопреки настойчивым призывам со стороны мирового сообщества.

Денонсация ДРСМД подтверждает, что в США взят курс на разрушение всех не устраивающих их по тем или иным причинам международных соглашений. Это ведёт к фактическому демонтажу существующей системы контроля над вооружениями.

Прекращение действия Договора о РСМД в результате выхода из него Вашингтона требует безотлагательных мер по стабилизации ситуации и сохранению должного уровня предсказуемости в отношениях России и США. Наша страна прошла свою часть пути. Мы уже ввели односторонний мораторий и не будем развёртывать наземные ракеты средней и меньшей дальности, если у нас такие появятся, в тех регионах, где не будут размещаться американские РСМД.

Призываем США отказаться от развёртывания создаваемых ими ракет указанных классов, о чём, к сожалению, активно заговорили в Пентагоне, и последовать примеру России, предприняв все необходимые шаги в целях обеспечения глобальной стабильности и предсказуемости. В противном случае вся ответственность за рост напряжённости в мире ляжет на Вашингтон.

Россия остаётся открытой к равноправному и конструктивному диалогу с США относительно восстановления доверия и укрепления международной безопасности. Надеемся на ответственный подход американской стороны.

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

1. О российской инициативе по международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма	104
2. О российском проекте резолюции «Целостность судебной системы» в Совете ООН по правам человека	105
3. О российском проекте резолюции «Поддержка Международного комитета по контролю над наркотиками в деле выполнения его роли, закрепленной в международных договорах» 2019 г.	106
4. О принятии российском проекте резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по противодействию информационной преступности	108

1. О российской инициативе по международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма

1 марта 2016 г. на Конференции по разоружению (КР) в Женеве Министром иностранных дел С.В.Лавровым была представлена новая российская инициатива по разработке международной конвенции о борьбе с актами химического терроризма, которая призвана укрепить международно-правовую базу противодействия ОМУ-терроризму, а также запустить на КР переговорную работу в соответствии с мандатом форума.

Основанием для выдвижения инициативы стали имеющиеся в международном праве пробелы, не позволяющие оперативно и эффективно реагировать на качественно новую угрозу ОМУ-терроризма, приобретающую все более масштабный, системный и трансграничный характер. Антитеррористические положения, содержащиеся в таких международных инструментах, как Конвенция о запрещении химического оружия, Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, резолюция СБ ООН 1540 и др., ограничены в применении, поскольку ориентированы на специфические цели, ради достижения которых и вырабатывались эти инструменты. Предлагаемая Россией международная конвенция является многопрофильной в плане решаемых ею задач, т.к. находится на стыке нераспространения, разоружения, и антитеррористических усилий.

Идея вызвала повышенный интерес у остальных участников КР. Анализ высказанных ими соображений показывает, что убедительных возражений против нашего предложения нет. Это связано с его неконфронтационным характером. Разработка такой конвенции не ущемляет интересов ни одного государства при том, что конечный продукт будет способствовать укреплению безопасности всех без исключения государств на национальном, региональном и глобальном уровнях.

С учетом конструктивных замечаний ряда государств (включая Китай, Италию и Швецию) в конце марта 2016 г. нами принято решение о расширении охвата будущей конвенции путем распространения ее на биотерроризм. Теперь речь идет о международной конвенции по борьбе с актами химического и биологического терроризма – МКХБТ. Расширение охвата инициативы повысило ее «добавленную стоимость», сделало еще более обоснованной ее привязку к КР, где и были разработаны КБТО (более 40 лет назад) и КЗХО (более 20 лет назад).

В период с марта по август 2016 г. распространили на КР в качестве официальных документов форума три пояснительных записки с развернутым обоснованием актуальности и своевременности МКХБТ и безальтернативности выбора КР в качестве форума для проведения соответствующей переговорной работы, а также необходимости выработки именно самостоятельного юридически обязывающего инструмента. Нами также внесен на рассмотрение КР

новый проект элементов будущей конвенции, учитывающий биологическую составляющую. Документы подготовлены с учетом откликов от государств.

Стоит отметить, что в пользу инициативы по МКХБТ на этапе её внесения выступили 24 государства (т.е. более трети государств – участников КР): Аргентина, Австрия, Белоруссия, Венесуэла, Индия, Иран, Испания, Италия, Казахстан, Китай, КНДР, Куба, Лаос, Марокко, Мьянма, Нигерия, Пакистан, Перу, Сирия, Словакия, Швейцария, Эфиопия, Эквадор, ЮАР. Кроме того, многие другие государства, включая западные, готовы были бы присоединиться к консенсусу по МКХБТ, если таковой будет складываться.

Вплоть до завершения сессии КР 2016 г. Усилия России были сосредоточены на скорейшем согласовании её Программы работы (ПР), предусматривающей в т.ч. начало переговоров по МКХБТ. 4 августа 2016 г. на пленарном заседании КР нами было внесено предложение по ПР, комбинирующее британскую идею дискуссионного мандата по тематике ядерного разоружения с нашим предложением о разработке элементов МКХБТ.

МКХБТ оставалась приоритетом России и на сессии КР 2017 г. В ходе российского председательства на КР (20 февраля – 17 марта 2017 г.) российская делегация на КР провела несколько раундов неофициальных консультаций как по самой инициативе, так и по нашему предложению по ПР. С учётом того, что консенсус по нашему варианту ПР не складывался, от официального внесения её проекта воздержались. В ходе пленарных заседаний КР, а также консультаций в 2017 г. ряд государств не только подтвердили свою поддержку МКХБТ, но обстоятельно разъясняли актуальность поднятой нами темы, её востребованность как в плане борьбы с ОМУ-терроризмом, так и с точки зрения восстановления жизнеспособности КР.

2. О российском проекте резолюции «Целостность судебной системы» в Совете ООН по правам человека

В феврале 2018 г. на 37-й сессии Совета ООН по правам человека Россия внесла проект обновленной резолюции «Целостность судебной системы», направленной на укрепление международных гарантий отправления справедливого и беспристрастного правосудия для всех.

22 марта Совет ООН по правам человека в ходе своей 37-й сессии голосованием принял российский проект. Соавторами документа стали впоследствии также ещё ряд государств: Белоруссия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Казахстан, Киргизия, Китай, Куба, ОАЭ, Сирия, Таджикистан и Эфиопия.

В резолюции содержится призыв к государствам, в которых имеются военные суды или трибуналы по расследованию уголовных дел, обеспечить, чтобы эти органы были неотъемлемой частью национальной судебной системы и применяли принципы судопроизводства, закрепленные на международном уровне в качестве гарантий справедливого правосудия. Каждое лицо под юрисдикцией любого государства должно пользоваться правом на признание его правосубъектности и иметь доступ на общих основаниях к судебной системе, функционирующей на основе принципов уважения к правам человека и демократии.

Отступления от этих критериев ведут к серьезным и системным нарушениям прав человека. Яркий тому пример – тюрьма на военной базе США в Гуантанамо, где к содержащимся без суда и следствия заключенным регулярно применялись и продолжают применяться пытки. В этой связи глубокую озабоченность вызывает недавнее решение администрации в Вашингтоне отказаться от ранее выраженного намерения ликвидировать эту тюрьму.

Резолюция призывает государства к незамедлительному закрытию всех секретных пенитенциарных учреждений, находящихся под их юрисдикцией или контролем, а также к безотлагательному независимому и беспристрастному расследованию всех случаев так называемых чрезвычайных выдач, секретного содержания под стражей, пыток и жестокого обращения, в том числе под предлогом борьбы с терроризмом. Акцентируется необходимость привлечения к ответственности всех лиц, причастных к санкционированию или осуществлению этих преступлений, включая тех, кто занимал или занимает высшие государственные должности.

Россия выразила разочарование позицией проголосовавших против данной резолюции делегаций США и Грузии, а также ряда государств-членов Евросоюза, воздержавшихся при голосовании. Такое демонстративное пренебрежение принципами справедливого правосудия и, главное, гуманизма свидетельствует об истинном отношении этих стран к поощрению и защите прав человека в мире.

Россия призвала международное сообщество, неправительственные правозащитные организации, специальные процедуры Совета ООН по правам человека и Верховного комиссара ООН по правам человека добиваться от США, Великобритании и других участников «глобальной антитеррористической коалиции» раскрытия всей информации о совершенных ими и их союзниками в ходе «войны с террором» нарушениях прав человека, проведения объективного и беспристрастного расследования всех инцидентов и привлечения к ответственности виновных.

3. О российском проекте резолюции «Поддержка Международного комитета по контролю над наркотиками в деле выполнения его роли, закрепленной в международных договорах»

В марте 2019 г. на 62-й сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам российская делегация внесла проект резолюции «Поддержка Международного комитета по контролю над наркотиками в деле выполнения его роли, закрепленной в международных договорах». В проекте, в частности, говорится:

Комиссия по наркотическим средствам,

учитывая постоянную озабоченность всех государств-членов вопросами обеспечения уважения прав и обязательств, вытекающих из международных договоров, участниками которых они являются,

подчеркивая, что Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года, Конвенция о психотропных веществах 1971 года и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года составляют краеугольный камень системы международного контроля над наркотиками и образуют правовую основу для международного сотрудничества в решении мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней,

с удовлетворением напоминая о том, что три конвенции о контроле над наркотиками относятся к числу наиболее широко ратифицированных международных документов, имеющих обязательную юридическую силу, к которым присоединились практически все страны мира, что отражает воплощенный в них широкий международный консенсус,

подчеркивая, что всеобщее присоединение к конвенциям о контроле над наркотиками и их полное и эффективное осуществление всеми государствами-участниками в духе доброй воли имеют ключевое значение для функционирования международной системы контроля над наркотиками,

напоминая о том, что общее обязательство государств – участников конвенций о контроле над наркотиками состоит в том, чтобы принимать такие законодательные и административные меры, какие могут потребоваться в соответствии с положениями этих конвенций, чтобы ограничить исключительно медицинскими и научными целями производство, изготовление, вывоз, ввоз, распределение психоактивных средств, торговлю ими и их использование и хранение, предотвращая при этом утечку психоактивных средств и злоупотребление ими,

выражая глубокое беспокойство в связи с легализацией немедицинского использования определенных психоактивных средств в некоторых регионах, которая представляет собой вызов всеобщему осуществлению конвенций о контроле над наркотиками, вызов здоровью и благополучию населения, особенно молодежи, и вызов государствам – участникам этих конвенций,

отмечая с беспокойством, что снабжение контролируемые на международном уровне психоактивными средствами для использования в медицинских и научных целях, в том числе для облегчения боли и страданий, остается на низком уровне или отсутствует во многих странах, и обращая особое внимание на необходимость расширять национальные усилия и международное сотрудничество на всех уровнях для урегулирования этой ситуации путем содействия принятию мер по обеспечению наличия и ценовой и физической доступности психоактивных средств для медицинских и научных целей в рамках национальных правовых систем, предотвращая при этом немедицинское и ненадлежащее использование и незаконный оборот контролируемых психоактивных средств, для достижения целей и выполнения задач и положений трех международных конвенций о контроле над наркотиками,

признавая важную закрепленную в договорах роль Международного комитета по контролю над наркотиками как независимого квазисудебного органа, отвечающего за мониторинг и поощрение соблюдения государствами-членами положений конвенций о контроле над наркотиками,

1. *с удовлетворением отмечает* неустанные усилия Международного комитета по контролю над наркотиками по оказанию правительствам помощи в решении все более сложных, сохраняющихся и новых задач, связанных с мировой проблемой наркотиков, посредством полного и последовательного осуществления положений международных конвенций о контроле над наркотиками;

2. *призывает* государства-члены продолжать развивать диалог с Комитетом, в том числе посредством регулярных консультаций и его страновых миссий, в целях улучшения понимания и выполнения своих правовых обязательств согласно конвенциям о контроле над наркотиками;

3. *настоятельно призывает* государства, которые еще не сделали этого, рассмотреть вопрос о ратификации конвенций о контроле над наркотиками или присоединении к ним, а также настоятельно призывает государства-участники осуществить в первоочередном порядке все положения этих конвенций;

4. *с удовлетворением отмечает* усилия Комитета по достижению всеобщего присоединения к конвенциям о контроле над наркотиками и обеспечению их выполнения всеми государствами-участниками в духе доброй воли путем применения, в надлежащих случаях, различных средств, предусмотренных в конвенциях;

5. *вновь подтверждает* свою решимость укреплять налаженный с Комитетом диалог по вопросам осуществления конвенций о контроле над наркотиками и продолжать обращать внимание Комитета на любые вопросы, которые могут иметь отношение к его предусмотренным договорами функциям;

6. *предлагает* Комитету продолжать активно выполнять свой мандат, изложенный в конвенциях о контроле над наркотиками, и регулярно информировать Комиссию о положении с осуществлением конвенций в мире с целью укрепления глобальной системы контроля над наркотиками путем осуществления совместных действий на международном уровне;

7. *также предлагает* Комитету, при условии наличия внебюджетных ресурсов и по соответствующей просьбе, предоставлять государствам-членам помощь в форме наращивания потенциала, рекомендации и техническую помощь, в том числе через проект «Обучение», Международную систему разрешений на ввоз и вывоз, Онлайн-систему предварительного уведомления об экспорте, Систему сообщений о случаях, связанных с прекурсорами, и другие инициативы Комитета, в целях содействия осуществлению государствами нормативных аспектов конвенций о контроле над наркотиками;

8. *выражает озабоченность* в связи с финансовым положением Комитета, подчеркивает необходимость предоставлять Комитету ресурсы в достаточном объеме и на предсказуемой и стабильной основе для выполнения его функций, предусмотренных международными договорами, и просит Генерального секретаря обеспечить, чтобы Комитет располагал достаточными ресурсами для полного и эффективного выполнения своих функций, предусмотренных

между-народными договорами, включая мониторинг осуществления и соблюдения междуна-родных договоров, в частности, путем укрепления потенциала Комитета для проведения ис-следований и анализа в области права.

4. О принятии российского проекта Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по противодействию информационной преступности

17 декабря 2018 года Генеральной Ассамблеей ООН большинством голосов принята рос-сийская резолюция «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях». За проголосовали 94 государства, против – 59, воздержали-сь – 33.¹

Ключевая задача российской инициативы – запуск широкой транспарентной политиче-ской дискуссии по противодействию информпреступности, поиск и формулирование ответа на один из актуальных вызовов современности. Резолюция направлена на достижение гло-бального консенсуса и выработку конкретных практических решений в сфере борьбы с кибер-преступностью в условиях отсутствия действенных международно-правовых инструментов.

Эти идеи получили широкую поддержку международного сообщества. Соавторами ре-золюции стали 36 государств, среди которых все наши партнеры по БРИКС, ШОС, ОДКБ. В пользу ее принятия выступило большинство развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Однако продвижение российской инициативы не было простым. Наиболее яростное со-противление российскому проекту ещё во время обсуждения в Третьем Комитете ГА ООН оказали США и Европейский Союз.

Так, представитель США, выступая во время обсуждения проекта РФ в Третьем Коми-тете ГА ООН, заявил, что Соединённые Штаты глубоко разочарована решением России «про-толкнуть» данный проект резолюции. «После нескольких раундов неофициальных консульта-ций, которые носили ограниченный характер и были специально сделаны непрозрачными, – заявил американский представитель, – делегация Российской Федерации не приняла никаких существенных изменений, которые другие делегации предложили внести в первый проект резолюции». Делегат США также выразил «серьезную озабоченность» в отношении текст проекта: «В своей резолюции 65/230 Генеральная Ассамблея просила Комиссию по пред-упреждению преступности и уголовному правосудию учредить группу экспертов для про-ведения исследования проблемы киберпреступности и для разработки мер реагирования на нее. С момента своего создания межправительственная группа экспертов открытого состава

¹ Голосовали ЗА: Алжир, Ангола, Армения, Азербайджан, Бахрейн, Беларусь, Белиз, Бенин, Бутан, Боли-вия, Ботсвана, Бразилия, Бруней, Буркина-Фасо, Бурунди, Камбоджа, Камерун, Чад, Китай, Конго, Кот-д’Ивуар, Куба, КНДР, Доминика, Эквадор, Египет, Сальвадор, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Габон, Гвинея, Гвинея-Бисау, Индия, Индонезия, Иран, Ирак, Ямайка, Иордания, Казахстан, Кения, Кувейт, Кыргызстан, Лаос, Ливан, Ливия, Мадагаскар, Малави, Малайзия, Мальдивские Острова, Мали, Мавритания, Монголия, Марокко, Мозамбик, Мьянма, Намибия, Непал, Никарагуа, Нигер, Нигерия, Оман, Пакистан, Палау, Катар, Российская Фе-дерация, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, Сербия, Сейшельские Острова, Сингапур, Сомали, Южная Африка, Южный Судан, Шри-Ланка, Судан, Суринам, Сирийская Арабская Республика, Таджикистан, Таиланд, Того, Туркменистан, Уганда, ОАЭ, Танзания, Узбекистан, Венесуэла, Вьетнам, Йемен, Замбия, Зимбабве.

Голосовали ПРОТИВ: Албания, Андорра, Австралия, Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Болгария, Канада, Чили, Хорватия, Кипр, Чешская Республика, Дания, Доминиканская Республика, Эстония, Финляндия, Франция, Грузия, Германия, Греция, Гондурас, Венгрия, Исландия, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Кириба-ти, Латвия, Лихтенштейн, Литва, Люксембург, Мальта, Маршалловы Острова, Микронезия, Монако, Черногория, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Польша, Португалия, Республика Корея, Республика Молдова, Румыния, Сан-Марино, Словакия, Словения, Соломоновы Острова, Испания, Швеция, Швейцария, бывшая югос-лавская Республика Македония, Тонга, Украина, Великобритания, США, Вануату.

ВОЗДЕРЖАЛИСЬ: Антигуа и Барбуда, Аргентина, Багамские Острова, Бангладеш, Барбадос, Кабо-Верде, Колумбия, Коста-Рика, Демократическая Республика Конго, Джибути, Фиджи, Гамбия, Гана, Гренада, Гватемала, Гайана, Гаити, Лесото, Либерия, Маврикий, Мексика, Науру, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай, Перу, Филиппины, Руанда, Самоа, Сенегал, Восточный Тимор, Турция, Тувалу, Уругвай.

по киберпреступности провела четыре совещания. В этом контексте проект резолюции, как представляется, направлен на политизацию, поляризацию и подрыв текущих предметных дискуссий по вопросам политики в сфере киберпространства, которые уже ведутся в Организации Объединенных Наций, а также на подрыв способности экспертов правоохранительных органов обмениваться информацией друг с другом».

Делегат США выразил «обеспокоенность» тем, что «некоторые страны намерены использовать новый пункт повестки дня Третьего комитета о киберпреступности для того, чтобы начать переговоры по новому глобальному договору о киберпространстве, который подорвет существующие договоры, такие как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенция о киберпреступности. На предыдущей сессии Генеральной Ассамблеи Российская Федерация распространила аналогичный проект договора, который не получил положительного отклика со стороны государств-членов. Кроме того, на совещаниях межправительственной группы экспертов, проводившихся с 2011 года, не было достигнуто консенсуса относительно необходимости заключения нового договора ООН о киберпространстве. В связи с этим вызывает удивление, что некоторые государства-члены, которые выступали в качестве лидеров в рамках межправительственной группы экспертов, решили подорвать ее работу, поддерживая данный проект резолюции».

Не удержался представитель США и от очередной порции диффамации: «Российская Федерация вносит проект резолюции, направленный, как утверждается, на борьбу с киберпреступностью, спустя всего несколько недель после того, как она была уличена в совершении кибератаки на Организацию по запрещению химического оружия, в связи с чем возникают серьезные вопросы относительно подлинных намерений России как автора данного проекта резолюции. С учетом того, что Российская Федерация использует информационно-коммуникационные технологии преступным образом в целях подрыва репутации и авторитета учреждений, включая международные организации, а также суверенных демократических процессов в государствах-членах, она не может быть подходящим автором для того, чтобы играть ведущую роль в этой области».

Таким образом, представитель США заявил, что будет голосовать против данного проекта резолюции и «настоятельно призвал» все другие государства-члены поступить аналогичным образом, с тем «чтобы не допустить подрыва других многосторонних процессов борьбы с киберпреступностью».

Представитель Австрии, выступая от имени Европейского союза и его государств-членов, заявил включение в повестку дня Генеральной Ассамблеи нового пункта о киберпреступности, как это предлагается в проекте резолюции, приведет к дублированию дискуссий, которые уже проводятся экспертными органами Организации Объединенных Наций. Он также выразил обеспокоенность «конфронтационным и неинклюзивным подходом, из-за которого подавляющее большинство государств-членов было лишено возможности внести свой вклад в дискуссии».

«Фактически в ходе состоявшихся неофициальных консультаций не было рассмотрено ни одно из предложений, внесенных Европейским союзом, – заявил австрийский представитель. Такой подход вызывает особое сожаление, учитывая, что в соответствии с обычной процедурой вопросы преступности согласовываются в рамках ежегодной сводной резолюции Генеральной Ассамблеи о предупреждении преступности и уголовном правосудии. Проект резолюции был представлен как простая техническая инициатива, которая не предопределяет исход будущих дискуссий. Однако в ходе неофициальных консультаций было четко заявлено, что цель заключается в создании нового международно-правового документа по киберпреступности. Европейский союз не поддерживает создание нового документа, поскольку Конвенция о киберпреступности и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности уже служат эффективными механизмами в этой области».

Голосование к Третьем Комитете завершилось следующим образом: За 88 голосами против 55 при 29 воздержавшихся. Как видим, при голосовании на пленарном заседании ГА ООН российский проект получил ещё большее одобрение. Российская международно-правовая инициатива была принята в форме Резолюции ГА ООН № 187.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/187

Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях

Генеральная Ассамблея,

отмечая, что, хотя информационно-коммуникационные технологии открывают колоссальные возможности для развития государств, они создают новые возможности для преступников и способствуют росту преступности,

отмечая также потенциал новых технологий, включая искусственный интеллект, в деле предупреждения и пресечения использования информационно-коммуникационных технологий в преступных целях,

будучи обеспокоена увеличением масштабов и разнообразия преступлений, совершаемых в цифровом мире, и их последствиями для стабильности критически важной инфраструктуры государств и предприятий и на благополучие людей,

признавая, что различные преступные элементы, в том числе торговцы людьми, используют информационно-коммуникационные технологии для осуществления преступной деятельности,

подчеркивая необходимость улучшения координации действий и сотрудничества между государствами в борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, в том числе путем удовлетворения просьб развивающихся стран об оказании технической помощи в совершенствовании их национального законодательства и наращивании потенциала национальных органов для противодействия такому использованию этих технологий во всех его формах, в том числе посредством профилактики, выявления и расследования нарушений и преследования виновных, и особо отмечая в этой связи важную роль, которую играет Организация Объединенных Наций, в частности Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию,

ссылаясь на резолюцию 22/8 Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию от 26 апреля 2013 года, в которой Комиссия приветствовала усилия, предпринимаемые Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности в целях выполнения его мандата по оказанию технической помощи и созданию потенциала в области борьбы с киберпреступностью,

принимая во внимание работу, проводимую Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию, под эгидой которой была учреждена соответствующая межправительственная группа экспертов открытого состава по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях,

ссылаясь на свою резолюцию 65/230 от 21 декабря 2010 года, в которой Ассамблея одобрила Сальвадорскую декларацию «Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире»,

отмечая, что на первом–четвертом совещаниях межправительственной группы экспертов, состоявшихся в Вене 17–21 января 2011 года, 25–28 февраля 2013 года, 10–13 апреля 2017 года и 3–5 апреля 2018 года, была обсуждена необходимость дальнейшего укрепления международного диалога и сотрудничества в борьбе с киберпреступностью,

отмечая важное значение международных и региональных документов о борьбе с киберпреступностью и проводимую работу по изучению возможных путей укрепления существующих и выработки новых национальных и международных правовых или

иных мер по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях,

ссылаясь на свои резолюции 53/70 от 4 декабря 1998 года, 54/49 от 1 декабря 1999 года, 55/28 от 20 ноября 2000 года, 56/19 от 29 ноября 2001 года, 57/53 от 22 ноября 2002 года, 58/32 от 8 декабря 2003 года, 59/61 от 3 декабря 2004 года, 60/45 от 8 декабря 2005 года, 61/54 от 6 декабря 2006 года, 62/17 от 5 декабря 2007 года, 63/37 от 2 декабря 2008 года, 64/25 от 2 декабря 2009 года, 65/41 от 8 декабря 2010 года, 66/24 от 2 декабря 2011 года, 66/181 от 19 декабря 2011 года, 67/27 от 3 декабря 2012 года, 68/193 от 18 декабря 2013 года, 68/243 от 27 декабря 2013 года, 69/28 от 2 декабря 2014 года, 70/237 от 23 декабря 2015 года, 71/28 от 5 декабря 2016 года и 72/196 от 19 декабря 2017 года,

принимая к сведению доклады Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности,

принимая также к сведению резолюцию 26/4 Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию от 26 мая 2017 года, в которой Комиссия выразила признательность за работу, проделанную Группой экспертов для проведения всестороннего исследования проблемы киберпреступности, и просила Группу экспертов продолжать свою работу с целью изучения возможных путей укрепления существующих мер и предложить новые национальные и международные правовые или иные меры по противодействию киберпреступности,

подтверждая важность уважения прав человека и основных свобод при использовании информационно-коммуникационных технологий,

1. *просит* Генерального секретаря запросить у государств-членов информацию о трудностях, с которыми они сталкиваются в сфере противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях и представить Генеральной Ассамблее доклад, подготовленный на основе этой информации, для рассмотрения на ее семьдесят четвертой сессии;

2. *постановляет*, что дополнительные расходы, которые могут возникнуть в связи с осуществлением пункта 1 настоящей резолюции, должны покрываться за счет добровольных взносов;

3. *постановляет* включить в предварительную повестку дня своей семьдесят четвертой сессии пункт, озаглавленный «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях».

56-е пленарное заседание,
17 декабря 2018 года

КАЗАНСКАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**КОМАНДА КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА –
ПОБЕДИТЕЛЬ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ КОНКУРСЫ И МОДЕЛИРОВАНИЕ
УЧЕБНЫХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ В ВЫСШЕМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ:
ОПЫТ УЧАСТИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ СТУДЕНТА КФУ

Современное высшее образование в области права сложно представить без такого компонента образовательного процесса, как студенческие научные конкурсы и моделирование учебных судебных процессов. Несомненно, они способствуют более углубленному пониманию студентами права, а главное – формированию у них навыков практического применения правовых норм.

Когда я поступал на Юридический факультет Казанского федерального университета, я не мог себе и представить, что это событие «перевернет» всю мою жизнь, изменит взгляд на мир и происходящие в нём процессы. До 3 курса я жил обычной студенческой жизнью, старался хорошо учиться, посещать все лекции и семинары, и отличался лишь тем, что ходил на кружок международного гуманитарного права под руководством доцента кафедры международного и европейского права У.Ю.Маммадова. Весной 2015 года, по стечению обстоятельств, мне предложили поучаствовать в национальном этапе конкурса «Модель Международного уголовного суда» в роли прокурора, и я согласился. После этого с международным правом я не расставался.

На своем первом конкурсе, посвященном международному уголовному праву наша команда заняла лишь 4 место. Команды, занявшие первые три места, поехали на международный этап в Гаагу. Но уже на следующий год мы заняли 1 место на национальном этапе и поехали на международный этап. К сожалению, в финале нам удалось занять лишь 3 место,

однако я был рад удостоиться диплома «Лучший оратор». В 2017 году мы решили попытать счастья ещё раз.

Несмотря на то, что 16 ноября 2016 года Россия официально объявила о своём решении не становиться участником Статута Международного уголовного суда, мы с ребятами продолжили участвовать в конкурсе МУС, который прежде всего направлен на изучение международного права (в большей части международного уголовного права) и применение его положений на практике. Каждый год, осенью, МУС публикует фабулу вымышленного дела (далее – кейс), которую команды должны проанализировать с трех позиций: обвинения, защиты и жертв. Далее, до конца зимы команды работают над написанием меморандумов, на основании которых проходит отбор на очный этап в Москве. Команды, занявшие три первых места в Москве, получают право участвовать в финальном раунде в Гааге.

Кейс 2017 года был связан с утверждениями о совершении на территории Валурии преступления геноцида и преступлений против человечности против группы лиц «третьего пола» членами военизированной группировки, известной как «Дотрокийские всадники», в состав которой входил Тэрион Баннистер, который в возрасте восьми лет был похищен «Дотрокийскими всадниками» и принуждён служить как малолетний солдат. Хотя эта фабула вымышленная, в определенной степени она основана на реальных событиях, происходивших на территориях Уганды, Южного Судана и Конго, где функционировала группировка Армия Соппротивления Господа, и связана такими реальными лицами, как Джозеф Кони и Доминик Онгвен.

У нашей команды было около пяти месяцев для того, чтобы проанализировать все фактические обстоятельства этого дела, сформулировать аргументы для каждой из трех позиций и подкрепить их соответствующими источниками права. Проведя анализ фактов дела, мы столкнулись с необходимостью разобраться в некоторых концепциях и источниках международного права. В частности, могут ли действия переходного *de facto* правительства порождать правовые последствия для государства в отношениях с другими международными акторами (речь идет о доктринах признания правительств в международном праве и стандарте контроля над территорией государства); должно ли государство воздерживаться от совершения преступления геноцида, если такое запрещение отсутствует в национальном законодательстве на момент его совершения; относится ли группа лиц «третьего пола» к этнической или национальной группе согласно Конвенции о запрещении преступления геноцида 1948 года; имел ли место специальный геноцидальный умысел на уничтожение такой группы; и должно ли лицо, которое ранее против своей воли было похищено и принуждено служить в качестве малолетнего солдата, нести ответственность за совершение преступлений, запрещенных Римским статутом. Это несколько основных вопросов, на которые нам нужно было ответить в процессе подготовки к конкурсу.

Первые два месяца нашей подготовки мы посвятили поиску источников международного права, что являлось самым трудоемким этапом нашей работы. В частности, это было связано с тем, что многие источники, прецеденты и работы ученых, необходимые нам, имеются исключительно на английском языке (например, большинство дел трибуналов по Югославии и Руанде и МУС). Большую сложность составило то, что нам нужно было найти сам первоисточник, не имея доступа к международным правовым электронным базам. Например, мы долго искали Письмо министра иностранных дел Эквадора консулу Боливии в Брюсселе, написанное в марте 1907 года, в котором впервые была сформулирована доктрина Карлоса Тобара, касающаяся непризнания правительств, пришедших к власти в результате государственного переворота. Кроме того, нам необходимо было найти подготовительные документы к Конвенции о запрещении преступления геноцида 1948 года с целью установления намерений лиц, занимавшихся разработкой Конвенции, по включению в нее только четырех защищаемых групп с критериями их разграничения. Однако, к счастью, все документы были найдены, и мы успешно завершили подготовку наших меморандумов. Думается, наши меморандумы отличали логично и последовательно выстроенная структура и подкрепление каждого нашего аргумента источни-

ками международного права. Так, нами было проанализировано более 150 источников права, более 70 из которых составили решения органов международного правосудия.

На очном этапе в Москве на протяжении трёх дней конкурса мы не переставали готовиться. Каждый раунд, каждый вопрос судей, каждая реплика наших оппонентов не оставалась без внимания. Возвращаясь в гостинцу, мы до ночи отрабатывали каждый момент дела, пытались предугадать вопросы судей, формулировали аргументированные ответы на них и продолжали репетировать свои выступления. Наши усилия были вознаграждены – мы прошли в финал, где одержали победу в непростом состязании с очень достойными противниками командами МГУ им. Ломоносова и НИУ ВШЭ. Нам представилась великолепная возможность взять реванш за проигрыш в финале Модели МУС 2016 года в Гааге, и у нас это получилось.

Безусловно, выступление в здании Международного уголовного суда перед действующими судьями было довольно волнительным. Это ощущение усиливалось, когда я понимал, что переводчик, который переводил мою речь судьям на английский язык посредством аудио связи, не всегда точно передает смысл моих высказываний и источники права, на которые я ссылаюсь. Понимая, что это может привести к непониманию со стороны судей моей позиции и моего выступления как стороны обвинения, несколько раз мне пришлось перебить переводчика и повторить свою фразу на английском языке. Судьи, естественно, задавали вопросы, которые были исключительно практически направленными. Например, может ли преступление геноцида быть совершено негосударственным актором? Благодаря тому, что в процессе подготовки мы обращались к первоисточникам, анализировали судебные дела трибуналов *ad hoc* и МУС, ответить на вопросы для нас не составляло большой сложности.

В 2017 году впервые команда из Казани выиграла международный этап конкурса «Модель Международного уголовного суда». Мы с ребятами полюбили это конкурс и сделали все, чтобы доказать, что студенты не только столичных, но и региональных университетов могут отлично знать международное право и применять его на практике.

На протяжении многих лет команда Юридического факультета Казанского федерального университета также участвует в конкурсе по международному праву имени Филипа Джессопа. Однако только в 2016 году нам с командой удалось пробиться на международный раунд в г. Вашингтон (США), где мы были удостоены диплома за лучшие меморандумы. В 2017 и 2018 годах мы также участвовали в этом конкурсе на национальном этапе и стали обладателями дипломов за лучший меморандум со стороны ответчика и как лучшая региональная команда.

В 2016 году мы с командой также приняли участие в конкурсе по международному гуманитарному праву имени Жана Пикте, который проходил в г. Эвиан-ле-Бэн (Франция) и в Женеве. Данный конкурс касался применения норм международного гуманитарного права, международного права прав человека на практике (в жизненных реалиях во время вооруженного конфликта). Мы встречались с Президентом Международного Комитета Красного Креста, общались с работниками делегаций Международного Комитета Красного Креста со всего мира. Этот конкурс был пропитан гуманизмом, что оказало большое влияние на всех членов нашей команды. В 2017 году мы с командой приняли участие в российском конкурсе, аналогичном конкурсу имени Жана Пикте, который называется – конкурс по международному гуманитарному праву имени Ф.Ф. Мартенса. Об этом конкурсе со 2 курса нам рассказывал Маммадов У.Ю., и зная, что участвовать в нем можно лишь один раз за время обучения в университете, в течение года мы целенаправленно готовились к нему, перед нами стояла цель – выиграть его. Благодаря долгим и усердным тренировкам мы стали его победителями, обыграв 17 команд со всей России и стран ближнего зарубежья.

Весной 2017 года наш тренер открыл для нас новый конкурс – Модель международного уголовного суда в Нюрнберге. Команда из России впервые участвовала в этом конкурсе, и нам удалось войти в 16 лучших команд из 37 со всего мира. Это великолепный конкурс, от участия в котором захватывало дух, поскольку заседания модели проходили в аудиториях, в которых судили нацистских преступников, а финал модели и вовсе проходил в той самой комнате 600.

Участие в конкурсах позволило нам, как студентам, посмотреть на многие теоретические вопросы с практической стороны, увидеть существующие в международном праве проблемы, углубить свои знания в области международного права и вырасти в профессиональном плане. Кроме того, конкурсы научили нас с ребятами работать в команде, в процессе подготовки мы приобрели практические навыки составления письменных правовых документов, а также публичных выступлений, что является крайне важным для юриста.

Руслан Шарипов
участник команды-победителя Модели Международного уголовного суда,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ КОЛОДКИН
ЧЛЕН МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО МОРСКОМУ ПРАВУ

Член Трибунала с 1 октября 2017 года

Роман Анато́льевич Колодкин родился в Ленинграде 29 июля 1960 года. В 1982 году окончил с отличием Московский государственный университет. Кандидат юридических наук (МГУ, 1986).

В 1986–1990 гг – сотрудник по правовым вопросам Отдела международных организаций и Отдела внешних экономических связей Министерства торгового флота СССР.

В 1989–1990 гг – эксперт по правовым вопросам делегации СССР на сессиях Ассамблеи и Совета ИНМАРСАТ.

В 1990–1991 гг – сотрудник по правовым вопросам Комитета по межнациональным отношениям Верховного Совета России.

Работа в Министерстве иностранных дел Российской Федерации:

В 1991–1992 гг – помощник и руководитель аппарата первого заместителя министра иностранных дел; Начальник отдела юридического департамента (1992–1994); Заместитель директора юридического департамента (1994–1997); Заместитель постоянного представителя при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве (1997–2001); Директор юридического департамента (2001–2009, 2015–2017);

В 2009–2015 гг – Посол в Нидерландах, Постоянный представитель при Организации по запрещению химического оружия.

Член российской делегации в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН и Специального комитета по Уставу ООН (1994–1997);

Представитель, заместитель представителя России на межправительственных и экспертных совещаниях в рамках Отделения ООН в Женеве, Европейской экономической комиссии, Комиссии по правам человека, МОТ, ВОЗ, ВМО, ВОИС, совещаний, организованных МККК и Швейцарией, в качестве депозитария Женевских конвенций 1949 года (1997–2001 годы);

Глава российской делегации на Консультативном совещании по Договору об Антарктике (2002);

Представитель России в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН (2002-2009, 2015-2016);

Заместитель представителя России на очередных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН (2002-2009, 2016);

Представитель России в Комитете по правовым вопросам международного публичного права Совета Европы (2002–2009, 2016–2017);

Заместитель представителя России на совещании прикаспийских государств по правовому статусу Каспийского моря (2003-2004);

Глава российской делегации в Специальном комитете Генеральной Ассамблеи ООН по юрисдикционным иммунитетам государств и их собственности (2003-2004);

Юриконсульт российской делегации на переговорах с Украиной по двустороннему договору о государственной границе (2003-2004);

Глава российской делегации на переговорах с Норвегией по делимитации морских границ в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (2003-2010);

Представитель России в Консультативном комитете руководителей юридических департаментов министерств иностранных дел государств – участников Содружества Независимых Государств (2004–2009, 2016–2017);

Юриконсульт российской делегации на переговорах с США по ликвидации сирийского химического оружия (2013 г.).

Приглашенный профессор кафедры международного права юридического факультета Московской государственной юридической академии (1990–1991);

Приглашенный профессор кафедры международного права юридического факультета МГУ (1991);

Профессор кафедры международного права факультета международного права Московского государственного института международных отношений (университет) (2002–2009);

Приглашенный профессор Дипломатической академии МИД России (2002-2009);

Директор по вопросам изучения международного публичного права, Центр международных и сравнительно-правовых исследований, Москва, Россия (2017-настоящее время).

Член: Российской ассоциации международного права (РАМП). Член Исполкома РАМП с 2004 года.

Ассоциированный член Института международного права (с 2009 г.);

Среди основных научных публикаций Романа Анатольевича Колодкина можно назвать:

«Критические комментарии к концепции «мягкого права» («Советское государство и право», № 12, 1985)

«Специальный трибунал для судебного преследования за серьезные нарушения международного гуманитарного права в бывшей Югославии», Форум по уголовному праву (Юридическая школа Ратгерского университета, США), том. 5, № 2-3, 1994;

«Обсуждение проекта Статута Международного уголовного суда в Специальном комитете Генеральной Ассамблеи ООН», Р.А.Колодкин И.А.Панин, Московский журнал международного права, № 4, 1996;

«Фрагментация международного права? Взгляд из России», в кн.: К мировому конституционализму. Вопросы правового порядка в мировом сообществе Р. Сент-Джон Макдональд и Д.М. Johnston (eds), Martinus Nijhoff Publishers, Лейден, Бостон, 2005;

«Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», Юрист-международник, № 3, 2005;

«Договор с Норвегией: разграничение сотрудничества», Международная жизнь, № 1, 2011;

Международное морское право. Очерки памяти Анатолия Леонидовича Колодкина, составители Р.А.Колодкин и С.М.Пунжин, Статут, Москва, 2014;

«Очерк возникновения и развития международного права», «Россия и международное право»; «Дипломатическая защита», в кн.: Международное право, Учебное пособие, 4-е изд., НОРМА ИНФРА-М, Москва, 2014;

«Иммунитет государства и его должностных лиц в решениях Международного Суда», в кн.: Лучшие на Западе: педагог, юрист, арбитр. Liber Amicorum в честь профессора Уильяма Батлера, Н.Ю. Ерпылева и М.Е. Гаши-Батлер (ред.), Wildy, Simmonds & Hill, 2014;

«Континентальный шельф свыше 200 миль: разграничение и делимитация» (совместно с С.М. Пунжиным), Международное правосудие, № 3/4, 2015.

С 2003 по 2011 и с 2015–2018 годы – Роман Анатольевич Колодкин являлся членом **Комиссии ООН по международному праву**. Во время работы в КМП ООН он работал в качестве Первого заместителя Председателя Комиссии (2008), председателя Редакционного комитета (2006), а также Специального докладчика по теме «Иммунитет государственных служащих от иностранной уголовной юрисдикции».

Особо следует отметить участие Романа Анатольевича **в международных судебных и арбитражных разбирательствах**:

Заместитель главы российской делегации в Специальном комитете Генеральной Ассамблеи по учреждению Международного уголовного суда (1995);

Заместитель главы российской делегации в Подготовительном комитете по учреждению международного уголовного суда (1996);

Агент России (совместно с К.Геворкяном) по делу «*Применение Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Грузия против Российской Федерации)*» в Международном Суде ООН (2008-2011);

Агент России (вместе с В.Титушкиным) в арбитражном разбирательстве, инициированном Украиной по Конвенции ООН по морскому праву (2016-2017);

Агент России (вместе с И.Рогачевым и Г.Лукьянцевым) по делу «*Применение Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации*» (Украина против Российской Федерации) в Международном Суде ООН (2017).

Член Постоянного арбитражного суда (с 2015 года по настоящее время).

14 июня 2017 г. На 27-ом заседании Ассамблеи государств-участников Конвенции ООН по морскому праву Р.А.Колодкин был избран членом Международного трибунала по морскому праву.

1 октября 2017 г. Роман Анатольевич Колодкин принёс присягу вместе с четырьмя другими новыми судьями).

Поздравляем Романа Анатольевича с избранием на столь высокую международно-правовую должность и желаем ему успешной работы на благо международного права.

**ЕВГЕНИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ЗАГАЙНОВ –
ЧЛЕН КОМИССИИ ООН ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ**

1 мая 2018 года на заседании Комиссии ООН по международному праву Директор Правового департамента Министерства иностранных дел России Е.Т.Загайнов был избран членом КМП ООН.

На 71 сессии Комиссии (май-июль 2019 г.) Е.Т.Загайнов был избран в состав Редакционных комитетов по темам: «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)», «Преступления против человечности» и в группы по планированию работы Комиссии.

Евгений Тимофеевич Загайнов известный российский дипломат и один из ведущих юристов Российской Федерации. Имеет почти 30-летний стаж работы в области международного права и международных отношений на все более и более ответственных должностях. Успешно сочетает практический и академический опыт работы в области международного права.

Основные вехи его профессиональной деятельности:

В 1989 г. окончил Московский государственный институт международных отношений по специальности «Международное право». В 1989 г. также проходит курс международного права и международных отношений в Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР.

В 1989–2000 гг. – атташе, третий, второй секретарь в российских посольствах в Гаване (Куба) и Софии (Болгария), Департамента Латинской Америки МИД РФ.

В 2000–2003 гг. Первый секретарь Правовой департамента МИД РФ

В 2003–2006 гг. – советник, старший советник, советник по правовым вопросам Постоянного представительства Российской Федерации при ООН и других международных организациях в Женеве, где руководил работой по вопросам Международной организации труда (МОТ), Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), Комиссии международного права (КМП), Международного комитета Красного Креста.

В 2006–2009 гг. – Заместитель директора Правового департамента МИД РФ.

В 2009–2013 гг. Заместитель руководителя секретариата Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, где, в частности, руководил проведением правовой экспертизы проектов постановлений и решений правительства и международных правовых документов. Содействовал поддержанию международных контактов, включая работу двусторонних комиссий по вопросам экономического сотрудничества с Вьетнамом, Сингапуром, Соединенным Королевством и Японией. Участвовал в переговорах с Организацией

экономического сотрудничества и развития; в подготовке Саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке.

В 2013–2018 гг. – Заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций, Нью-Йорк

С 2018 г – Директор Правового Департамента МИД РФ.

Чрезвычайный и Полномочный Посланник. Член Российской ассоциации международного права. Приглашенный лектор по международному праву в Московском государственном институте международных отношений и Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (2006–2009 гг.). Владеет английским, испанским, болгарским и французским языками.

Е.Т.Загайнов участвовал в разработке проектов многочисленных международных документов, включая Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2015); Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах (2016 год); Итоговый документ состоявшейся в 2016 году специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по мировой проблеме наркотиков; Конвенции о правовом статусе Каспийского моря; Договора о Евразийском экономическом союзе; Илулиссатской декларации арктических государств; Конвенции МОТ о труде в морском судоходстве; Конвенции МОТ (пересмотренной) об удостоверениях личности моряков (№ 185); Конвенции ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия; Сингапурского договора о законах по товарным знакам; Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию и др.

Во время своей работы в системе МИД России возглавлял государственные делегации на ряде совещаний. Так, Е.Т.Загайнов: глава российской делегации на 24, 25, 26 и 27-м совещаниях государств – участников Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву; представитель Российской Федерации на четырех сессиях Подготовительного комитета, учрежденного резолюцией 69/292 ГА ООН «Разработка на базе Конвенции ООН по морскому праву международного юридически обязательного документа о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции» (2015–2017); заместитель главы делегации Российской Федерации на тридцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи по мировой проблеме наркотиков (2016); глава российской делегации на шестом пленарном заседании министров Глобального контртеррористического форума (2015); представитель Российской Федерации на Саммите лидеров по противодействию ИГИЛ и насильственному экстремизму (2015); глава российской делегации на 18-м и 19-м совещаниях государств-участников Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; 34-м и 35-м совещаниях государств-участников Международного пакта о гражданских и политических правах; восьмой сессии Конференции государств-участников Конвенции о правах инвалидов; 25-м и 26-м совещаниях государств-участников Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; 15-м и 16-м совещаниях государств-участников Конвенции о правах ребенка; глава российской делегации на сессиях Исполнительного совета Структуры ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин; глава российской делегации на 14-й сессии Международного органа по морскому дну – руководил переговорами по Правилам поиска и разведки полиметаллических сульфидов в Районе (приняты в 2010 г); глава российской делегации на 50-й и 51-й сессиях Комитета по использованию космического пространства в мирных целях и 46, 47 и 48-й сессиях его Юридического подкомитета; заместитель главы российской делегации на переговорах с Норвегией (2007–2009) по Договору о делимитации морской границы и сотрудничеству в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (подписан в 2010 г) и Соглашению между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о делимитации морской границы в районе фьорда Варангер (подписано в 2007 г); глава российской делегации на переговорах с Польшей (2008–2009) по Соглашению между правительством Российской Федерации и правительством Республики Польша о судоходстве в лагуне Калининграда (Висла) (подписано в 2009 г)...

Следует особо отметить активное участие Е.Т.Загайнова в формировании российской правовой позиции в международных судах.

В 2007 году – представитель Российской Федерации в Международном трибунале по морскому праву (МТМП) в деле «Хосин мару» (Япония против Российской Федерации) и в деле «Томи мару» (Япония против Российской Федерации)

В 2014 году – глава российской делегации на 13-й Ассамблее государств-участников Статута Международного уголовного суда (2014 год);

Будучи заместителем Постоянного представителя РФ в СБ ООН неоднократно выступал в Совете Безопасности по вопросам деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии.

Поздравляем Евгения Тимофеевича с избранием на столь высокую международно-правовую должность и желаем ему успехов в его деятельности в Комиссии ООН по международному праву.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАО ЦЗЕДУНА

Полноценное знакомство с поэзией Мао Цзедуна, конечно, возможно только на китайском языке. И дело здесь не только в сложностях перевода не слов, а понятий, передаваемых иероглифами, а необходимостью понимания любого поэтического произведения в контексте поэтической традиции. Специалисты особо подчёркивают, что общей характерной чертой китайской литературы является строгая преемственность развития, сила традиции. Эта особенность предопределялась системой литературного образования в стране, требовавшей обязательного знания важнейших литературных памятников прошлого.¹

Таким образом, чтобы понять поэзию Мао в полной мере, необходимы познания в области китайской поэзии вообще, иначе, например, не понять его замечание о том, что свои стихи он писал «в старом стиле». В своём письме в редакцию литературного журнала «Шикань» («Поэзия»), куда он и направил свои стихи, Мао писал, что никогда не планировал их публикацию, причём именно по этой самой причине старого стиля!

«Я опасался, что распространение ошибочных образцов введёт в заблуждение молодёжь», – пишет Мао. Более того, отдавая решение о публикации своих стихов на суд редакции, Мао добавляет, что «основой в поэзии должны быть новые стихи», опять-таки, имея в виду не время их написания, а стиль! Мао допускает написание стихов и старой формы, но предупреждает, что их не следует популяризировать среди молодёжи, так как старый стиль не только труден для изучения (именно так – для «изучения») но и «сковывает мысль»!²

При подготовке настоящей публикации перед главным редактором встал вопрос, как же понимать это утверждение Мао. Пришлось несколько глубже изучить, что же из себя представляет этот самый «старый стиль». Оказалось, что с одной стороны, стиль этот достаточно разнообразен, но в каждом своём проявлении строго каноничен. Вот, например, стихотворения «Великий поход» и «Почтенному Лю Яцзы» написаны в жанре «*ши*», старинным поэтическим размером «*цзюй*», который строго ограничен восемью строками с семью иероглифами в каждой строфе. Стихотворение «Хуаньсиша» написано одноимённым размером в шесть строк (разделённых по три), по семь иероглифических знаков в каждой строке. И, наконец, «Три стихотворения по 16 слов» написаны стилем, предусматривающим четыре строки в строфе с общим количеством шестнадцать иероглифов, причём первая, запевная строка состоит из одного иероглифа.

Впрочем, для понимания стихов Мао Цзедуна, пожалуй, в большей степени понадобятся знания в области истории и политики, ведь большинство его произведений – о героической борьбе китайского народа за освобождение и создание социалистического государства. Таковы, например, стихотворения «Великий поход», «Застава Лоушань», «Новый год»...

Впервые стихи Мао на русском языке были опубликованы в 1951 году в сборнике «Восток заалел». Однако это был сборник стихов китайских поэтов в целом, в котором было опубликовано лишь одно стихотворение «О далёком походе». В 1957 году выходит отдельный сборник стихов Мао под названием «Восемнадцать стихотворений». Практически мгновенно после публикации в самом Китае (в литературном журнале «Шикань»), они были переведены на русский язык и были изданы тиражом 150 тысяч экземпляров издательством «Правда». Среди переводчиков поэзии Мао следует назвать С.Я.Маршака, А.Суркова, И.Голубева, Н.Асеева, М.Басманова, Л.Эйдлина, Ю.Ключникова.

¹ См.: Федоренко Н. Послесловие к сборнику стихов Мао Цзедуна М., правда, 1957. С.20.

² Мао Цзедун. Письмо в редакцию журнала «Шикань» от 12 января 1957 года. Там же. С.2.

ЧАНША¹

Стихотворение «Чанша» написано в жанре «цы» на мотив «Синь-юаньчунь» («Весна в саду принцессы Синь Шуи»), широко известного поэтического произведения, относящегося к эпохе Восточной Хань (25-220 гг.). На этот мотив, который впервые, согласно традиции, был посвящён принцессе Синь Шуи, дочери ханьского императора Мин-ди (58-76 гг.), в Китае созданы многочисленные поэтические произведения, принадлежащие авторам различных эпох.

Стихотворение на русском языке существует в двух переводах.
Перевод С.Я.Маршака:

В день осенний, холодный
Я стою над рекой многоводной,
Над текущим на север Сянцзяном.
Вижу горы и рощи в наряде багряном,
Изумрудные воды прозрачной реки,
По которой рыбацьи снуют челноки.
Вижу: сокол взмывает стрелой к небосводу,
Рыба в мелкой воде промелькнула, как тень.
Всё живое стремится сейчас на свободу
В этот ясный, подёрнутый инеем день.
Увидав многоцветный простор пред собою,
Что теряется где-то во мгле,
Задаёшься вопросом: кто правит судьбою
Всех живых на бескрайной земле?
Мне припомнились дни отдалённой весны,
Те друзья, с кем учился я в школе...
Все мы были в то время бодры и сильны
И мечтали о будущей воле.
По-студенчески, с жаром мы споры вели
О вселенной, о судьбах родимой земли
И стихами во время досуга
Вдохновляли на подвиг друг друга.
В откровенных беседах своих молодёжь
Не щадила тогдашних надменных вельмож.
Наши лодки неслись всем ветрам вопреки,
Но в пути задержали нас волны реки...

¹ Чанша – крупный административный и культурный центр на юге Китая, столица провинции Хунань, где в одной из деревень, в Шаошань, уезда Сянтань, родился в 1893 году Мао.

Перевод Ю.Ключникова:¹

Днём осенним, сияющим солнечным днём,
Я стою над рекой и люблюсь закатом,
Вижу горные склоны в наряде цветном,
Мандариновый остров и много загадок...
Реку север влечёт, а орла – небосвод,
Рыба плещется на мелководе.
Всё живое своим распорядком живёт,
Ухватившись за чьи-то поводья.
По зелёному руслу великой реки
Целый день беспрерывно снуют челноки.
Наблюдая картины природы родной,
Величавой, могучей, спокойной, прекрасной,
Понимаешь – не мы управляем страной,
Кто-то более сильный, премудрый и властный...
Вспоминаю далёкое время своё,
Споры долгие, юные страсти.
Так хотелось страну и её бытие
Подчинить нашей собственной власти!
Но житейские наши в пути челноки
Задержало течение великой Реки.

БАШНЯ ЖЁЛТОГО АИСТА²

Стихотворение написано в жанре «цы» на мотив знаменитой древней мелодии «Пусамань», создание которой относится приблизительно к 850 году. «Пуса» означает по-китайски бодисатва, буддийское божество, хотя мелодия стихотворения отнюдь не связана с буддийской религией. Возникновение этой мелодии, по свидетельству китайских источников, восходит к далёкому прошлому и связано с исполнением плясок иноземными танцовщицами, внешность которых очень напоминала образ бодисатвы.

¹ Переводы Ю.Ключникова обозначаются как «вольные». Приводятся по изданию: Ключников Ю.М. «Поднебесная хризантема. 30 веков китайской поэзии». М. 2018.

² «Башня жёлтого аиста» – название знаменитого исторического памятника в г. Учане, на берегу Янцзы. Этот памятник, построенный на горном перевале в Шэшань (Змеиная гора), существовал ещё в эпоху Троецарствия (220-280 гг.). На протяжении свыше тысячи семисот лет башня Хуанхэлоу привлекала многочисленных посетителей, особенно поэтов и писателей. В годы династии Юань (1280-1368 гг.) была построена башня Циньчуаньгэ на перевале на горе Гуишань (Черпаховая гора), на другом берегу реки, напротив башни Хуанхэлоу. Это ещё более украсило местность и создало особую поэтическую обстановку. Впоследствии башня Хуанхэлоу неоднократно сгорала и восстанавливалась, но каждый раз при восстановлении её архитектура изменялась и утрачивала своё первоначальное своеобразие. Старинное предание гласит, что к Хуанхэлоу некогда спустился внезапно с небес святой отшельник на жёлтом аисте и тотчас же вновь улетел на нём обратно. Это послужило поэту танской династии (618-906 гг.) Цуй Хао сюжетом для написания его знаменитого стихотворения «Башня жёлтого аиста», в котором говорится, между прочим: «Улетел древний на жёлтом аисте, и опустела их башня. Улетел безвозвратно жёлтый аист, и тысячелетия в небе пустота беспредельная». С этими строками и перекликается стихотворение Мао Цзэдуна.

Перевод А.Суркова:

Ширь китайской земли омывает разливом Янцзы.
Север с югом связала бегущая вдаль колея.
В дымке ливня сверкающей яркая зелень сквозит.
Защищают Янцзы Черепаха-гора¹ и Змея.
Жёлтый аист от нас улетел далеко.
Только башня осталась, как память о нём.
Наполняю бокал, в реку выливаю вино.
Волны чувств поднимаются в сердце моём.

Перевод Ю.Ключникова:

На востоке Янцзы,
Где притоки река собрала,
Башня древняя
В небе осеннем маячит.
Башня Жёлтого аиста
Сердцу китайца мила,
Потому что приносит
Своим пилигримам удачи.
Признаюсь откровенно,
В местах этих не был давно.
Наконец, побывал
На горе-Черепахе в ненастье.
И обычай исполнил —
Здесь выплеснул в реку вино.
Пусть вернётся в Китай
Жёлтый аист и счастье!

ЦЗИНГАНШАНЬ²

Стихотворение написано в жанре «цы» на популярный мотив поэтической фразы «Сиц-зяньюэ» («Луна над Янцзыцзяном») из стихотворения великого китайского поэта танской династии Ли Бо (701-762) «Вспоминаю о прошлом на алтаре Сутай», где говорится: «И теперь жить осталась луна над Янцзы, что людям светила во дворце У-вана». У-ван – имя легендарного царя династии Чисоу (1122-249 гг. до н.э.).

¹ Черепаха, согласно легенде, прародительница Поднебесной.

² Цзинганшань – горный район в Южном Китае между провинциями Хунань и Цзянси. Сюда в 1927-1928 годах привели свои революционные отряды Мао Цзэ-дун и Чжу Дэ. В горах Цзинганшань были созданы первые соединения легендарной Китайской Красной Армии и впервые провозглашена советская власть на территории освобождённых районов.

Видны под горой боевые знамена.
С вершины разносится гром барабанов.
Кольцом нас враги окружили.
Мы стойко атаки отбили.
Позиции мы укрепили заранее,
А воля, как камни Великой стены, непреклонна.
Рубеж Хуанъян сотрясают залпов раскаты,
Пришло донесенье, что вражки отходят солдаты.¹

НОВЫЙ ГОД

Стихотворение в жанре «цы» написано по знаменитому мотиву поэтической фразы «Жумэнлин» («Как сон») из стихотворения танского периода, где, в частности, сказано: «Как сон, как сон; серп луны, опавшие цветы, густой туман». Написано во время первого вступления частей Китайской Красной Армии в западную часть провинции Фуцзянь.

Нинхуа, Цинлю, Гуйхуа.²
Узкий путь, скользкий мох, лес, трава.
Куда мы сегодня идём?
На гору Уи³ мы идём.
У этой горы, у этой горы
Красные флаги горят, как костры,
Колеблемы ветром едва.⁴

ХУЭЙЧАН⁵

Стихотворение написано в жанре «цы» на популярный мотив «Цин-пинлэ», что означает «Великий покой в Поднебесной (Китае)». Эта поэтическая фраза принадлежит великому Ли Бо и впервые была написана им во время государственных экзаменов.

Скоро заря загорится багряно.
Кто говорит, что в поход отправляетесь рано?
Мы, не старея, по горным дорогам шли неустанно.
Край наш прекрасный раскинут пространно.
От Хуэйчана уходит нагорье
Вдаль, где синее Восточное море.
Смотрят бойцы на юг Гуандуна,
Ярче, щедрее природа там на просторе.

¹ Перевод А.Суркова

² Нинхуа, Цинлю и Гуйхуа – названия уездов на запада провинции Фуцзянь, где действовали части Китайской Красной Армии.

³ Уишань – горы на границе провинций Фуцзянь и Цзянси. Район революционных опорных баз.

⁴ Перевод А.Суркова

⁵ Хуэйчан – город в южной части провинции Цзянси.

ЗАСТАВА ЛОУШАНЬ¹

Стихотворение написано в жанре «цы» на мотив «Ицинъэ» – «Вспоминаю Цинь Э». Китайский комментарий указывает, что создание этого мотива, очевидно, связано с именем дворцовой служанки императора танской династии Вэнь-цзуна (827-841 гг.). Песня якобы впервые была услышана из уст служанки, глубоко переживавшей разлуку со своим любимым мужем. На мотив «Ицинъэ» написаны многочисленные поэтические произведения, одно из которых под одноимённым заглавием принадлежит поэту Ли Бо. Стихотворение написано во время Великого похода Китайской Красной Армии в 1934-1935 годах.

Резкий западный ветер.
Предутренний месяц да иней.
Крик гусей на рассвете.
Предутренний месяц да иней.
Звук трубы на рассвете и цокот копыта.
Не считай, что застава надёжно прикрыта.
Тут мы недолго осаду вели —
К вечеру сверху её обошли.
Горы, синие горы, как море.
Солнце пролило кровь на просторе.²

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Стихотворение «Великий поход» (в другом переводе – «О Далёком Походе») написано Мао Цзэдуном во время Великого похода частей Китайской Красной Армии на северо-запад в 1934—1935 годах, во время которого ей пришлось прорвать четыре заградительные линии гоминдановских войск и в непрерывных боях пройти через пять провинций, покрыв расстояние в более чем 12 тыс. км. Красная Армия во главе с Мао пришла на территорию существовавшей на северо-западе революционной базы, ставшей затем основной революционной базой.

Как писал Мао Цзедун, «великий поход был походом, невиданным в истории, он был глашатаем, он был агитатором, он был сеятелем... В течение двенадцати месяцев, ежедневно выслеживаемые и бомбардируемые с неба десятками самолётов, прорывая окружения, громя заслоны врага и уходя от преследования почти миллионной армии, преодолевая неисчислимые трудности и препятствия, все мы шагали вперёд; мы отмерили собственными ногами более двадцати тысяч ли, пересекли одиннадцать провинций».³

¹ Застава Лоушань находится на севере уезда Цзуньи, провинции Гуйчжоу, где действовали части Китайской Красной Армии

² Перевод А.Суркова

³ См.: Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 1. – Иноиздат. М., 1952. С.272.

На русском языке имеется три варианта перевода этого стихотворения.

Перевод А.Суркова:

Для Армии Красной не страшен поход.
Что тысячи рек и на скалах лёд?
Пять круч¹ ей – как волн невысоких взлёт.
Умыньские горы² она пройдет,
Цзиньша³ с пути волной не собьёт,
Мост Даду⁴ стужей стальной не прожжёт.
Хребет Миньшань⁵ в снегах позади —
На наших, лицах радость цветёт.

Перевод С.Ботвинника:

Когда мы выходим в Далёкий Поход,
Нам тысячи рек и гор – пустыки!
Гряда облаков по вершинам ползёт,
Мы топью проходим у бурной реки.

Утёсы закрыли от нас высоту.
Несутся потоки. Дороги тесны.
Качается мост над стремниной Даду,
Железные цепи его – холодны...

А после мы радостно видим вдаль
Вершины Миньшаня в снежном кольце...
Три армии наши к победе пришли,-
Играет улыбка на каждом лице.⁶

Перевод Ю.Ключникова:

По рекам, горам и полям мы прошли
С боями за год двадцать тысяч ли.
Пять горных хребтов у нас за спиной.
Там снег по колено и скалы стеной.
Круты берега нами пройденных рек,
Стремителен был их течения бег.
Но мы одолели усталость и страх
Улыбкой и песней на смелых устах.⁷

¹ Пять круч – горы Даюй, Цитянь, Дупан, Минчжу, Юэчэн, находящиеся в районе провинций Хунань – Гуандун.

² Умыньские горы – отрог Юньлинских гор, в провинции Юньнань.

³ Цзиньша – «Река золотого песка» – название реки, берущей начало в провинции Цинхай и проходящей через провинции Сикан и Юньнань.

⁴ Даду – река в провинции Сычуань, приток Янцзыцзяна.

⁵ Миньшань – название горы в провинции Сычуань.

⁶ Печатается по изданию: «Восток заалел. Перевод с китайского Семёна Ботвинника. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Ленинград. 1951. С.67.

⁷ В комментарии к данному переводу Ю.М.Ключников пишет, что в данном стихотворении «перечисляются главным образом географические точки похода, что массовому русскому читателю ничего не говорит. Зато любой

ЛЮПАНЬШАНЬ¹

Стихотворение написано в жанре «цы» на мотив старинного песенного произведения «Цинпинлэ». Написано во время Великого похода частей Китайской Красной Армии в 1934-1935 годах.

Перевод М.Басманова:

Там, за бледными облаками,
Гусь на юг улетает с криком.
Двадцать тысяч ли пройдено нами,
Но лишь тех назовут смельчаками,
Кто дойдёт до Стены Великой!
Пик вознёсся над Люпаньшанем,
Ветер западный треплет знамена...
Мы с верёвкой в руках решаем,
Как скрутить нам седого дракона.²

Перевод Ю.Ключникова:

Высоко в небесах перелётные гуси
Покорить призывают пространства свои.
Если сдался препятствиям, если ты струсил,
Человеком Китая себя не зови.
Половина отечества пройдена нами,
Впереди возвышается древний хребет.
Водрузить предстоит там победное знамя,
А иного решения попросту нет.
Повинуемся зову хребта и закону —
Свяжем лапы верёвкой седому дракону.

китаец понимает масштабы и трудности великого военного Подвига. Я постарался освободить свой перевод от топонимов, акцентировал внимание на духе стихотворения и сдержанности автора».

¹ Люпань — название горы в северо-восточной части провинции Ганьсу.

² Седой дракон — подразумеваются японские захватчики.

КУНЬЛУНЬ

Написано в жанре «цы» на мотив стихотворения «Няньнудэко» («Прекрасная Нянь Ну»), посвящённого прославленной певице Нянь Ну, жившей в эпоху Тан.

Прочертив небосвод, встал могучий Куньлунь.¹
Он от мира людского ушел в вышину,
Наблюдая оттуда за жизнью земной.
Это взвился драконов нефритовых рой,

Белым снегом закрыл небеса,
Всё живущее стужей пронзив ледяной.
Летом тают его снега,
Рвутся реки из берегов,
Превращаются люди в рыб,
В черепах, сметённых волной.
Боковым злодеяньям и добрым делам
Кто из смертных осмелился быть судьей?
А теперь я ему говорю: Куньлунь,
Для чего тебе так высоко стоять,
Для чего тебе столько снега беречь?
Как бы так упереться мне в небо спиной,
Чтоб мечом посильнее взмахнуть
И тебя на три части, Куньлунь, рассечь.
Я Европе одну подарю,
Пусть Америке будет вторая,
Третью часть я оставляю Китаю.
И тогда на земле воцарится покой, —
Всем достанутся поровну холод и зной.²

СНЕГ

Написано в жанре «цы» на тот же мотив, что и «Чаниша».

Виды севера – той стороны,
Где на тысячи ли ледяной покров
И за далью бескрайней беснуется снег,
За Великой Стеной и внутри страны
Расстилается в дымке земной простор
И в верховьях и в устье Большой Реки³
Застывает вода, прекратив свой бег.

¹ Куньлунь (Куэньлунь) – горный хребет на западе Китая.

² Перевод Л.Эйдлина.

³ Большая река – Хуанхэ (Жёлтая река).

А в горах пляшут кольца серебряных змей,
А равнинами мчат снеговые слоны,
Соревнуются с небом самим высотой.
Ясный день наступил —
Ты взгляни, как красива земля
Яркой краской узоров на белой одежде простой.
И за долгие годы — от древних людей и до нас —
Самых гордых героев пленяла прекрасная наша страна!
Только жаль,
Еле тлел устремлений высоких огонь
В первом циньском Хуане¹ и в ханьском властителе У,²
И ни в танском Тайцзуне,³ ни в сунском Тайцзу⁴
Не блистал нашей древней поэзии дух.
Чингисхан в своё время был взласкан судьбой.
Что умел он? Орлов настигать стрелой.
Всё прошло.
Чтоб узнать настоящих людей,
Заглянуть надо в нынешний день!

ПОЧТЕННОМУ ЛЮ ЯЦЗЫ⁵

О том, как в Кантоне сидели за чаем,
Я помню и помните вы,
Не вам ли стихи посвящались в Чунцине
Под сенью осенней листвы?
Прошло тридцать лет, тридцать первый проходит, —
Я встретился с вами опять,
И снова под шум опадающих листьев
Читаю поэта тетрадь...
Как скорбны и пасмурны ваши творенья.
Забудьте тревоги, мой друг,
И шире откройте печальные очи,
И вновь оглядитесь вокруг...
Не надо теперь говорить, что мелеют
Просторы куньминских⁶ вод,
Взгляните на рыбок!
В самом Фучуньцзяне⁷
Таких не водилось красот!⁸

¹ Циньский Хуан — первый император династии Цинь (248-210 гг. до н. э.) — Цинь Ши-хуан (221-210 гг. до н. э.).

² Ханьский властитель У — император династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) — У-ди (140-87 гг. до н. э.).

³ Танский Тайцзун — император династии Тан (618-906 гг.) — Тайцзун (627-649 гг.).

⁴ Сунский Тайцзу — первый император династии Сун (960-1279 гг.) — Тайцзу (960-976 гг.).

⁵ Лю Яцзы — демократический деятель Китая, современник Мао.

⁶ Куньминху — искусственно созданное озеро около летнего дворца в парке «Ихэюань», недалеко от Пекина.

⁷ Фучуньцзян — река на юге Китая, в провинции Чжэцзян.

⁸ Перевод И. Голубева

ХУАНЬСИША¹

Объясняя написание данного стихотворения Мао Цзедун пишет: «В день празднования годовщины Первого октября в 1950 году на спектакле в театре господин Лю Яцзы сочинил экспромтом стихи в стиле «Хуаньсиша». Я ответил ему стихотворением на те же рифмы».

Был сумрак ночной над моею страной.
В нём дьяволов рой забавлялся игрой.
Был нем и разрознен народ мой родной.
Но вот петухи возвестили рассвет,
И вот уже свет озарил нас дневной,
И житель прибрежный, степной и лесной
Явились на праздник семьёю одной.
Где ж лучший источник для песен, поэт!²

БЭЙДАЙХЭ³

Стихотворение написано на популярный старинный мотив «Лаа-таоша» – «Волны омывают песок», рифмованное произведение, состоящее из десяти строк с неодинаковым числом иероглифических знаков в строке или из четырёх строк с семью иероглифическими знаками в каждой.

Дождь, не смолкая, шумит над Юянем,⁴
Волны седые вздымаются к тучам.
За Циньвандао⁵ в просторе бескрайнем
Мечется лодка в пучине кипучей.
Лодка рыбачья, в бескрайнем просторе
К чьим берегам тебя вынесет море?
Много деяний сокрыто веками!...
Здесь, у Цзеши,⁶ на восток поспешая,
Вышел Уди⁷ со своими войсками —
Миг этот строфы его воскрешают.
Ветер осенний.
Как встарь, воет ветер,
Но по-иному всё стало на свете!⁸

¹ Хуаньсиша – строго ограниченный размер в шесть строк (разделенных по три), по семь иероглифических знаков в каждой строке. Согласно китайским литературным источникам, мелодия «Хуаньсиша» впервые стала исполняться в период танской династии. «Хуаньсиша» означает реку, в которой якобы стирала белье легендарная красавица китайской старины по имени Си Ши.

² Перевод С.Я.Маршака

³ Бэйдайхэ – название приморского пункта в Северном Китае, на берегу Бохайского залива.

⁴ Юянь – древнее название округа в северо-восточной части, современной провинции Хэбэй, где находится Бэйдайхэ.

⁵ Циньвандао – приморский город в провинции Хэбэй.

⁶ Цзеши (или Цзешишань) – название горы, которая раньше находилась в Бэйдайхэ. В исторических записях отмечается, что в 207 году Цао Цао, сражаясь с «северными варварами» и проходя через гору Цзешишань, написал стихотворение, где, между прочим, говорится: «На востоке взирал на Цзеши». Именно на эту поэтическую строку из стихотворения Цао Цао содержится литературный намек в произведении Мао Цзедуна.

⁷ Уди (Вэй Уди) – «Император У» – посмертное имя Цао Цао (155-220 гг.) – основателя царства Вэй (216-263 гг.).

⁸ Перевод М.Басманова

ПЛАВАНИЕ

Стихотворение написано в жанре «цы» на известный мотив «Шуйдяогэтоу» – «Вступление к мелодии «Шуйдяо».

Недавно я воду черпал в Чанша
И рыбу в Учане ел не спеша.
Недавно Янцзы переплыл,¹ что вдали
Простёрлась на многие тысячи ли.
И небо простёр надо мной Хубэй.
Хоть ветер дует и волны пошли,
Сень сада на суше меня не влечёт...
Конфуций сказал:
Всё в мире течёт,
Как струи реки этой вечной текли.
Мачта качается влево и вправо,
Черпаха-гора и гора Змея
Неподвижны и величавы.
И такая картина представилась вдруг:
Мост построим и свяжем с Севером Юг.
Ток Янцзы остановим плотиной могучей,
Не пропустим ушаньские² с ливнями тучи.
Меж горами раскинется озеро вширь.
И богиня гор удивится:
Как меняется мир!

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ПО 16 СЛОВ

Горы!
Я в седле, плетё в руке, скакуна ноги скоры.
Вверх взгляни —
Достанешь рукой голубые просторы.³

Горы!
Как волненья морского крутые валы и повторы,
Словно конницы вздыбленной,
В яростной битве стеснённой, заторы.

¹ «Недавно Янцзы переплыл...» – действительный факт, когда летом 1956 года Мао Цзэдун переплыл реку Янцзы.

² Ушань – название горы в уезде Ушань, провинции Сычуань, на берегу Янцзы. Ушань имеет двенадцать пиков, из которых пик Богини гор самый живописный. У подножия горы стоит храм Богини гор. Воды реки Янцзы, проходя через Ушань, образуют ущелье, узкий горный проход, в котором расположен Шэньнюнфэн – пик Богини гор. В оде поэта китайской древности Суп Юя (ок. 290-223 гг. до н.э.) «Гао Тан» говорится, между прочим, что ушаньская богиня «утром гонит облака, вечером посылает дождь». Именно на эти слова в строках стихотворения «Плавание» и содержится литературный намёк.

³ Буквально: «До неба три чи, три цуня». Эта строка связана с народной песней: «Наверху – Гора скелетов. Внизу – Гора восьми сокровищ. До неба три чи, три цуня. Пешеход должен здесь голову склонить. Всадник должен спешиться».

Горы!
Их вершины вонзились в небесные синие взоры.
Небо падало вниз,
Но его – вершин поддержали опоры.¹

И вот, наконец, стихотворение, которое можно в полной мере отнести не только в «международным отношениям», к которым Мао Цзедун имел прямое отношение, но и к особой материи нашего журнала – «международному праву».

ВОРОБЕЙ-МИРОТВОРЕЦ

Стреляй! Руби! Противника убей!
Слышна повсюду в мире канонада.
Дрожит в кустах от страха воробей:
– Сплошной кошмар! Бежать отсюда надо!
– Куда?
– Спасенье на святой горе.
– Но где такая?
– Договор подписан
О дружественной тройственной норе,
В ней рождено начало компромиссам.
– Что за «начало»?
– Долгожданный мир,
Необходимый «просвещённым массам»,
Чтоб каждый гражданин вкушал кефир
С поджаренной картошкой и мясом.
– Неужто так покончим беспредел?
– Прошу, не спрашивайте больше и не спорьте, –
Сказал воробушек и быстро улетел.
Но воздух предварительно испортил.²

Данное стихотворение «посвящено» Хрущёву. Как впоследствии разъяснили пекинские комментаторы этих сатирических по отношению к Хрущёву стихов, говоря о «начале компромиссов» Мао Цзедун имеет в виду Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанный 5 августа 1963 года СССР, США и Британией.

Говоря о «картошке с мясом» Мао обыгрывает слова Хрущёва, сказанные в апреле 1964 года, что коммунизм для него – это полная тарелка гуляша для каждого советского гражданина. Гуляш на китайском языке – картошка с жареной говядиной. (Примечание агентства Синьхуа).

¹ Перевод Н.Асеева. Если иное не указано особо, стихи печатаются по изданию: Мао Цзе-Дун. Восемнадцать стихотворений. М., Правда. 1957.

² Стихотворение в переводе Ю.Ключникова. Прочитано на заседании Школы здравого смысла 1 марта 2018 года.

Подписано в печать 9.09.2019. Печать ризографическая.
Формат бумаги 60 x 84/8. Гарнитура Times. Объем 19,2 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 161

Издательский центр Университета управления «ТИСБИ»
(лицензия № 0272 от 23.08.1999 г.)
420012, г. Казань, ул. Муштары, 13

FOUNDERS:

Russian Association of International Law
Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan
The Supreme Court of the Republic of Tatarstan
Ombudsman for the Republic of Tatarstan
University of Management "TISBI"
Members of the Editorial Board

EDITORIAL BOARD:

Editor in Chief – Head of the Department of International Law, Law Faculty, University of Management "TISBI", Professor Dr. Alexander Mezyaev

Executive Secretary – PhD, Associate Professor of International Law University of Management "TISBI" Evgeniy Motrokhin

Members of the Editorial Board: RM Valeev, LL.D., Professor; GR Shaikhutdinova, LL.D., Professor; L.H.Mingazov, LL.D., Professor; AG Gataullin, LL.D., Professor; E.Yu.Motrohin, PhD, Associate Professor; NE Tyurina, LL.D, Associate Professor; N.G.Nugaeva, PhD, Associate Professor; R.Sh. Garipov, PhD, Associate Professor. R.A.Sharifullin, PhD., Professor.

CONTACT INFORMATION:

***Mailing address:** 420012, Kazan, Mushtari street, 13. University of Management "TISBI."

Faculty of Law. Department of International Law. Head of the Department Dr Prof A.Mezyaev

*** E-mail address:** alexmezyaev@gmail.com

*** Fax:** +7 - (843) - 294-83-23

*** Phone:** +7 999-156-91-32

***Website:** www.kjil.ru

*Opinions of the authors do not necessarily represent the opinion
of the editors or of the founders of the journal.*